АДКРЫТАЕ ГРАМАДСТВА

В НОМЕРЕ / IN THE ISSUE

Трудно найти более интересную и захватывающую тему для исследования, чем национальная проблематика. Она всегда привлекала исследователей и политиков и является непременным атрибутом серьёзных политологических работ, посвященных странам, осуществляющим переход к демократии и рынку. Слова "нация", "национальная идея", "национальное самосознание", "национальная культура и язык" никого не оставляют равнодушными. Вероятно, это является причиной того, что авторам не всегда удаётся подойти достаточно беспристрастно к рассмотрению проблем, затрагивающих политические аспекты национальных отношений. Одно дело, когда речь идёт, например, об изучении проблемы разделения властей, и совсем другое – когда учёному приходится писать о политике геноцида против собственного народа.

Субъективизм, который сопутствует рассмотрению вопросов национальных отношений, нередко является причиной выбора ошибочной стратегии и тактики в политической борьбе. Нечто подобное, по моему мнению, произошло и у нас в стране в конце 80-х – начале 90-х годов. Белорусов так долго унижали и угнетали на их этнической территории, что, когда создались благоприятные политические условия для артикуляции своих собственных национальных интересов, мы оказались настолько опьянены воздухом свободы, что не сумели избежать одной очень существенной ошибки. Видимо, неслучайно в Древнем Риме существовала пословица: festina lente, что означает – "торопись медленно". Мы переоценили степень готовности народа к восприятию национально-культурных лозунгов, уровень его национального самосознания. Выдвижение на передний план политической борьбы возрождения в качестве первоочередной задачи белорусского языка не принесло ожидаемых дивидендов. Оказалось, что процесс денационализации зашёл настолько далеко, что даже самая образованная и интеллектуально развитая его часть – интеллигенция и элита – в большинстве своём, осталась глуха не только к проблеме возрождения языка, но и, как показала практика, к представившейся возможности строительства собственного национального государства.

Воспользовавшись ошибками, которые допустили белорусские демократы, правящей верхушке удалось сформировать в обществе негативный образ БНФ, представить её лидеров в качестве экстремистов, далёких от повседневных нужд простого народа, которых интересуют проблемы белорусского языка и только. СМИ, подконтрольные властям, немало сделали для того, чтобы понятие "национализм" приобрело только негативный смысл. Ситуация усугублялась тем, что среди демократического движения не было единства в вопросе о государственности белорусского языка. На президентские выборы 1994 года демократы вышли с двумя кандидатами: С.Шушкевичем и З.Пазьняком. В итоге выборы принесли победу типичному выразителю интересов советских белорусов, которые испытывали ностальгию по относительно сытым и размеренно-спокойным брежневским временам и которым колбаса была ближе к сердцу, чем исторический бел-чырвона-белы флаг и государственность белорусского языка.

Сегодня история предоставила белорусским демократам новый шанс, который необходимо использовать для придания белорусскому государству национального характера. Его можно реализовать только посредством победы на предстоящих президентских выборах. Если он будет упущен, то над Беларусью нависнет реальная угроза потери своей государственности. В любом случае, каким бы ни был исход политической борьбы на президентских выборах, белорусское общество нуждается в разработке реалистической программы национального возрождения, которая бы учитывала особенности, присущие белорусской нации.

Данный номер журнала, как и предыдущий, является тематическим. Читатель, видимо, уже догадался, что он посвящён проблеме взаимодействия демократии и национализма в современной Беларуси. Редакция надеется, что материалы номера окажутся полезными не только партийным активистам и политикам, но и преподавателям общественных дисциплин, и студентам, а также всем тем, кто интересуется новейшей историей Беларуси и неравнодушен к судьбе собственной страны.

Михаил ПЛИСКО,
главный редактор
журнала "Открытое общество"

“Я НЕ ДУМАЮ, ЧТО НАМ НАДО ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ИДЕИ СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА”

Интервью кандидата философских наук, политолога Владимира РОВДЫ главному редактору журнала “Открытого общества” Михаилу ПЛИСКО

Плиско М.К.: Владимир Викторович, существуют различные концепции возникновения наций. Одни полагают, что нации существуют, по крайней мере, со времён средневековья, другие считают их продуктом буржуазных революций и развития капиталистических отношений. А что говорит современная наука по этому поводу? Не могли бы Вы изложить своё видение этой проблемы?

Ровда В.В.: Есть две основные и противоположные друг другу концепции происхождения наций. Одна из них основывается на теории премодернизма, что, мол, нации существовали всегда, в том числе, например, и в древнем Египте. Есть исследователи, которые считают, что на территории Великого Литовского княжества существовала нация литвинов и что именно она позднее трансформировалась в белорусскую нацию. Главным недостатком этой концепции является смешение двух понятий – “нации” и “этноса”. Этносы возникли на очень раннем этапе развития человечества, ещё в первобытном обществе. В основе их лежала общность культуры и определённая организация социальной жизни людей. Принадлежность человека к этносу в те времена не требовала от него самоосознания этого факта. Это была объективная данность. В отличие от нации, этносы не имеют политической компоненты, т.е. они не ставят перед собой политических задач и не стремятся к созданию своих собственных этнических государств. Фактически до XVIII века мир не знал национальных государств. Наций как таковых в природе не существовало. Существовали или многонациональные империи, в которых какой-либо один этнос занимал доминирующее положение, или небольшие государственные образования, своеобразные полисы, в средние века – это города-государства, которые не включали в свой состав всех представителей этноса.

Наиболее распространённой и общепризнанной теорией возникновения наций является теория, получившая наименование “модернизации”. Наиболее полно и детально она была сформулирована ныне покойным учёным Эрнстом Геллнером, перу которого принадлежит несколько книг и десятки статей по проблемам наций и национализма. Он утверждал, что нации являются продуктом модернизации или осовременивания. Модернизация – это многогранное и очень ёмкое понятие. Она включает в себя процесс перехода от традиционного общества к современному и в первую очередь – урбанизацию и развитие рыночной экономики. В ходе модернизации формируется совершенно новая социальная организация общества, появляются новые социальные группы и классы. Общество становится менее замкнутым, более подвижным, мобильным и коммуникабельным. Таким образом, процессы модернизации общества объективно влекут за собой процесс национальной интеграции, формирование национального сообщества людей, которое получает название нации. Эти национальные сообщества характеризуются тремя основными признаками. Во-первых, это общность культуры, которая заимствуется от этноса, на базе которого возникает сама нация. Во-вторых, это фактор политической воли. Без воли к единству, объединению нация может и не состояться. Носителем этой воли является национальная интеллигенция, элита общества. Именно она разрабатывает концепцию национального объединения и обосновывает необходимость этого объединения. Базой для неё являются события национальной истории, общность культуры и близость языка. Так постепенно у людей вырабатывается чувство патриотизма и осознание своей национальной принадлежности. Объективным фундаментом интеграционных процессов являются рыночные отношения, которые приводят к постепенному стиранию культурных и языковых различий между родственными этническими группами, возникновению литературного языка и единой системы национального образования. И, наконец, у формирующейся нации возникает необходимость в политическом самоопределении. Наиболее приемлемой формой этого самоопределения является национальное государство, во главе которого должны стоять представители своей собственной нации. Этого, кстати, не было в донациональный период. Тогда во главе государств могли стоять монархи, которые принадлежали к династиям других государств. С формированием национальных государств рычаги власти стали принадлежать представителям нации. В жизнь была воплощена идея французского национального государства. Эта же идея нашла своё воплощение в конце XVIII века в лозунге, который сформулировал Томас Джефферсон и который в видоизменённом виде дожил до сегодняшнего дня: “Америка для американцев”.

Плиско М.К.: Вы сказали, что в мире не было национальных государств до XVIII века. Но ведь в Англии буржуазная революция произошла в середине XVII века. Можно ли говорить, что в этой стране процесс формирования британской нации совпал с революцией и формированием буржуазных отношений?

Ровда В.В.: XVIII век был назван мною в качестве некоего рубежа и только. На самом деле процесс возникновения национальных отношений носил длительный и эволюционный характер. Одни элементы вызревали раньше, другие – позже. Особенно значительную роль в формировании протонациональных движений сыграл протестантизм, так как он поощрял частную инициативу людей и одним из его лозунгов было требование перевода библии на национальные языки. Кстати, ведь и Статут Великого Литовского княжества был написан на старобелорусском языке.

Если говорить об Англии, то здесь, по моему мнению, качественный скачок в формировании именно национального государства произошёл уже после упомянутой революции, которая носила характер религиозной войны и которую многие исследователи справедливо называют пуританской революцией. Политическая революция, по настоящему открывшая дорогу развитию рыночных отношений и передаче власти в руки выборных представителей нации, произошла позднее и получила название “славной революции”. Завершила процесс образования в Англии единого национального рынка и государства промышленная революция второй половины XVIII века. Именно она собрала воедино ранее разрозненные части страны и сыграла роль своеобразного национального тигеля. Затем процесс формирования национальных государств захватил Францию, США, во второй половине XIX века – Германию, Италию, страны Южной Европы, а в начале XX века – Центральную и Восточную Европу. Интересно отметить, что первоначально большевики поддержали национальные движения в России, национализм угнетённых наций и усиленно пропагандировали лозунг о праве нации на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Но после захвата власти, они отказались от него и в так называемом равноправном союзе национальных республики на деле эти союзные республики не располагали никакими реальными правами.

Плиско М.К.: По моему мнению, процесс возникновения национальных государств в XX веке проходил в менее благоприятных политических и геополитических условиях. Становлению новых национальных государств противились их более мощные в экономическом и военном отношении соседи, так как это вело к пересмотру существующих границ. На этой почве возникали территориальные споры, которые в отдельных случаях заканчивались войнами. Считаете ли Вы, что наличие огромного числа национальных и этнических конфликтов приводит к дискредитации национально идеи и национализма?

Ровда В.В.: И да, и нет. С одной стороны, это так. Действительно, до недавнего времени мы жили в мире с устоявшимися границами, однако распад СССР привёл к изменению геополитической ситуации, что создало в Центральной и Восточной Европе благоприятные условия для нового этапа национального движения. Некоторые западные политики с опаской восприняли процесс возникновения новых национальных государств. К счастью, в большинстве случаев их возникновение носило мирный характер и осуществлялось демократическим путём. Но, не везде. В Югославии, например, дело дошло даже до этнических чисток.

Национальная идея – обоюдоострое оружие. Ею могут пользоваться как демократы, так и недемократы. Она – мощнейшее оружие по силе воздействия на людей. Распад старой политической системы и крах коммунистической идеологии, которая выступала в роли своеобразного интегратора, привели к атомизации общества в посткоммунистических странах. Поскольку политический и идеологический плюрализм не могут появиться в одночасье, то на начальных стадиях трансформации посткоммунистических обществ только национализм наряду с религиозным фундаментализмом мог выступить в роли интегративного фактора. Об этом очень аргументировано писала известный польский исследователь Ядвига Станишкис. В большинстве стран национализм использовался для быстрого проведения демократических реформ. После укрепления политических партий и разнообразных общественных организаций, проведения рыночных реформ, появления среднего класса и завершения процесса формирования гражданского общества национализм утрачивает своё прежнее значение, как бы засыпает. Он проявляется в активной политической форме только тогда, когда возникает угроза национальной независимости, национальной культуре и т.д.

Плиско М.К.: Владимир Викторович, давайте теперь поговорим о формировании и развитии белорусской нации. Можно ли сказать, что белорусская нация существовала во времена Великого Литовского княжества? Если нет, то когда, по Вашему мнению, начала формироваться белорусская нация и в каких условиях происходило её развитие?

Ровда В.В.: В научном понимании говорить о начале формирования белорусской нации можно только со второй половины XIX века, хотя предпосылки для её формирования были заложены в предшествующий период. Именно тогда начался процесс формирования национальной интеллигенции. Вспомним имя Ф.Богушевича, его творчество и деятельность по развитию белорусского языка и культуры. Очень важное место в развитии белорусской нации занимает так называемый “виленский” период. Это годы издания в начале XX века журнала “Наша Ніва”. Вокруг “Нашай Нівы” объединилась целая плеяда выдающихся общественных и политических деятелей, литераторов, немало сделавших для разработки белорусской национальной идеи. Трудность становления национализма в Беларуси заключалась в аграрном характере её экономики. У нас не было городов, которые можно было бы считать индустриальными центрами, таких, например, как Рига, Киев, Варшава, Петербург. В принципе в большинстве стран Центральной и Восточной Европы была примерно схожая ситуация. В этих странах носителем национальной идеи выступает, как правило, сельская интеллигенция. Это придаёт национализму этих стран аграрный характер. В Чехии, например, городская культура была немецкоязычной и именно она доминировала на территории проживания чешского этноса. В этой стране процесс индустриализации совпал с развитием чешского национального движения, что и привело после падения Австрийской империи к созданию независимого чехословацкого государства. Аналогичным образом развивался процесс в странах Балтии, хотя, например, Эстония по уровню развития национальной культуры в то время уступала Беларуси. В трудных условиях проходило развитие национальной культуры и языка и в Латвии, где во многих городах большинство жителей составляли русские и евреи и где были сильные традиции немецкой культуры. Но главное, что они имели и что способствовало укреплению этих национальных государств – это сохранение ими независимости вплоть до начала Второй мировой войны.

У нас же, после распада Российской империи сложилась неблагоприятная политическая ситуация. После кратковременного периода существования БНР Беларусь оказалась под властью большевиков, которые вынуждены были пойти на создание БССР. На практике они оказались не меньшими русификаторами, чем деятели царского правительства. Не следует забывать и том, что в 20-30-е гг. белорусы оказались на положении разделённого народа. Западная часть белорусских земель оказалась под властью Польши, а на Востоке хозяйничали большевики. В Западной Беларуси по отношению к белорусам польское правительство проводило жёсткую политику полонизации, особенно по отношению к белорусам-католикам, белорусская культура и язык подвергались преследованиям и ограничениям. В советской части Беларуси, после укрупнения БССР и кратковременного периода “белоруссизации”, начала проводиться политика русификации. Под флагом борьбы с так называемой нацдемовщиной начался процесс физического уничтожения белорусской интеллигенции, в первую очередь, творческой. В сталинских лагерях погибло то поколение белорусской интеллигенции, которое позднее могло придать мощь и силу белорусской национальной идее. Позитивным фактором можно считать формальное сохранение своей государственности, пусть даже и в очень урезанном виде. Это можно отнести к достижениям белорусского национального движения. В начале 90-х гг. сохранение статуса союзной республики способствовало провозглашению независимого государства и признанию его со стороны России.

Если говорить о послевоенном развитии белорусской нации, то оно проходило также в крайне неблагоприятных условиях. Несмотря на то, что Беларусь была в числе победителей над фашистской Германии и даже соучредителем ООН, она понесла территориальные потери. От Беларуси были отторгнуты

Белостокская область и Виленский край. Отрицательно сказались на развитии нации и людские потери. Ведь Беларусь потеряла в войне каждого третьего своего жителя.

В отличие от многих союзных республик процесс индустриализации и урбанизации в Беларуси не сопровождался формированием в городах белорусскоязычной среды и национально ориентированной интеллигенции и элиты. В городах, несмотря на приток белорусскоговорящих жителей из сельской местности, разговорным языком остался русский язык. Давление со стороны русскоязычных было настолько сильным, что сельские жители, попав в город, переходили на русский язык и постепенно утрачивали "сваю родную мову". Это свидетельствует о том, что у нас не смогла сформироваться достаточно развитая городская белорусская культура.

Политику, которую в 50-80-х гг. проводило местное коммунистическое руководство, особенно при Машерове, с полным основанием можно назвать антинациональной и антибелорусской и это полностью устраивало Москву. Не случайно, находясь с визитом в Минске, Никита Хрущёв сказал, что белорусы первыми вступят в коммунизм, так как они все заговорили на русском языке. В отличие от нас в республиках Прибалтики местные коммунисты старались защищать национальную культуру своих народов и поддерживали свою интеллигенцию. Это было характерно и для Западной Украины.

Когда в начале 90-х гг. Беларуси представился шанс создать своё национальное государство, она из-за слабости белорусской национальной идеи и неразвитости национального самосознания так и не смогла реализовать его в полной мере. На мой взгляд, сегодня Беларусь нельзя назвать национальным государством, так как руководство нашей страны не проводит политику, направленную на укрепление белорусской культуры и языка, не защищает в должной мере национальные интересы страны. Скорее эту политику можно назвать антинациональной, так как она направлена против белорусского народа и может привести к поглощению нашего государства со стороны России. Это парадоксальная ситуация, так как с одной стороны сейчас мы имеем благоприятные политические условия для укрепления белорусской нации, которых никогда прежде не имели, а с другой стороны, такой русификации, которую мы наблюдаем сегодня, не было, наверное, даже при коммунистах.

Плиско М.К.: Так может быть мы уже бесповоротно опоздали и нам уже не удастся переломить ход событий, т.е. сохранить белорусскую нацию. И, вообще, можно ли говорить, что белорусская нация существует. Некоторые исследователи и политики считают, что процесс формирования белорусской нации не завершен и будет ли он завершён ещё неизвестно?

Ровда В.В.: Нет, я считаю, что процесс формирования белорусской нации завершился в 30-х годах. Другое дело, что ей присущи некоторые особенности, которые обуславливает её внутреннюю слабость. Ей не хватает того, что Л.Гумилёв называл пассионарностью. Это происходит из-за того, что нации недостаёт критической массы интеллигенции и элиты, осознающей свою белорусскость. Но то, что такая нация существует, у меня нет ни какого сомнения. Правда, можно сказать, что в Республике Беларусь, благодаря стараниям её руководства, она находится на положении национального меньшинства, по отношению к которому проводится политика дискриминации и порабощения.

В своё время белорусские демократы недооценили слабость белорусской национальной идеи, слабость белорусской нации. В 1991 году они попытались действовать так, как действовали демократы в прибалтийских республиках. И не удивительно, что у них ничего не получилось. У нас национальная идея не стала средством артикуляции интересов гражданского общества. В силу её слабости она не должна была выдвигаться оппозицией на первый план в политической борьбе. Решить задачу создания национального государства можно только посредством завоевания политической власти. О том, как это можно сделать и должны сегодня думать национально-ориентированные демократы. И если на первый план политической борьбы вновь будут выдвинуты культурные задачи, то мы опять проиграем. Нам необходимо разработать реалистическую программу возрождения белорусской нации и последовательно, шаг за шагом воплощать её в жизнь.

Плиско М.К.: Не могли бы Вы назвать хотя бы несколько пунктов такой программы?

Ровда В.В.: Первое и самое главное - это победа демократического кандидата на предстоящих президентских выборах. Предвыборная кампания должна проходить под лозунгами социально-экономического содержания. Затем проводятся свободные и демократические выборы в полномочный парламент, который утверждает программу белоруссизации. Причём мы не должны повторить ошибки первой половины 90-х гг., когда на белорусский язык обучения переводилась начальная школа и даже детские сады. Начать надо с системы высшего образования. Надо, чтобы вначале по-белорусски заговорила интеллигенция и элита общества. Тогда за ними потянутся и другие слои общества. Именно по такому пути идёт Украина и мы должны использовать её опыт. Думаю, что на реализации подобной программы потребуется не более десяти лет.

Плиско М.К.: Владимир Викторович, Вы говорили, процесс превращения этноса в нацию характеризовался ломкой региональных перегородок и локальных культурных различий. Такие процессы можно наблюдать и сейчас. Например, сегодня полным ходом идёт объединение Западной Европы, Северной и Центральной Америки, такие же интеграционные процессы идут и в других частях мира. Так может быть белорусам и не стоит суетиться с решением задачи создания своего национального государства? Ведь в недалёком будущем, возможно, придётся объединяться с другими нациями и государствами? Да и, вообще, быть может, скоро и сами нации исчезнут?

Ровда В.В.: В том, что нации могут исчезнуть, нет ничего антинаучного и необычного. Это проявление законов диалектики, по которым идёт развитие природы и общества. Объединительные процессы, которыми охвачены передовые страны мира, свидетельствует о том, что мир вступил в новую стадию модернизации - стадию постиндустриального и информационного общества. Очевидно и то, что интеграционные процессы ведут к ослаблению роли национальных государств. Некоторые функции, которые им присущи, передаются наднациональным органам управления. Но нельзя не заметить, что одновременно с объединительными процессами можно наблюдать усиление процессов регионализации и рост национального сепаратизма. Причем, это происходит и в развитых странах Европы, таких как Бельгия, Германия, Британия, Италия, Испания, а также в Канаде. Поэтому, я не думаю, что нам надо отказаться от идеи создания национального государства. Сегодня никто не сможет сказать точно, сколь продолжительной будет новая стадия модернизации и чем она завершится. В качестве превентивной меры можно было бы уже сейчас принять программу развития английского языка, так как именно он становится языком межнационального общения.

Плиско М.К.: Спасибо Вам, Владимир Викторович, за содержательное и интересное интервью и успехов в Вашей работе.

Генадзь ПРАНЕВІЧ,
кандыдат філалагічных навук, дацэнт

МЭНТАЛІТЭТ У СІСТЭМЕ КААРДЫНАТ НАЦЫЯНАЛЬНАГА БЫЦЬЦЯ

"Чалавек – гэта тое, што ён спажывае", – афарыстычна заўважыў неяк нямецкі філосаф Г. Лейбніц.

"Чалавек – гэта тое, дзе і ў якіх умовах ён нарадзіўся і жыве", – дадасьць не філосаф і таксама будзе мець рацыю.

"Чалавек – гэта тое, што ён думае і як ён дзейнічае" – падоўжыць рад гэтых азначэньняў нехта трэці і зробіць свой унёсак у характарыстыку мэнталітэту… Так, менавіта мэнталітэту – паняцьця, якім мы звычайна карыстаемся, калі патрабуецца акрэсліць адметнасьць, спецыфічную своеасаблівасьць, самасьць пэўнага суб'екта гістарычнага працэсу – чалавека, этнасу, нацыі, пэўнай этнаграфічнай групы людзей ці нават цэлай расы.

Калі зьвесьці да нейкай сумы шматлікія назіраньні вучоных і тыя вызначэньні, якія даюць энцыклапедычныя даведнікі, дык мэнтальнасьць (ад лац. mens – уяўленне, розум) – гэта сьветабачаньне, адмысловы, адметны спосаб мысьленьня і стаўленьня пэўнага этнасу альбо папуляцыі да жыцьця і рэчаіснасьці, якія вынікаюць з цэлага шэрагу фактараў, такіх як прыродна-геаграфічныя асаблівасьці і ўмовы жыцьцядзейнасьці, прырода, клімат, рэлігія, гістарычны вопыт і г.д.

Заўважым у дадатак, што мэнталітэт – фактар гістарычна ўстойлівы, кансэрватыўны, бо грунтуецца на базавых архетыпах падсьвядомага нацыянальнага "я", зь якіх складаецца адмысловая матрыца сьветаадчуваньня і этыкі паводзін асобнага чалавека і цэлага народа, якая перадаецца з пакаленьня ў пакаленьне ўсёй плыньню жыцьця – генэтычна, праз выхаваньне, культуру, мастацтва, бытавы і гаспадарчы ўклад і г. д. І ў той жа час – рухомы, зьменьлівы, залежны ад канкрэтных прыродных, гістарычных, сацыяльна-палітычных умоў існаваньня этнасу.

Складаныя праблемы, з якімі сутыкнулася беларускае грамадзтва ў працэсе этнічнай і гісторыка-культурнай самаідэнтыфікацыі, пабудовы дэмакратычнай прававой дзяржавы і рынкавай эканомікі, відавочны разрыў паміж дэмакратычнай элітай і масай, паміж пасіянарнай часткай грамадзтва і яе інэртнай большасьцю, цяжкасьць паразуменьня прымушаюць больш пільна прыглядзецца да духоўных асноў нацыянальнага характару і мэнтальнасьці беларусаў, шукаючы найперш тут разгадку нязвыклай, часта парадаксальнай рэакцыі народа і асобных сацыяльных груп насельніцтва на рэаліі сучаснага сьвету, узаемадачыненьні з уладай, палітычнымі рухамі і г.д. У самую пару задумацца і над такім пытаньнем: наколькі палітычная ідэалогія дэмакратычнага руху ўлічвае асаблівасьці беларускага мэнталітэту і ці надае яму належнае месца ў палітычных тэхналогіях.

1. ПАНЯЦЬЦЕ АБ БАЗАВЫМ МЭНТАЛІТЭЦЕ: ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНЫЯ І САЦЫЯЛЬНЫЯ НАЗІРАНЬНІ

Для ацэнкі дынамікі мэнтальнай сфэры, зьмен, якія ў ёй адбываліся і адбываюцца, не абысьціся без такога паняцьця, як *базавы мэнталітэт*, зь якім мы звычайна атаясамліваем талерантнасьць, памяркоўнасьць, традыцыйны кансэрватызм беларусаў.

Прырода беларускага нацыянальнага мэнталітэту ў значнай ступені вызначаецца фактарам універсальнай *прыродна-геаграфічнай, геапалітычнай* і *цывілізацыйна-культурнай* прамежкавасьці ці, як слушна лічыць А.Мальдзіс, сярэдзіннасьці альбо эўрацэнтрызму беларускага этнасу [1]. На гэтыя акалічнасьці некалі зьвярталі ўвагу такія выдатныя вучоныя, філосафы і мысьліцелі эпохі Рэнесансу, як Ф.Скарына, М.Гусоўскі, С.Будны, а ў XIX-XX ст.ст. – А.Міцкевіч, Ф.Багушэвіч, Я.Купала, Я.Колас, М.Гарэцкі, І.Канчэўскі, А.Смоліч і інш.

Можна назваць яшчэ некалькі важнейшых фактараў, якія паўплывалі на фармаваньне гэткай адмысловай беларускай мэнтальнасьці: 1) геаграфічна-ландшафтныя і прыродна-кліматычныя асаблівасьці тэрыторыі Беларусі; 2) геафізічны склад глебаў і біясфэры; 3) сацыяльна-гаспадарчы ўклад жыцьця.

Вытокі талерантнасьці, прырода памяркоўнага, неканфліктнага характару беларусаў карэняцца, відаць, ужо ва ўмераных прыродна-кліматычных умовах жыцьця, у пераходным ад поўначы да поўдня характары флоры і фаўны, мяккім раўнінна-ўзгоркавым рэльефе і лясіста-балоціста-палявым ландшафце, у якіх выявілася складаная прыродна-геаграфічная разнастайнасьць і шматаблічнасьць акаляючага нас сьвету, яго супярэчлівасьць і адзінства, натуральна ўраўнаважаныя і пагоджаныя ў агульным прыродна-кліматычным балансе Беларусі.

Яшчэ ў большай ступені на ўсталяваньне талерантнасьці як нормы паводзін і этыкі ўзаемаадносін паміж людзьмі і народамі паўплывалі, аднак, умовы і асаблівасьці гістарычнага і сацыяльна-палітычнага жыцьця беларускай нацыі, сярод якіх важнейшую ролю адыграў якраз геапалітычны фактар – эўрацэнтрычнае месцазнаходжаньне Беларусі на перасячэньні шляхоў з Усходу на Захад і з Поўначы на Поўдзень, па так званым былым шляху "из варяг в греки", што абумовіла тут, як шчыльнае ўзаемадзеяньне і суіснаваньне культур рознай рэлігійна-этнічнай і духоўнай арыентацыі: усходняй і заходняй, каталіцка-пратэстанцкай і візантыйска-праваслаўнай, іудзейскай і ісламскай, – так і перманентную ўключанасьць краю ў кола стратэгічных ваенна-палітычных і эканамічных інтарэсаў народаў і краін Эўропы і нават Азіі [2].

Прыкладам, А.Міцкевіч ў сваім курсе славянскіх літаратур, чытаным ў Калеж дэ Франс у Парыжы, так пісаў пра гістарычны лёс Літвы-Беларусі: "Нарманы і ляхі прыходзілі сюды са сваёй уладай, і схіляліся яны то пад скіпетрам рускіх князёў, то пад уладай Польшчы. З той пары, калі іх заваяваў дом Рурыка, яны былі ў складзе рускіх земляў… Тут сутыкалася каталіцкая рэлігія з усходняй царквой, шляхецкая Рэч Паспалітая з сістэмай самаўладства…" [3].

Жыцьцёвая неабходнасьць падтрыманьня складанай раўнавагі, балансу featureрознахарактарных і рознанакіраваных сіл і ўплываў (комплекс Шаляў), у сфэры якіх нязменна аказваўся беларускі народ на працягу сваёй тысячагадовай гісторыі, як і ўвогуле кансэрватыўна-ахоўны статус цэнтра, на наш погляд, і паслужылі асновай талерантнасьці беларусаў як сьветапогляду і своеасаблівай філасофіі жыцьця.

Надзвычай разьвіты інтэграцыйны складнік беларускага нацыянальнага характару, выяўлены ў філасофіі і этыцы талерантнасьці, абумоўлены, такім чынам, не толькі ўзьдзеяньнем эўрацэнтрычных фактараў, павышанай камунікатыўнасьцю і цікавасьцю беларусаў да вонкавага сьвету, але і абмежаванымі мажлівасьцямі для разьвіцьця і эмансыпацыі свайго ўласнага нацыянальнага "эга", зьвязаны з філасофіяй выжываньня, пастаяннай неабходнасьцю залагоджваньня "чужога" як неабходнай умовай самазахаваньня.

Пераважна з гэтых пазіцый варта разглядаць і ацэньваць утварэньне дзяржаўнай канфэдэрацыі паміж Вялікім княствам Літоўскім і Польскім Каралеўствам, замацаванае актам Люблінскай уніі 1569 года падчас Лівонскай вайны з Масковіяй. У значнай ступені тое ж датычыцца і Брэсцкай уніі 1596 года паміж праваслаўнай і каталіцкай цэрквамі.

Нездарма здольнасьць да сацыяльна-этнічнай мімікрыі, падладжваньне пад моцнага і дужага дзівосным чынам спалучаюцца ў беларусаў з так званым "комплексам ваўка", які характарызуецца выключнай любоўю да роднай зямлі, прывязанасьцю да родных мясьцін, адданасьцю традыцыям свайго роду-племені і гатоўнасьцю бараніць сваю зямлю і ўласныя сама-

бытныя духоўна-этычныя і маральныя пачаткі, выяўленыя ў натуральных прынцыпах дабра, праўды, справядлівасьці.

Аналізуючы дамінантныя фактары беларускай мэнтальнасьці, асаблівую ўвагу неабходна зьвярнуць на спецыфічны працэс станаўленьня беларускай нацыі, наяўнасьць у ім дзьвюх гістарычных фазаў разьвіцьця, калі, пачаўшы фарміравацца яшчэ ў фэўадальную эпоху па класічным эўрапейскім тыпе, маючы сваёй асноўнай сацыяльнай базай буйных магнатаў, шляхту, гараджан, яна ў выніку рэалізавалася ў новым часе (XIX-пачатак XX ст.ст.) ужо як нацыя сялянская паводле сваёй асноўнай сацыяльнай дамінанты.

Страта элітарных слаёў, узрастаньне ролі мужыцка-сялянскіх пачаткаў істотна паўплывалі на характар і зьмест беларускай нацыянальнай мэнтальнасьці, пазначанай на гэтым этапе большай кансэрватыўнасьцю сацыяльна-палітычнага мысьленьня, абачлівасьцю і асьцярожнасьцю, характэрнымі для сялянскага класа.

Адначасна гэты працэс суправаджаўся паглыбленьнем і замацаваньнем у рэестры нацыянальных каштоўнасьцяў такіх традыцыйных рысаў сялянскага сьветапогляду, як любоў і прывязанасьць да свайго кутка зямлі, гаспадарлівасьць, ашчаднасьць, працавітасьць, цярплівасьць, адданасьць сям'і і сямейна-родавая салідарнасьць, усьведамленьне магчымасьцяў і межаў уласнай свабоды.

У гэты перыяд складаецца своеасаблівы тып мэнтальнасьці, цесна спалучаны з ідэяй выжываньня і самазахаваньня народа. Нездарма ў літаратуры і мастацтве гэтага перыяду амаль культавай увагай карыстаюцца вобразы ваўкоў альбо ваўкалакаў як своеасаблівых татэмаў-прабацькоў, закліканых вытлумачыць мэнтальнасьць беларусаў як народа ляснога, земляробча-аседлага, гаспадарлівага, накрэпка прывязанага да свайго жытла, сям'і, роднага кутка, адпорнага і стойкага ў вайне, асабліва пры абароне сваёй зямлі.

Згодна з гэтай мэнтальнасьцю беларусы не любяць пакідаць родныя мясьціны. Лічылася ледзь не амаральным, калі чалавек прадаваў сваю хату альбо сядзібу. З пагардай і недаверам ставіліся ў вёсках да прымакоў, што не мелі свайго кутка, хаты і прыходзілі на жончыну гаспадарку. Ці да тых перакінчыкаў, што лёгка спакушаліся на чужыя ласункі і прынады.

Успомнім радкі выдатнага нацыянальнага паэта Ф.Багушэвіча:

"Ад чужога хлеба губы абсядаюць,
Што чужога прагнуць, то сваё кідаюць.
Я не кіну хаты, хоць вы мяне рэжце.
Не пайду да вас я, хіба ў арэшце.
А хоць сілай навет адарвалі б з дому,
Калісьці вярнуўся б, як мядзьведзь да лому.
Заваліцца й хата, зарастуць пакосы,
Усё б я вярнуўся, хоць голы да босы" [4].

Такім чынам, мэнтальнасьць не містыка, а аб'ектыўны і вельмі сур'ёзны фактар, які падлягае ўліку і ацэнцы пры выпрацоўцы стратэгіі і тактыкі дэмакратычных пераўтварэньняў, правядзеньні сацыяльных і рынкавых рэформаў, прыняцьці адказных палітычных і гаспадарчых рашэньняў.

Паказальна, што ў былым СССР вывучэньне мэнтальных асаблівасьцяў шматлікіх народаў было пастаўлена на салідную навуковую аснову, а іх вынікі выкарыстоўваліся для правядзеньня адпаведнай нацыянальнай палітыкі.

Так, па сьведчаньні вучоных-эколагаў, у часы халоднай вайны ў СССР рабіліся спробы растварыць і зьнішчыць беларускі этнас, паколькі Беларусь разглядалася як плацдарм для магчымых ваенных дзеяньняў з Захадам, у сувязі з чым яе тэрыторыю меркавалася зрабіць своеасаблівым выпрабавальным палігонам. Для рэалізацыі задачы патрэбна было пературыць тубыльцаў у дэнацыяналізаванае насельніцтва, якое не пачувала б сябе гаспадаром на ўласнай зямлі і было б не ў стане прадухіліць рэалізацыю адпаведных планаў. Таму карэнных жыхароў (пераважна моладзь) мэтанакіравана адпраўлялі на ўдарныя камсамольскія новабудоўлі, у шахты Данбаса, на цалінныя землі, адначасова замяшчаючы іх на Беларусі вызваленымі з турмаў крымінальнікамі – выхадцамі з розных куткоў былога СССР.

Аднак эксперымэнт не зусім ўдаўся: масавай дэградацыі і разлажэння этнасу не адбылося. Большасьць новапрыбылых, асвоіўшыся на новым месцы, праз колькі гадоў не толькі выпраўляліся, станавіліся нармальнымі людзьмі, больш за тое – беларусамі, набывалі тутэйшы мэнталітэт, прымалі жыцьцёвую філасофію тубыльцаў.

Праведзеныя Міністэрствам абароны СССР у 70-х гг. сакрэтныя дасьледаваньні далі сэнсацыйныя вынікі: адказнай за правал была прызнана сама зямля Беларусі, у глебах якой (зразумела, што і ў прадуктах харчаваньня) адсутнічаюць ці знаходзяцца ў вельмі малой колькасьці такія элемэнты, як цынк, бор, селен, ёд, што адказваюць за працэсы ўзбуджэньня кары галаўнога мозгу. У выніку ў пэўнай часткі новапрыбылых з часам падаўлялася празьмерная агрэсіўнасьць, нэрвова-псіхічная неўраўнаважанасьць, якія, як вядома, штурхаюць людзей на канфлікты і злачынствы.

Няма асаблівай патрэбы тлумачыць, што названыя тут прыродныя і біяфізічныя фактары складаюць пэўныя перадумовы для фармаваньня асаблівага тыпу нацыянальнага характару і мэнтальнасьці беларусаў, з якіх вынікае крыху меланхалічны, нясьпешны, спакойна-разважлівы спосаб паводзін і адносін да жыцьця і рэчаіснасьці. Яшчэ на пачатку XVI стагодзьдзя на гэтыя рысы характару і мэнтальнасьці жыхароў роднага краю зьвярнуў увагу паэт-лацініст М.Гусоўскі, алегарычна ўвасобіўшы свой гераічны рыцарскі народ у вобразе расліннаежнага волата пушчанскіх лясоў – зубра:

"Зубр для людзей не страшны: не чапай – не зачэпіць,
Будзе стаяць як укопаны – пастыр на варце,
Не страпянецца, а позіркам пасціць няспынна
І чараду, і сям'ю ў чарадзе на папасе,
Ды і любую пагрозу ўласнай бяспецы" [5].

Ідэал мірнага воіна-абаронцы ляжыць і ў аснове скарынавага запавета неагрэсіўнага, але адпорнага нацыянальнага суіснаваньня з іншымі людзьмі і народамі, які асьветнік сьцьвярдзіў на аснове аднаго з важнейшых пастулатаў хрысьціянскай этыкі: "… то чинити иным всем, что самому любо ест от иных всех, и того не чинити иным, чего сам не хощеши от иных имети" [6].

Паказальна аднак, што ўжо ў тую эпоху пачынае ўсьведамляцца адносны характар філасофіі талерантнасьці, каштоўнасьць якой залежала ад канкрэтных гістарычных умоў і непасрэдных нацыянальна-дзяржаўных задач, з якімі сутыкалася краіна.

Так, калі ў пачатку XVI стагодзьдзя М.Гусоўскі яшчэ паэтызаваў міралюбнасьць зубра-рыцара ("не чапай – не зачэпіць"), яўна атаясамліваючы ягоны прыродны нораў з характарам свайго народа, дык ужо ў другой палове XVI–XVII стст. залішняя прыродная мяккасьць, рахманасьць, падатлівасьць ліцьвінаў ва ўмовах агрэсіўнага наступу Польшчы і Масковіі пачынаюць усьведамляцца як недахоп, як адна з прычын дзяржаўна-палітычнага заняпаду Вялікага княства Літоўскага.

У гэтым сэнсе надзвычай паказальны погляд на мэнталітэт беларусаў выдатнага пісьменьніка-публіцыста другой паловы XVI стагодзьдзя Філона Кміты-Чарнобыльскага, які, аналізуючы ў сваіх "Допісах" агрэсіўны характар палітыкі і дзеяньняў суседзяў, з горыччу пісаў: "Давно резать почали литвина, и тот де, с прыроженя натуры на себе сам необачное… просто як овца: где их больш берет волк, там оне дальше за ним идут! Большы будет жычлившый народу польскому, нижели своему! Ова просто есмо як рыба в омуте:слепи, неведоми! Не ведаем, куды в сию есмо диру влезли" [7].

Як бачым, гэтую больш як чатырохсотгадовую характарыстыку лёгка прымерыць да стану сучаснага беларускага грамадзтва, што пераканальна сьведчыць аб устойлівасьці некаторых зыходных рысаў базавага мэнталітэту.

Трэба аднак улічваць, што алгарытм нацыянальнага разьвіцьця ў роўнай ступені абапіраецца на дзьве разнавіднасьці нацыянальнага мэнталітэту і спосабу гістарычнага дзеяньня. Адвеку ў нашым народзе суіснавалі як бы два тыпы, дзьве разнавіднасьці ці, дакладней, якасьці нацыянальнага характару: цьвёрдасьць і мяккасьць, падатлівасьць і маўклівая, зацятая ўпартасьць, цярплівасьць і адчайны, гераічны радыкалізм. Пры гэтым у залежнасьці ад канкрэтнай сітуацыі паступальны гістарычны прагрэс нацыі адбываўся як праз гераічны радыкалізм, так і праз ахоўны кансэрватызм і памяркоўны лібералізм.

Ствараецца ўражаньне, што менавіта суіснаваньне і цеснае ўзаемадзеяньне гэтых двух тыпаў нацыянальных паводзін якраз і забясьпечваюць унутраную жыцьцёвую устойлівасьць беларускай нацыі, яе здольнасьць жыць і выжываць на скрыжаваньнях эўрапейскай і сусьветнай гісторыі.

Цікава, што, распрацоўваючы ў свой час план "Барбароса" – вайны з Савецкім Саюзам, – немцы недастаткова адэкватна ацанілі гэтую мэнтальную асаблівасьць нацыянальнага характару, ахарактарызаваўшы беларусаў як памяркоўны, мяккі, рахманы народ, які лёгка здымаецца з месца, схільны да падарожжаў і г.д., і ў выніку атрымалі ў сваім тыле ў часе апошняй вайны паўмільённую армію партызан, якія адчайна змагаліся за сваю зямлю, родныя хаты і сям'і супраць акупацыйнай палітыкі карных аперацый у дачыненьні да мірнага насельніцтва і прымусовага вывазу моладзі на работы ў Германію.

У цэлым жа, безумоўна, мы – народ, гістарычная дзейнасьць і палітычная воля якога выяўляюцца на мяжы цярпеньня, у экстрэмальных сітуацыях, цяжарных класічным "альбо-альбо".

Гэта значыць, што пры дамінаваньні ў нацыянальным жыцьці этыкі талерантнасьці і палітычнай ідэалогіі кансэрватызму гістарычнае разьвіцьцё нацыі адбываецца праз пасіянарныя штуршкі-прарывы, якія ўносяць у філасофію нацыянальнага жыцьця істотныя папраўкі і карэктывы. Асобныя з іх, такія, напрыклад, як знакамітая фраза К.Каліноўскага "Тады дажджэшся, народзе, старасьці спакойна, калі над табой ужо маскаля не будзе" ("Пісьмо з-пад шыбеніцы"), альбо не менш слынныя заклікі Я.Купалы "паверыць сіле – збавіцельцы ад усіх мук", дабівацца "поўнай дзяржаўнай незалежнасьці", якая адна толькі і можа даць нашаму народу "і праўдзівую свабоду, і багатае існаваньне, і добрую славу" (артыкул "Незалежнасьць"), яшчэ і сёньня выконваюць у жыцьці народа функцыю нацыянальнага запавета.

Дарэчы, пасля распаду Рэчы Паспалітай гэтыя пасіянарныя штуршкі паўтараліся з зайздросным пастаянствам амаль праз кожныя трыццаць гадоў: 1794 г. – паўстаньне Т.Касцюшкі; лістападаўскае паўстаньне 1830-31 гг.; паўстаньне 1863 г. пад кіраўніцтвам К.Каліноўскага; адраджэнскі рух пачатку XX стагодзьдзя. У савецкі час гэтыя штуршкі папросту мікшыраваліся перманентнымі рэпрэсіямі і войнамі, аднак падзеі апошніх 10 гадоў засьведчылі, што пасіянарны патэнцыял народа не вычарпаны і мае тэндэнцыю да ўзрастаньня і пашырэньня на розныя сацыяльныя колы і пласты беларускага грамадзтва, уключаючы нацыянальна арыентаваную наменклатуру.

2. "ЗРУШАНЫ" МЭНТАЛІТЭТ: ДЭГРАДАЦЫЯ ЦІ ПАСІЯНАРНЫ ЎЗДЫМ?

Зыходзячы з вядомай тэорыі Л.Гумілёва, мэтазгодна задаць пытаньне: чакае беларусаў неўзабаве эпоха новага пасіянарнага ўздыму (як у часы ўзьнікненьня і росквіту Вялікага княства Літоўскага), зьвязанага з працягам этнагенэзу (ролю мутагенных фактараў адыгралі тут узмоцненая саветызацыя і русіфікацыя насельніцтва, міграцыйныя працэсы, міжнацыянальныя шлюбы і г.д., а апошнім часам – імклівая эўрапеізацыя жыцця), ці канчатковая дэградацыя, абумоўленая мутацыямі эколага-тэхнагеннага і сацыяльнага плана, якія закранулі прыродныя базісныя асновы традыцыйнага нацыянальнага мэнталітэту.

Сярод гэтых новых мутацыйных фактараў, якія Беларусь перажыла напрыканцы XX стагодзьдзя (у апошнія трыццаць гадоў), можна вылучыць наступныя:

1. Чарнобыль і наступствы глабальнага радыяцыйнага забруджваньня, якія закранулі практычна ўсю нацыю, унеслі пачасту неабарачальныя зьмены ў генатып чалавека і механізм спадчыннасці;

2. Катастрафічныя экалагічныя зрухі ў прыродзе, выкліканыя меліярацыяй, злачыннай хімізацыяй сельскай гаспадаркі, якія пацягнулі за сабой масавую дэградацыю глебаў, зьмену біясфэры і прыродных ландшафтаў;

3. Радыкальная урбанізацыя вясковага насельніцтва;

4. Інфармацыйны выбух;

5. Глабалізацыя жыцьця.

Пры гэтым неабходна зазначыць, што біясацыяльныя мутацыі – з'ява неадназначная: яны альбо вядуць да поўнай дэградацыі і выраджэньня этнасу, спараджаюць монстраў, альбо ствараюць механізмы адаптацыі і прыстасаваньня да новых умоў жыцьця, спрыяюць выпраўленьню збоеў і паломак у сістэме.

Карацей кажучы, этнас павінен альбо загінуць, альбо адрадзіцца праз мутацыйную карэкцыю, зьмену некаторых, гістарычна (прыродна) абумоўленых рысаў традыцыйнай мэнтальнасьці і новы пасіянарны ўздым.

Першае і самае істотнае, што вынікае з аналізу катастрафічных пагроз, што ўзьніклі на пераломе тысячагодзьдзяў, – неабходна пазбавіцца фаталізму і абыякавасьці ў дачыненні да ўласнага лёсу. Больш самачыннасьці і веры ва ўласныя магчымасьці і сілы. Традыцыйнае беларускае "няхай", "само зробіцца" больш не можа гарантаваць нашай прысутнасьці ў сьвеце. Да гэтага часу (нават ва ўмовах татальнай русіфікацыі і саветызацыі) задачу самаідэнтыфікацыі, узнаўленьня і перадачы базавых рысаў (архетыпаў) нацыянальнай мэнтальнасьці незалежна ад нашых намаганьняў выконвала сама прырода, традыцыйны вясковы ўклад жыцьця, захаваныя на сялянскім падворку саха, мова і песьня, – яны прадукавалі з пакаленьня ў пакаленьне традыцыйны тып беларуса. Пасля Чарнобыля, меліярацыі, калектывізацыі, урбанізацыі, якія радыкальна зьмянілі характар, умовы і спосаб жыцьця папуляцыі, асноўнымі крыніцамі ўзнаўленьня базавага мэнталітэту застаюцца геапалітычны фактар, культура, мова, гістарычная памяць.

Другое. Сёння Беларусь перажывае неймаверныя сацыяльна-палітычныя, псіхалагічныя, маральныя перагрузкі і стрэсы, якія выкліканы вострым канфліктам "зрушанай", тыранічна прышчэпленай савецкай мэнтальнасьці і новых цывілізацыйных каштоўнасьцяў дэмакратыі і гуманізму, носьбітам якіх з'яўляецца найбольш пасіянарная частка грамадзтва – моладзь, навуковая і творчая інтэлігенцыя, прадстаўнікі бізнэсу. Задача заключаецца ў стварэнні прымальнай палітычнай ідэалогіі, якая магла б аб'яднаць канфліктуючыя групы грамадзтва на аснове гуманістычных каштоўнасьцяў нацыянальнага мэнталітэту (перш за ўсё базавага ўзроўню) праз уключэньне насельніцтва краіны ў працэс нацыянальна-культурнай і гістарычнай самаідэнтыфікацыі дзеля глыбейшага пазнаньня саміх сябе і вызначэньня перспектывы ўласнага гістарычнага разьвіцьця.

3. МЭНТАЛІТЭТ ЯК АБ'ЕКТ ПАЛІТЫЧНАЙ ІДЭАЛОГІІ: МАНІПУЛЯЦЫІ І СЬПЕКУЛЯЦЫІ

Нацыянальны мэнталітэт, які ўяўляе сабой складаную каштоўнасна-арыентацыйную сфэру сучаснага чалавека, з'яўляецца адным з важнейшых складнікоў і аб'ектаў палітычнай ідэалогіі дзяржавы, палітычных партый і рухаў разнастайнай арыентацыі, па-за якім вельмі цяжка ўявіць сабе выпрацоўку сучаснай стратэгіі і тактыкі грамадзкіх пераўтварэнняў, правядзеньне сацыяльных і рынкавых рэформаў, прыняцьце адказных палітычных і гаспадарчых рашэньняў.

Вядома таксама, што веданьне нацыянальнай псіхалогіі і мэнтальнасьці, адчуваньне падсьвядомай мэнтальнай сфэры, зьвязанай з інстынктамі, стэрэатыпамі мысьленьня і паводзін, фобіямі і сурагатамі бытавой сьвядомасьці значна пашыраюць (асабліва ў часе выбарчых кампаній) магчымасьці палітычнага прагназаваньня, выбару аптымальных шляхоў і сродкаў дасягненьня пастаўленых мэтаў, робяць палітычную дзейнасьць палітычных партый і грамадзкіх лідэраў унутрана матываванай, асэнсаванай.

Калі гаварыць пра стаўленьне да гэтага фактару беларускіх палітыкаў, дык, як ні дзіўна, давядзецца прызнаць тут пэўныя "посьпехі" найперш за кіруючым рэжымам.

Найперш зазначым, што і В.Кебіч і А.Лукашэнка (ці тыя, хто планаваў і кантраляваў гэты працэс ужо на стадыі фармаваньня перадвыбарчай платформы тагачаснага кандыдата ў прэзідэнты ў 1994 г.), выключна ўдала сыгралі на талерантнасьці і традыцыйным кансэрватызме настрояў выбаршчыкаў, стомленых настальгіяй і падзеньнем жыцьцёвага ўзроўню насельніцтва пасьля распаду СССР.

Прыгадаем, што ўжо ў часы В.Кебіча ідэалагічнае ведамства Ул. Замяталіна для камуфляжу сваёй дэструктыўнай антынацыянальнай дзейнасьці ў пары з традыцыйнымі лозунгамі аб інтэрнацыянальным брацтве і дружбе з вялікім рускім народам узмоцнена рэкламавала і ўхваляла як узор талерантнасьці падатлівасьць і пластычнасьць беларускага нацыянальнага характару, што ва ўмовах перадвыбарчай кампаніі мела на мэце падоўжыць летаргію беларускага нацыянальнага жыцьця, закансэрваваць здавальняючы кіруючую эліту стан палітычнай самасьвядомасьці народа, каб захаваць статус-кво, выгадны ёй расклад палітычных сіл і, вядома ж, уладу. Пад прыкрыцьцём змаганьня за талерантнасьць улада фактычна праводзіла ранейшую камуністычную палітыку дэнацыяналізацыі, якая абярнулася для беларускага грамадзтва руйнаваньнем і вынішчэньнем самабытных асноў нацыянальнага жыцьця, культуры і мовы народа і, як высьветлілася пазьней, рыхтавала глебу пад сумнавядомы рэферэндум 1995 года аб наданьні рускай мове статуса другой дзяржаўнай і аб эканамічнай інтэграцыі з Расіяй, што фактычна паклала пачатак новай унутранай акупацыі краіны.

Што датычыць А.Лукашэнкі, дык нельга не адзначыць яго асьцярожнага абыходжаньня з так званым комплексам "мірнага воіна", які вынікае з мэнтальных рысаў беларускага нацыянальнага характару. Аглядка на гэты комплекс пастаянна прысутнічае ў палітычнай ідэалогіі і дзеяньнях А.Лукашэнкі. Нават прымаючы актыўны ўдзел ва ўсіх мерапрыемствах, што вынікаюць з Дамовы аб калектыўнай бясьпецы краін СНД, і выступаючы іншы раз з надзвычай рызыкоўнымі ініцыятывамі, накшталт стварэньня сумеснай трохсоттысячнай беларуска-расійскай ваеннай групоўкі, ён кожны раз суправаджае свае дзеяньні абяцаньнямі не пасылаць салдат у гарачыя кропкі.

Паводле назіраньняў, ідэалагічныя маніпуляцыі і сьпекуляцыі мэнтальнымі асаблівасьцямі нацыянальнага характару з мэтай прышчапіць, укараніць у падсьвядомасьць народа патрэбныя ідэалагемы альбо навязаць выгадныя палітычныя сцэнарыі, ацэнкі і рашэньні становяцца адным з самых распаўсюджаных сродкаў барацьбы рэжыма з апазіцыяй.

Трэба прызнаць, што рэжым досыць пасьпяхова сьпекулюе на частых ваяжах і апэляцыях апазіцыйных сёньняшняму рэжыму палітыкаў да Захаду, абвінавачваючы іх у непатрыятызме і добра ведаючы, што ў адпаведнасьці з даўняй, укаранёнай у народзе звычкай "не выносіць сьмецьце з хаты, а спрэчак на людзі" такія дзеяньні не знойдуць у насельніцтва асаблівай падтрымкі і спачуваньня. "Ліхая тая птушка, што ў сваё гняздо паскудзіць", – прыпомніць народную прымаўку неспакушаны глядач БТ і зробіць "свой" вывад аб "барацьбітах за народнае шчасьце".

Зьвернем увагу і на такі факт, што нават безьліч разоў высьмеяная ў незалежных СМІ "трасянка" А.Лукашэнкі ў спалучэньні з актыўнай барацьбой з "нацыяналізмам" яшчэ зусім нядаўна прыносіла яму значна больш палітычных дывідэндаў, чым бездакорная беларуская мова яго больш адукаваных палітычных апанентаў, бо аб'ектыўна працавала на імідж так званага "народнага прэзідэнта", як бы сьведчыла аб ягонай большай блізкасьці да простага народа.

Такім чынам, справа не толькі ў абсалютнай манаполіі Лукашэнкі на электронныя сродкі масавай інфармацыі ці ў нейкай надзвычайнай харызматычнасьці (З.Пазьняк і С.Багданкевіч не менш пасіянарныя і харызматычныя асобы), але ў яго ўнікальных прыроджаных якасьцях маніпулятара, інтуітыўнай альбо сьвядома прагназуемай палітычнай гульні на кансэрватыўных рысах беларускага мэнталітэту, заснаванага на імкненьні да стабільнасьці і раўнавагі.

Пралікі на гэтым фронце самога Лукашэнкі толькі пацьвярджаюць важнасьць уліку заканамернасьцяў разьвіцьця і функцыянаваньня мэнтальнай сфэры, ігнараваньне якіх пагражае адчувальнымі палітычнымі паразамі. Прыгадаем хоць бы, як на самым піку папулярнасьці не былі падтрыманы насельніцтвам экстрэмісцкія заклікі Лукашэнкі аб байкоце парламенцкіх выбараў 1995 г., а ўжо ў 2000 г., на фазе вычарпаньня кансэрватыўных чаканьняў і надзеяў выбаршчыкаў, не мелі абсалютна ніякага выніку ягоныя звароты і заклікі да электарата прыйсьці на выбары ў "мёртвую палатку". А які рашучы адпор атрымала палітыка дэнацыяналізацыі і захады па зьнішчэньні беларускай мовы, аб чым яскрава можна меркаваць па выніках апошняга перапісу насельніцтва Беларусі?!

Гэтыя факты сьведчаць найперш пра тое, што і ва ўмовах татальнай ідэалагічнай "прамыўкі мазгоў" базавыя архетыпы нацыянальнай мэнтальнасьці застаюцца ўстойлівымі і жыцьцяздольнымі, а інстынкт самазахаваньня ва ўмовах крызісу абвастраецца.

Чатыры гады – гэта натуральны межавы тэрмін эксплуатацыі і дзеяньня любой палітычнай ідэалогіі, своеасаблівы рэсурс, на які яна можа існаваць, асабліва не клапоцячыся пра падмацаваньне якімі-кольвек адчувальнымі рэальнымі вынікамі. Далей пачынаецца непазбежны перыяд яе кансэрвацыі, дэградацыі і гібелі. Для рэжыму А.Лукашэнкі гэты перыяд пачаўся з 1999 года. Лічыльнік уключаны – і можна толькі назіраць, як мітусіцца перад крэдыторамі спалоханы вінавайца, прыцісьнуты неабходнасьцю плаціць па пазыках.

Праўда, цяжка сказаць, ці зможа апазіцыя нешта скарыстаць з гэтых новых мажлівасьцяў. Яе ранейшыя палітычныя дзеяньні ў гэтым напрамку сьведчаць аб выключнай сьхільнасьці да экспромтаў, а практычны досьвед зусім невялікі. Можна прыгадаць хіба што колішнюю распрацоўку Ул. Падголам ідэалагемы "Наш дом – Беларусь", але яна, на жаль, не знайшла ў дэмакратычным асяродзьдзі таленавітых пасьлядоўнікаў і папулярызатараў. Гэта сьведчыць пра тое, што ў цэлым дэмакратычная апазіцыя недастаткова ўлічвае ў сваіх акцыях, палітычнай ідэалогіі і прагнозах фактар нацыянальнага мэнталітэту і яго асноўных складнікоў, слаба валодае гэтым разьдзелам палітычнай барацьбы, стаўкай у якой з'яўляецца лёс і будучыня народа.

4. "ВЫБАРЫ – 2001" І БЕЛАРУСКАЯ ПЕРСЬПЕКТЫВА Ў НОВЫМ СТАГОДЗЬДЗІ

Прагноз на новае стагодзьдзе ў значнай ступені залежыць ад адказу на пытаньне: якая палітычная ідэалогія, палітыкі якога тыпу будуць запатрабаваныя на новы перыяд?

Калі зыходзіць з факту пасіянарнага ўздыму 90-х гадоў (маецца на ўвазе ўздым нацыянальна-патрыятычнага руху 1989-94 гг. і ірацыянальны псеўдасацыялістычны рэнесанс Лукашэнкі 94-99 гг.), дык, згодна з алгарытмам нацыянальнага разьвіцьця, нас павінен чакаць перыяд стабілізацыі, пошуку рацыянальных прагматычных падстаў нацыянальнага жыцьця, якія павінны прывесьці беларускае грамадзтва ў стан раўнавагі на аснове рэабілітацыі і аднаўленьня традыцыйных каштоўнасьцяў базавага мэнталітэту.

90-я гады, як вядома, мелі патрэбу ў лідэрах радыкальнага тыпу (З.Пазьняк, А.Лукашэнка). У абодвух выпадках іх лідэрства было прадвызначана найперш комплексам нацыянальнай непаўнавартаснасьці, які праваказаўся, з аднаго боку, даведзеным да крайнасьці савецкім абскурантызмам у дачыненьні да гісторыі, мовы, культуры і нацыянальнай самабытнасьці беларусаў і Беларусі (З.Пазьняк). Запатрабаванасьць жа Лукашэнкі тлумачыцца настальгіяй значнай часткі электарата па страце Беларусьсю былога лідэрства і прывілегіяванага становішча ў былым СССР, а таксама абясцэньваньнем ва ўмовах пасля распаду СССР ідэалагемы пра асаблівы ўклад і героіка-трагедыйную ролю краіны і беларускага народа ў вайне СССР з фашысцкай Германіяй, на якой было выхавана і з якой душой зраслося старэйшае пакаленьне.

НАЦИОНАЛИЗМ И ПРАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Як паказаў перыяд прэзідэнцтва А.Лукашэнкі, сацыяльна-палітычнае абслугоўваньне і забесьпячэньне гэтых надзвычай ідэалагізаваных каштоўнасьцяў савецкага кшталту аказалася для дзяржавы непасільным цяжарам. Трэба ўлічваць таксама, што два пасіянарныя штуршкі, якія беларусы перажылі на працягу 90-х гадоў, у выніку жорсткага сутыкненьня і канфрантацыі палярных ідэалогій (нацыянальна-патрыятычнай і савецка-камуністычнай), узаемна дэкампенсавалі і сур'ёзна абясцэнілі прапанаваныя грамадзтву каштоўнасьці і мадэлі разьвіцьця, аб'ектыўна прывялі да ўнутранай і вонкавай палітычнай ізаляцыі носьбітаў і лідэраў гэтых ідэалогій, палітычны рэсурс якіх аказаўся істотна падарваны. У выніку ніводзін з традыцыйных палітыкаў, што прадстаўляюць гэтыя палітычныя плыні, не мае на сёньня колькі-небудзь рэальных шанцаў на перамогу ў прэзідэнцкіх выбарах 2001 года.

Ва ўмовах, калі ў грамадзкай думцы Беларусі канца мінулага – пачатку новага стагодзьдзя ясна абазначыўся прыярытэт рацыянальных, прагматычных фактараў над рамантызмам самых прывабных і спакушальных ідэалагем, патрабуецца кардынальная пераарыентацыя палітычнай ідэалогіі на якасна іншыя мэнтальныя каштоўнасьці, якія могуць быць запатрабаваныя ў самай недалёкай перспектыве.

Спрабуючы неяк асэнсаваць цяперашні актуальны стан народа, інтуітыўна сьпеючыя ў ім новыя жаданні і патрэбы, публіцыст А. Казловіч у сваім нядаўнім эсэ "Высокая гара" выявіў іх у імператыве "Беларусы, сядайце на сваю зямлю!", якім засьведчыў, што ва ўмовах сістэмнага крызіса, які перажывае краіна, у грамадзкай сьвядомасьці адбываецца інтуітыўны, стыхійны паварот да ідэй памяркоўнага ліберальна-дэмакратычнага і нацыянальна-адраджэнскага кшталту, зьвязаных з разьвіцьцём індывідуальнай ініцыятывы і самадзейнасьці насельніцтва, абуджэньнем у народзе пачуцьця гаспадара, з усьведамленьнем матэрыяльна-прагматычнай і духоўнай каштоўнасьці роднай прыроды і ўласнага гістарычнага быцьця, унікальнай каштоўнасьці народнай культуры і самога беларускага мэнталітэту, што дасталіся нам у спадчыну ад продкаў [8].

Сёньня, калі ў беларускім грамадзтве паступова высьпявае і фармуецца цалкам новая парадыгма нацыянальнага мысьленьня, у аснове якой ляжыць прагматычны нацыянальны інтарэс, а маладое пакаленьне ўсё больш настойліва заяўляе аб сваіх памкненьнях да эканамічнай свабоды, рынка і дэмакратыі, праяўляе зацікаўленасьць ў рэалізацыі праграмаў малой і сярэдняй прыватызацыі, у міжнародных праектах эканамічнага і культурнага супрацоўніцтва з эўрапейскімі краінамі, варта згадаць і пра тыя агромністыя інтэграцыйныя магчымасьці, якія вынікаюць з эўрацэнтрычнага становішча Беларусі, традыцыйнай адкрытасьці і чуласьці яе насельнікаў да ўздзеяньня агульнаэўрапейскіх геапалітычных, эканамічных і духоўных фактараў.

Таму што ня толькі сваімі трактарамі, калійнымі ўгнаеньнямі, інтэлектам і кваліфікаванай працоўнай сілай, але найперш перспектывай пабудовы ў цэнтры кантынента надзейнага і трывалага эўрапейскага маста з Захаду на Усход і з Поўначы на Поўдзень, унікальным нацыянальным мэнталітэтам, талентам залагоджваць, яднаць і здружваць людзей, народы, культуры і рэлігіі прывабныя і цікавыя мы сваім славянскім і балтыйскім суседзям, усёй Эўропе, urbi et orbi.

Да выкананьня гэтай інтэграцыйнай эўрапейскай ролі Беларусь прыгатавана ўсёй сваёй папярэдняй гісторыяй, паколькі менавіта тут адвеку праходзіла цывілізацыйная мяжа паміж эўрапейскім рыма-каталіцкім Захадам і праваслаўна-візантыйскім Усходам. Тут у часы Ф.Скарыны і С.Буднага зазналі пару росквіту эўрапейскі гуманізм і пратэстантызм, сфарміраваліся і дзейнічалі сістэма саслоўна-прадстаўнічай дэмакратыі і інстытуты прававой дзяржавы, а гандлёвыя шляхі і культурныя кантакты краіны дасягалі самых далёкіх куткоў тагачаснай Эўропы.Тут напрацоўваўся ўнікальны вопыт сумеснага жыцьця і неканфліктнага суіснаваньня розных народаў, рэлігій, культур, людзей розных нацыянальнасьцяў і веравызнаньняў. У талерантнасьці як духоўнай аснове нашага быцьця найбольш яскрава і пасьлядоўна выявіліся сэнс і зьмест нашай нацыянальнай ідэі, якая сфармавалася ўжо ў XVI стагодзьдзі, а на рубяжы XVIII-XIX ст.ст. аказалася цалкам сугучнай марам лепшых эўрапейскіх мысьліцеляў аб аб'яднанай Эўропе.

Палітычныя рэальнасьці цяперашняга часу такія, што ўпершыню за доўгія стагодзьдзі талерантнасьць, якая была заўсёдным прадметам нашага нацыянальнага гонару перад зьнешнім сьветам і адначасна ўнутранай драмай нашага ўласнага жыцьця, стала крыніцай нацыянальнай нявызначанасьці, раз'яднанасьці і проста слабасьці... Тая самая талерантнасьць можа стаць сёньня крыніцай нашай сілы і кансалідацыі ў выпадку, калі ўдасца акумуляваць у сваім нацыянальным разьвіцьці тыя магутныя памкненьні да міжнароднай каапераціі, інтэграцыі і супрацоўніцтва, якія востра адчуваюць практычна ўсе эўрапейскія краіны і народы.

Менавіта таму насуперак мэтанакіраванай самаізаляцыі цяперашняга рэжыму ад цывілізаванага свету, насуперак "дикому крену на Восток" і наменклатурнаму беларуска-расейскаму саюзу, што абслугоўвае інтарэсы дзяржаўна-палітычных кланаў па абодва бакі ад нафта-газавых і гарэлачных калектараў, перадвыбарная Беларусь чакае выпрацоўкі такога курса, які поруч з аднаўленьнем поўнага нацыянальна-дзяржаўнага суверэнітэту краіны замацуе ў сваім палітычным вектары вялікую мару нашых суайчыньнікаў аб аб'яднанай Эўропе ад Атлантыкі да Урала, Эўропе без войнаў, межаў і мытняў, без разьдзяляльных ліній і палітычных бар'ераў. Пра такую новую Эўропу марылі некалі Вальтэр і наш вялікі суайчыньнік А.Міцкевіч, які натхнёна клікаў той час, "калі народы, забыўшыся пра спрэчкі, адзінаю сям'ёй у свеце стануць жыць".

Гістарычны парадокс нашага нацыянальнага быцьця заключаецца ў тым, што Беларусь можа атрымаць свой шанц для поўнай і канчатковай самарэалізацыі ў якасьці самастойнага і паўнапраўнага суб'екта міжнароднай супольнасьці толькі ў рамках агульнага руху да аб'яднанай Эўропы ў выніку адаптацыі і пашырэньня эўрапейскіх цывілізацыйна-прававых стандартаў на ўвесь кантынент. Шмат чаго ў гэтым працэсе будзе залежаць ад актыўнасьці і пасіянарнасьці самой Беларусі, якая ў XXI стагодзьдзі можа стаць адроджаным Хрыстом Эўропы праз спаўненьне перад людзкасьцю і сьветам той наканаванай нам ад Бога місіі быць злучальнікам, мастом паміж іншымі людзьмі, народамі, культурамі, дзеля якой мы пакліканы ў сьвет і якая дадзена нам мэнтальна ў выглядзе нашай уласнай нацыянальнай ідэі.

ЗАЎВАГІ

1. Мальдзіс А. Беларуская культура барока як пасрэдніца паміж заходнеславянскім і ўсходнеславянскімі сьветамі. Мн.: "Навука і тэхніка", 1993, с.4-6.
2. Праневіч Г. Гістарычныя формы дэмакратыі і самакіравання на Беларусі. // Да дэмакратыі праз грамадзянскую супольнасць. Шчэцін, 1999, с.72-73.
3. Mickiewicz A. Dzieia. T.VII. Literatura siowiacska. Warszawa. 1955, c.106.
4. Багушэвіч Ф. Творы. Мн.: "Мастацкая літаратура", 1991, с.28.
5. Гусоўскі М. Песня пра зубра. Мн.: "Мастацкая літаратура", 1973, с.16.
6. Скарына Ф. Творы. Мн.: "Навука і тэхніка", 1990, с.62.
7. Помнікі старажытнай беларускай пісьменнасці. Мн.: "Навука і тэхніка", 1975, с.87.
8. Казловіч А. Высокая гара. Беларусы паміж небам і зямлёй. // "Народная воля", 7 сакавіка 2001 г.

Алесь СМАЛЯНЧУК,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт

БЕЛАРУСКІ РУХ ПАЧАТКУ XX СТ. І ІДЭЯ ПАЛІТЫЧНАЙ НАЦЫІ

З'яўленне ідэі палітычнай нацыі ў грамадскім і палітычным жыцці Беларусі і Літвы непарыўна звязана з феноменам т.зв. краёвасці пачатку XX ст. Асноўным пастулатам краёвай ідэалогіі было сцвярджэнне, што ўсе карэнныя этнасы Беларуска-літоўскага краю ўтвараюць адзіную нацыю, якую часта называлі "нацыяй ліцвінаў". Да гэтай нацыі належыць кожны, хто адчувае сябе грамадзянінам Краю, незалежна ад этнічнасці, сацыяльнага паходжання і культурнай арыентацыі.

Ідэалогія краёвасці выразна супрацьстаяла этнічнаму нацыяналізму. Яна нарадзілася сярод літоўскіх і беларускіх палякаў, свядомасць якіх зачастую вызначалася формулай gente Lithuaniae, natione Polonus альбо gente Ruthenus, natione Polonus. Першымі з прапагандай краёвых поглядаў у друку выступілі Раман Скірмунт (Glos przeszlosci i potrzeba chwili. Lwow, 1905), Баляслаў Ялавецкі (Litwa i jej potrzeby… Narodowy katechizm Litwy. Petersburg, 1905), Міхал Ромэр, Канстанцыя Скірмунт і інш.

Адзінства ў разуменні краёвай ідэі не было. Краёвасць Міхала Ромэра прадугледжвала зліццё ўсіх карэнных этнасаў Краю і фармаванне новай палітычнай нацыі. Раман і Канстанцыя Скірмунты ўспрымалі краёвасць як беларуска-літоўскі патрыятызм, дамінаванне агульнакраёвых інтарэсаў над патрэбамі асобных этнасаў і сацыяльных груп. Для Людвіка Абрамовіча краёвая ідэалогія зводзілася да добрасуседскага сужыцця ўсіх этнасаў Краю. У масавай свядомасці большасці прадстаўнікоў мясцовай польскай грамадскасці, якая падтрымала краёўцаў, краёвасць трактавалася чыста прагматычна як тактычны сродак дзеля ўмацавання польскасці ў перыяд нацыянальна-культурнага Адраджэння народаў Краю. Пры гэтым рознагалоссі ўсе краёўцы ўспрымалі Беларуска-літоўскі край як суб'ект гісторыі і працавалі над яго ператварэннем у суб'ект палітыкі. Іх палітычная канцэпцыя эвалюцыянавала ад патрабавання аўтаноміі "гістарычнай Літвы" з сеймам у Вільні да яе дзяржаўнай незалежнасці [1].

Першыя кантакты беларускіх дзячоў з краёўцамі адбываліся ўжо ў часы рэвалюцыі 1905-1907 гг. У № 46 ад 13 (26).04. 1906 г. "Gazety Wilenskiej", кіраўніком якой з'яўляўся Міхал Ромэр, быў надрукаваны артыкул Антона Луцкевіча, прысвечаны аграрнай праграме Беларускай Сацыялістычнай Грамады ("Program agrarny"). А.Луцкевіч схаваў сваё аўтарства пад псеўданімам "Ян Мялешка".

Кантакты прыкметна ўзмоцніліся ў 1910 г., калі ў Вільні ўзнікла масонская ложа "Лучнасць", сярод заснавальнікаў якой былі браты Луцкевічы. Гэтая ложа аб'ядноўвала прадстаўнікоў дэмакратычных плыняў польскага, беларускага, літоўскага, яўрэйскага і рускага этнасаў. Большасць з іх падзяляла краёвыя погляды. У 1911 г. у "Лучнасць" быў прыняты Міхал Ромэр, які хутка стаўся адным з прызнаных масонскіх кіраўнікоў [2]. Дзякуючы ягоным асобасным якасцям, уменню пераканаць і павесці за сабой віленскія масонскія ложы (у 1911 г. была створана ложа "Літва", у 1914 г. – ложа "Беларусь") сталі моцнымі цэнтрамі прапаганды краёвасці і ідэі палітычнай нацыі ў якасці яе найважнейшай складовай часткі [3].

Аналіз публікацый Антона і Івана Луцкевічаў дазваляе сцвярджаць, што ў гэты перыяд дзеячы беларускага руху падзялялі асноўныя пастулаты краёвасці. Магчыма, паслярэвалюцыйная палітычная рэакцыя, якую звычайна звязваюць з дзейнасцю вядомага расійскага рэфарматара і кіраўніка ўрада Пятра Сталыпіна, разуменне ўнутранай слабасці палітычнага беларускага руху спрыялі адыходу ягонага кіраўніцтва ад пэўнага сацыяльнага і этнічнага радыкалізма. Можна сцвярджаць, што ў перыяд з 1907 па 1916 г. адбывалася лібералізацыя беларускага руху і перамяшчэнне галоўнага акцэнта дзейнасці з палітыкі на культурна-асветніцкую галіну. Кіраўнікі беларускага руху (браты Луцкевічы і Вацлаў Ластоўскі) не толькі прынялі ідэю палітычнай нацыі, але і актыўна яе прапагандавалі.

Адным са сродкаў такой прапаганды стала выданне братамі Луцкевічамі штодзённай рускамоўнай "Вечерней газеты". Першы нумар выйшаў 18.09. (1.10). 1912 г. Прапаганда краёвасці і ліберальна-дэмакратычнай ідэалогіі, якую разгарнула "Вечерняя газета", адыграла сваю ролю падчас абрання ўдзельнікаў віленскага губернскага выбарчага сходу па т.зв. "рускай курыі". Газета, сапраўды, паспрыяла распаўсюджванню сярод рускай грамадскасці Вільні ідэй ліберальных дэмакратаў. Гэта паўплывала і на вынікі выбараў. Адначасова высветлілася, што газета знайшла свайго чытача. І Антон Луцкевіч вырашыў працягваць выданне. Магчыма, ужо ў гэты час у яго ўзнік план цэнтралізацыі віленскага дэмакратычнага і краёвага друку, пра які пазней спамянуў у сваім дзённіку М.Ромэр [4].

Істотнай часткай гэтага плана было выданне штодзённай польскамоўнай газеты. Гэты праект А.Луцкевіч збіраўся рэалізаваць ў цесным кантакце з польскімі дэмакратамі. Аднак перамовы з групай польскіх віленскіх дэмакратаў-краёўцаў (галоўным апанентам А.Луцкевіча быў Л.Абрамовіч) закончыліся безвынікова. Беларусы вырашылі дзейнічаць самастойна.

8(21).12.1912 г. выйшаў першы нумар "Кур'ера краёвага". Яго рыхтаваў Язэп Манькоўскі, які даволі актыўна ў гэты час працаваў у асяроддзі віленскіх беларусаў, а праграмны артыкул напісаў Антон Луцкевіч [5]. М.Ромэр досыць высока ацэньваў узровень публіцыстыкі першых нумароў "Кур'ера". Галоўнай прычынай поспеху новай "польскай" газеты ён лічыў ідэйнае кіраўніцтва з боку Антона Луцкевіча і непасрэдны ўдзел беларускага дзеяча ў падрыхтоўцы яе нумароў да выдання. У сваіх ацэнках "Кур'ера" М.Ромэр неаднаразова звяртаў увагу на ролю А.Луцкевіча: "Адным з галоўных, хоць звонку непрыкметных супрацоўнікаў газеты з'яўляецца Антон Луцкевіч, адзін са стаўпоў "Нашай Нівы". Гэта, магчыма, самы дзелавіты работнік і самая здольная галава беларускага народнага руху. Адначасова ён рэдагуе "Вечернюю газету". Антон Луцкевіч трымаецца трохі ў цяню, не становіцца на чале "Кур'ера краёвага", але фактычна выконвае партыю першай скрыпкі. Ён аказвае рашаючы ўплыў на кірунак і арганізацыю газеты" [6].

Такім чынам напрыканцы 1912 г. пад кантролем віленскага беларускага кола знаходзіліся чатыры выданні: два беларускіх штотыднёвіка – "Наша Ніва" і "Саха", адно польскамоўнае – штодзённая газета "Кур'ер краёвы" і адно рускамоўнае – штодзённая "Вечерняя газета".

Што сабой уяўляла пазіцыя гэтых выданняў па асноўных пытаннях жыцця Беларуска-літоўскага краю?

У праграмных артыкулах першых нумароў "Вечерней газеты" і "Кур'ера краёвага" А.Луцкевіч сфармуляваў галоўныя задачы выданняў, якія цалкам адпавядалі дэмакратычнаму варыянту краёвасці і адвяргалі канцэпцыю этнічнага нацыяналізма.

"Вечерняя газета" № 1 ад 18.09. (1.10). 1912 г.: "У нас ніякім чынам нельга зыходзіць з інтарэсаў якой-небудзь адной нацыянальнай групы. Ва ўмовах разнастайнасці нацыянальнага складу

насельніцтва трэба ўвесь час мець на ўвазе інтарэсы краю, як адзінага цэлага. Толькі ў гэтым выпадку магчыма нармальнае развіццё кожнай асобнай народнасці. Усведамленне, што ўсе мы, жыхары гэтай зямлі, з'яўляемся грамадзянамі Краю – вось нашая зыходная кропка пры высвятленні патрабаванняў розных груп насельніцтва". Поўнае задавальненне і нацыянальных і сацыяльных патрабаванняў А.Луцкевіч звязваў з устанаўленнем дэмакратычнага ладу. Пад апошнім разумелася правядзенне ў жыццё ў поўным аб'ёме "вялікіх палажэнняў, абвешчаных яшчэ Маніфестам 17 кастрычніка 1905 г."

У праграмным артыкуле №1 "Кур'ера" падкрэслівалася небяспека ваяўнічага шавінізма, які "ўносіць у народныя масы ўзаемную ненавісць і ўнутраную барацьбу, пагражае распадам Краю і стратай ім магчымасці абараняцца ад людзей, якія імкнуцца знішчыць на гэтай зямлі ўсялякае пачуццё асобнасці". Між тым, "у Краі, дзе побач з літоўцам жыве паляк, побач з беларусам – яўрэй, у Краі, няшчасны лёс якога перадвызначыў ягонае адставанне і пазбавіў магчымасці свабоднага развіцця, няма месца для ўнутранай барацьбы". А.Луцкевіч заклікаў усіх "грамадзян Краю" да працы на ягоную карысць і на карысць прыгнечанага народа.

Тэрмін "грамадзянін Краю", адзін з асноўных з пункту погляду канцэпцыі палітычнай нацыі, шырока ўжываўся на старонках "Кур'ера" і "Вечерней газеты". Аўтары публікацый даводзілі, што жыццёва важныя для Краю пытанні павінны вырашацца з улікам інтарэсаў усіх этнасаў Беларусі і Літвы [7], асуджалі велікарускі і велікапольскі шавінізм [8], заяўлялі пра неабходнасць барацьбы з праявамі шавінізма сярод беларусаў і літоўцаў [9], выкрывалі сутнасць дзейнасці т.з. "Белорусского общества" як арганізацыі велікарускіх шавіністаў ў беларускай "вопратцы" [10] і інш.

А што ж "Наша Ніва"? Нават павярхоўны аналіз публікацый галоўнай беларускай газеты ўказвае на тэматычны паралелізм з матэрыяламі "Кур'ера краёвага" і "Вечерней газеты". У першую чаргу гэта прапаганда краёвай ідэалогіі ў яе дэмакратычным варыянце і барацьба з этнічным шавінізмам [11]. Падчас выбарчай кампаніі ў IV Дзяржаўную думу "Наша Ніва" падтрымала кандыдатаў, якіх адстойвала "Вечерняя газета". У адным з артыкулаў "Нашай Нівы" адзначалася: "<...> Мы, беларусы, можам верыць толькі шчырым расійскім прагрэсістам, каторые зрадніліся з нашым Краем, лічаць сябе грамадзянамі нашай старонкі" [12]. Усе выданні вялі сумесную барацьбу супраць велікапольскага і велікарускага шавінізма.

І рускамоўнае, і польскамоўнае выданне імкнуліся выклікаць сімпатыі да беларускага руху. "Вечерняя газета" асцярожна згадвала пра мясцовыя беларускія карані большасці рускай грамадскасці краю [13]. "Кур'ер краёвы" заклікаў шукаць згоду і паразуменне з беларусамі. Пры гэтым падкрэсліваліся дэмакратычныя тэндэнцыі ў беларускім руху: "Шчыры дэмакратызм беларускага руху... ягоная лаяльнасць у адносінах да суграмадзян іншых нацыянальнасцяў – гэта гарантыя, што нашыя імкненні знойдуць жывы водгук сярод беларусаў" [14].

Такім чынам, у перыяд 1911-1915 гг. сканцэнтраваны ў руках беларусаў друк у дачыненні да нацыянальнай праблемы выразна дэманстраваў сваю прыхільнасць да ідэі палітычнай нацыі. Але паўстае пытанне: наколькі шчырымі былі беларускія дзеячы ў сваёй прапагандзе ідэі палітычнай нацыі або краёвасці ў цэлым?

Аналіз крыніц, якія маюцца ў нашым распараджэнні, дазваляе казаць пра выключна прагматычнае выкарыстанне беларусамі краёвай ідэалогіі. У краёвасці яны бачылі сродак, які дазволіць узмоцніць пазіцыі беларускага этнасу ў нацыянальна-культурным і грамадска-палітычным жыцці Беларусі і Літвы. Так, напрыклад, агітацыя на старонках "Кур'ера" неабходнасці паразумення палякаў з беларусамі аргументавалася не толькі інтарэсамі сумеснай барацьбы з велікарускім шавінізмам [15]. Аўтары публікацый заявілі пра адсутнасць выразных перспектываў далейшага развіцця польскага руху ў беларуска-літоўскім краі [16]. Тут відавочны "беларускі ўхіл" краёвасці Антона Луцкевіча і іншых дзеячоў "нашаніўскага" кола. Беларуская пазіцыя далёка не заўсёды адпавядала разуменню краёвасці М.Ромэрам, найбольш паслядоўным прыхільнікам ідэі палітычнай нацыі.

Сутнасць беларускага разумення краёвасці досыць дакладна вызначылі апаненты Луцкевічаў са штотыднёвіка "Пшэглёнд Віленьскі", які ўзначальваў Л.Абрамовіч. Апошні сцвярджаў, што пазіцыя беларусаў грунтавалася на адсутнасці веры ў магчымасць захавання польскасці ў Беларуска-літоўскім краі. Да гэтага трэба дадаць перакананне кіраўнікоў беларускага руху, што беларускія і літоўскія палякі з'яўляюцца толькі нашчадкамі паланізаваных літоўцаў і беларусаў. Такая пазіцыя нараджала патрабаванні, каб польская грамадскасць працавала дзеля развіцця свядомасці беларусаў і літоўцаў. "Пшэглёнд" катэгарычна адвяргаў падобныя заявы. Ён неаднаразова абвінавачваў "Кур'ер" у "пабочных уплывах" [17]. Аднак раскрываць таямніцу беларускага польскамоўнага выдання палякі не сталі.

"Беларускі ўхіл" можна заўважыць і ў асобных артыкулах "Вечерней газеты": "Справа культуры, справа прагрэсу настолькі важная, што яе павінен падтрымліваць кожны грамадзянін Краю. Тут няма месца для меркаванняў нацыянальнага эгаізма: хто можа, той павінен садзейнічаць культурным намаганням сваіх слабейшых суседзяў, з якімі яго моцна звязаў гістарычны ход падзей" [18].

Ёсць усе падставы сцвярджаць, што беларусы "нашаніўскага" кола і, у першую чаргу, А.Луцкевіч разумелі краёвасць як сужыцце розных этнасаў Краю. У гэтым сужыцці яны імкнуліся забяспечыць за ўласным этнасам лепшыя ўмовы. Дарэчы, гэта набліжала іх пазіцыю да пазіцыі групы Людвіка Абрамовіча, але гэтае ж падабенства непазбежна рабіла іх апанентамі. А.Луцкевіч спадзяваўся, што прапаганда ідэі палітычнай нацыі на польскай і рускай мовах паспрыяе далучэнню да беларускага руху як русіфікаваных і русіфікаваўшыхся, так і паланізаваных і паланізаваўшыхся беларусаў і тым самым пашырыць яго сацыяльную базу.

Міхал Ромэр характарызаваў беларускія "прэтэнзіі" як праявы этнічнага нацыяналізма [19]. Але пры гэтым галоўны ідэолаг краёвасці быў упэўнены, што А.Луцкевіч і яго сябры ўрэшце рэшт зразумеюць польскую пазіцыю і пагадзяцца з тым, што палякі Беларусі і Літвы маюць поўнае права на развіццё ўласнай культуры і на ўдзел разам з літоўцамі і беларусамі ў вызначэнні будучыні Края.

Надзея М.Ромэра была дастаткова абгрунтаванай. Відавочна, што "нашаніўскае" беларускае кола ў гэты час моцна спадзявалася на пазітыўныя вынікі супрацоўніцтва з польскімі, літоўскімі і яўрэйскімі краёўцамі-дэмакратамі. Дзеля згоды А. Луцкевіч быў гатовы пайсці на пэўныя ўступкі. Магчыма, ён разлічваў, што пазіцыя М.Ромэра будзе пашырацца сярод грамадскасці. У тым, што гэта прынясе вялікую карысць як беларускаму руху, так і ўсяму Краю, беларускі дзеяч быў упэўнены.

Але надзеі не спраўдзіліся. І на пачатку 1915 г. А.Луцкевіч на старонках "Нашай Нівы" выступіў з рэзкай крытыкай "нашых" палякаў: "Нашыя" палякі-інтэлігенты кажуць, што яны маюць поўна работы "для сваіх" – для "польскага сялянства і пралетарыяту" на нашай зямлі. Але ж польскага "дэмаса" – на смех малая жменя. А поруч з гэтай жменяй мільёны цёмных і галодных беларускіх сялян, каторыя блізка не маюць йшчэ сваёй інтэлігенцыі, для каторых німа каму працаваць... Працаваць для тых мільёнаў – гэта для нашых палякаў грэх і здрада, хоць колькі ж між імі сы-

ноў таго ж беларускага народу! <...> Яны не разумеюць, што прайшоў час панавання над намі і трэба цяпер адслужыць нашай старонцы, трэба не толькі называцца, але і быць грамадзянамі, трэба карміць галоднага і асвяшчаць цёмнага селяніна не толькі за тым, што ён – "свой", што ён пераробіцца на паляка, але затым, што гэта сьвятая павіннасць. А раз гэта павіннасць, а не ласка, дык і вучыць беларусаў трэба не так, як хоча вучыцель, а так як гаворыць народ, каторы захаваўшы сваю мову праз соткі гадоў, праявіў ясна сваё жаданне заставацца беларусам [20] ".

Гэтая крытыка не мела дачынення да М.Ромэра і прыхільнікаў ягонай краёвай пазіцыі. У наступным "нашаніўскім" артыкуле А.Луцкевіч адзначыў, што "поруч з "прыгоншчыкамі" ў нашай старонцы ёсць людзі, каторыя бароначы сваю польскую культуру, не забываюць, што яны тутэйшыя грамадзяне, што і на іх ляжыць павіннасць памагаць галодным, асвяшчаць цёмных людзей – нягледзячы, якой яны нацыі і веры.<...>

Мы верым, што сілы польскай дэмакратыі ўзрастуць, калі над зямлёй Беларусі засвеціцца зорка лепшай будучыны. А шчыры дэмакратызм створыць той залаты мост, каторы з'еднае ўрэшце народы нашага краю ў адну вялікую згодную сям'ю і каторы польскія нацыяналісты цяпер не даюць збудаваць" [21].

Зразумець самакаштоўнасць ідэі палітычнай нацыі ва ўмовах культурнага Адраджэння этнасаў Беларуска-літоўскага краю, ва ўмовах абвастрэння міжэтнічных адносін было вельмі няпроста. Даволі прагматычнае стаўленне беларусаў да гэтай ідэі на пачатку XX ст. не павінна здзіўляць. Аналагічна гэтую ідэю трактавала большасць польскіх, яўрэйскіх і літоўскіх дзеячоў.

Адным з апошніх актаў супрацоўніцтва краёўцаў было ўтварэнне напрыканцы 1915 г. ва ўмовах Вільні, акупаванай Германіяй, Часовай Рады Канфедэрацыі Вялікага Княства Літоўскага. Фактычна Рада выступала за дзяржаўную незалежнасць "гістарычнай Літвы". Новаўтвораная дзяржава павінна была гарантаваць усім яе этнасам права на свабоднае культурнае развіццё. Гэтая арганізацыя аб'яднала дзеячоў розных этнічных рухаў, а ініцыятыва яе стварэння належала беларусам. Аднак выпрабавання часам яна не вытрымала. Абвастрэнне міжэтнічных адносін (асабліва польска-літоўскіх), да чаго сваю руку прыклалі і прадстаўнікі германскай акупацыйнай адміністрацыі, хутка разбурылі гэтую трохі рамантычную ідэю. Негатыўную ролю адыграла таксама радыкалізацыя беларускага руху, якая хутка адбывалася пасля Лютаўскай рэвалюцыі ў Расіі. Адрадзіўшаяся ў 1917 г. Беларуская Сацыялістычная Грамада ўспрымала беларускі этнас як сялянска-рабочы. Прадстаўнікам іншых сацыяльных колаў (асабліва землеўладальнікам) было амаль немагчыма заваяваць давер сацыялістаў.

Аднак віленскія беларускія дзеячы, магчыма, па прычыне слабасці беларускага руху вельмі доўга захоўвалі вернасць краёвай ідэалогіі. Так, ідэя дзяржаўнасці гістарычнай Літвы яшчэ ў 1917 г. дамінавала ў беларускім руху на захад ад лініі фронта. Толькі на пачатку 1918 г. беларусы былі вымушаныя канчаткова ад яе адмовіцца. Сваю ролю адыграла прызнанне Германіяй незалежнасці "этнаграфічнай" Літвы са сталіцай у Вільні і імперскія амбіцыі палітыкаў новай Польшчы, якая хутка ўмацоўвала свой дзяржаўны суверэнітэт і разглядала беларускія землі як сферу свайго палітычнага дамінавання.

Такім чынам, на пачатку XX ст. у сілу неспрыяльных унутраных і знешніх абставін ідэя палітычнай нацыі не стала падмуркам беларускага руху, хаця вельмі актыўна выкарыстоўвалася беларусамі. Між тым гісторыя Еўропы ўсяго XX ст. выразна засведчыла перспектыўнасць менавіта дактрыны палітычнага нацыяналізма. Галоўным крытэрыям нацыянальнай прыналежнасці паступова сталася ўжо не этнічнасць, а грамадзянства. Падобны падыход дазволіў ва многіх краінах звесці да мінімуму этнічныя канфлікты, паспрыяў фармаванню грамадзянскай супольнасці.

Аднак гэты вопыт не быў выкарыстаны беларускімі адраджэнцамі 90-ых г. XX ст. Кіраўніцтва Беларускага Народнага Фронту актыўна выкарыстоўвала ідэалогію этнічнага, а не палітычнага нацыяналізма, што прыкметна абмежавала магчымасці беларускага руху. Напрыканцы нашага стагоддзя прапаганда этнічнага нацыяналізма непазбежна робіць ягоных прыхільнікаў грамадскімі маргіналамі. У той жа час ідэалогія палітычнага нацыяналізма, асабліва ва ўмовах, калі насуперак намаганням уладаў у Беларусі працягваецца працэс фармавання беларускай палітычнай нацыі, калі этнічная свядомасць саміх беларусаў абсалютна пазбаўлена этнацэнтрызма, дае пэўны шанс завяршыць працэс беларускага нацыянальна-культурнага Адраджэння ўтварэннем незалежнай дэмакратычнай беларускай дзяржавы.

ЗАЎВАГІ

1. Гл. падрабязней у арт.: Смалянчук А. "Краёвасць" у беларускай і літоўскай гісторыі. // Беларускі гістарычны агляд, том 4, сшытак 1-2 (6-7), снежань, 1998, Менск.
2. Ромэр М. Дзеннік. Т.4, с.403. Запіс ад 3(16) сакавіка 1915 г. // Аддзел рукапісаў Цэнтральнай бібліятэкі АН Літвы.
3. Гл. падрабязней у арт.: Смалянчук А. З гісторыі віленскага масонства пачатку XX ст. // Спадчына, 1998, №5.
4. Ромэр М. Дзённік. Т.2., с.435. Запіс ад 24.10.(6.11).1912 г.
5. Ромэр М. Дзённік. Т.2, с.450. Запіс ад 8(21)11.1912 г.
6 Ромэр М. Дзённік. Т.3, с.61. Запіс ад 27.02.(12.03).1913 г.
7. Напр.: Генрык Букавецкі [А.Луцкевіч]. Прынцыповае пытанне. // Кур'ер краёвы, 1912, №19; б/п. [А.Луцкевіч?]. Одна из причин трений. // Вечерняя газета, 1913, №337 і інш.
8. Напр.: б/п. [А.Луцкевіч?]. Конквистадоры. // Вечерняя..., 1913, №360; м.г. [М.Ромэр]. Хто быў правы? // Кур'ер..., 1913, №127 і інш.
9. Напр.: б/п. [А.Луцкевіч?]. Национальные течения и демократия. // Вечерняя..., 1914, №468 (гл.дадатак 1) і інш.
10. Напр.: Вечерняя..., 1913, №188.
11. а-н-а [А. Луцкевіч]. Край і народ. // Наша Ніва, 1912, №28-29 (гл.дадатак 2); а-н-а [А.Луцкевіч]. Змаганне з хваробай. // Наша Ніва, 1913, №9 і інш.
12. Наша Ніва, 1912, №40.
13. Напр.: б/п. [А.Луцкевіч?]. Национальная культура. // Вечерняя..., 1912, №92.
14. Генрык Букавецкі [А.Луцкевіч]. Час патрабуе. // Кур'ер..., 1913, №12.
15. Генрык Букавецкі [А.Луцкевіч]. Прынцыповае пытанне. // Кур'ер..., 1912, №9.
16. К-вец [А.Луцкевіч]. Do ut des. // Кур'ер...,1913, №98.
17. б/п. [Л. Абрамовіч?]. Пабочныя ўплывы. // Пшэглёнд..., 1913, №22/23.
18. м.р. [М. Ромэр]. Грамадзянская пазіцыя. // Кур'ер..., 1913, №77.
19 Ромэр М. Дзённік. Т.3, с.324. Запіс ад 17(30).11.1913 г.
20. а-н-а. [А. Луцкевіч]. Кліч да згоды. // Наша Ніва, 1915, №10.
21. а-н-а. [А. Луцкевіч]. Іх адказ. // Наша Ніва, 1915, №2-13.

КРУГЛЫЙ СТОЛ ПОЛИТОЛОГОВ НА ТЕМУ: ДЕМОКРАТИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ КАК АЛЬФА И ОМЕГА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Плиско М.К.: В политологии существуют разные подходы к понятиям "демократия" и "национализм". Одни считают, что они взаимно исключают друг друга и никоим образом не сочетаются, а выражение "демократический национализм" в лучшем случае звучит как "жареный лёд" или "круглый квадрат". Другие полагают, что национализм играет в истории прогрессивную роль, особенно в тех странах, которые запоздали с проведением буржуазных революций и в которых их осуществление совпало с образованием национальных государств. Для таких стран – Германия, Италия – национализм выступил в роли своеобразного демиурга, творца единых централизованных государств. Национальная идея помогла, например, добиться свободы от турецкого владычества грекам, болгарам, румынам, сербам. И если во вновь образовавшихся государствах не всегда всё ладно было с демократией, то ведь в условиях колониального господства и национально-освободительной борьбы о ней вообще нельзя было вести и речи, т.е. демократическим может стать и быть только национально не зависимое государство. Конечно, жизнь богаче любой схемы: как говорят, теория суха, а древо жизни зеленеет. Развитие каждой страны свершается не по каким-то раз и навсегда изготовленным лекалам, а имеет свою неповторимую специфику. Думаю, что и наш народ в своей истории не раз сталкивался с необходимостью решать проблему оптимальной сочетаемости понятий "национализм" и "демократия". Последний раз это было в конце 80-х годов. Если бы мы все тогда осознали важность этой проблемы и верно определили место национальной компоненты в общедемократическом движении, то наверняка не было бы и 1994 года, когда на президентских выборах победа досталась выразителю интересов советских белорусов. Не решена, на мой взгляд, эта проблема и по сегодняшний день. Не хотелось, чтобы, обсуждая эту тему, мы ограничились пересказом каких-то общетеоретических положений. Давайте не забывать о белорусских реалиях. Они дают богатую пищу для размышлений по этой проблеме.

Злотников Л.К.: В поведении каждого человека есть и биологическая, и социальная составляющая. Но не только у отдельного человека. Это присуще и коллективу людей, и человеческому сообществу в целом. В их действиях можно проследить инстинкты, присущие стадному поведению. Без учета биологического и социального факторов невозможно, по-моему, компетентно вести разговор по проблеме, которую мы собрались обсуждать. Поэтому заранее прошу меня простить за несколько предварительных замечаний. Без них будет непонятна моя позиция, которую я здесь собираюсь отстаивать.

Под социальным фактором в поведении человека я понимаю то, что в нём появилось (по Хайеку) в процессе становления расширенного порядка и определялось нормами развивающейся морали. Это можно считать в человеке чисто человеческим, так как оно не задаётся и не определяется инстинктами. Среди инстинктов человека одним из сильных является коллективистский инстинкт, т.е. стремление быть в группе, находиться под защитой себе подобных. (Именно он лежит в основе теоретических построений социалистических учений.) Коллективистский инстинкт на подсознательном уровне автоматически заставляет человека делить людей на "своих" и "чужих". И язык в этом процессе играет важную роль. Приведу один пример, который мне рассказал Михаил Залесский. Как-то он был в семье, жившей в глухой деревушке Витебской области. Разговор шёл на белорусском языке, но язык Залесского соответствовал литературным канонам, а язык хозяев – нормам, принятым в данной местности. Когда взрослые наговорились, к отцу подошёл молчавший до сей поры семилетний мальчик и сказал, показывая на Залесского, что этот дядька чужой. На вопрос, почему чужой, мальчик ответил, что у него "не тая мова". То есть в данном случае индикатором деления на своих и чужих у мальчика стало несовпадение двух диалектов языка. И деление он произвёл автоматически, на подсознательном уровне. Это и есть инстинктивное проявление биологического начала у человека.

Выражением биологического начала и проявлением природного инстинкта стадности у животного и человека является также стремление защитить территорию своего обитания или проживания. Человек, живя в коллективе среди себе подобных, инстинктивно надеется, что это обеспечит ему безопасность. Таким образом, у каждого человека существует биологическая потребность жить в "своей" группе, в коллективе, и это нормальная потребность, она объективно существует и от неё мы никуда не уйдём.

Выражением социального в обществе является мораль. Её предназначение – регулирование поведения человека в коллективе и обществе. Надо сказать, что нормы морали, как и чисто биологические инстинкты, оказывают значительное влияние на поведение человека. Приведу один пример, который показывает механизм регулирования социальной жизни первобытного общества. В африканском племени зулусов существовал обычай, запрещающий садиться кому-либо на скамью, на которой сидел вождь племени. По поверьям, того, кто осмелился бы это сделать, ждала в течение суток смерть. И когда однажды один воин сел на эту лавку, а потом узнал о запрете, то он действительно через день умер. Это показывает силу социальных регуляторов поведения людей в обществе, особенно если люди в них верят.

Биологическая потребность быть в группе, коллективе может проявляться самыми различными способами. Это могут быть семья, клан, этнос, религиозная группа, подданные короля, советский народ, класс, государство, человечество и т.д.

Нация – недавно возникшая общность людей – есть продукт развития капитализма, т.е. социальное, а не биологическое образование. Часто её территория формируется случайно. Возьмём, например, Баварию. По мнению политологов, она как этническое образование могла оказаться как в составе Германии, так и в составе Австрии. Так формировались нации в Европе (об этом можно прочитать, например, в Encyclopedia Americana (ст. "nationalism")), и сходство или несходство языков различных этносов не имело при этом никакого значения. Например, араб из Алжира, давно живущий во Франции, может считать себя французом. Во Франции нацию определяют по человеческим критериям – по принципу гражданства, а не биологическим, т.е. по этническому происхождению. Так же и в США. Если кто-либо получил американское гражданство, то независимо от цвета кожи, расового происхождения и языка он становится частичкой американской нации. В странах, в которых преобладает такой подход к определению гражданства, в определении понятия "нация" превалирует социальный, а не биологический подход.

Хадыка Ю.В.: Чалавек вельмі складаная істота, яшчэ больш складаная рэч – чалавечая супольнасць, і апісваць працэсы, якія ў ёй адбываюцца, можна рознымі спосабамі. Мне, напрыклад, больш падабаецца фізіка-матэматычны. Чалавечую супольнасць можна разглядаць як шматчастковую сістэму, якая падпарадкоўваецца ў сваім развіцці законам статыкі, дынамікі і г.д. Вядома таксама, што ў любой сістэме, пакінутай самой сабе, расце энтрапія, павялічваецца хаос. Прыкладна тое ж самае адбываецца і з грамадствам. Калі ў грамадстве ўтвараецца нейкая нацыянальная супольнасць, гэта азначае, што адбыўся вялікі культурны акт. Гэта ёсць творчы акт, гэта праяўленне патрэбы супрацьдзеяння энтрапіі і хаосу. Без гэтага цывілізаванае грамадства даўно перестала б існаваць. Таму ва ўсім свеце дзеянні, якія накіраваны на знішчэнне культураў вялікіх і малых народаў, лічацца злачыннымі. Такая палітыка завецца генацыдам – злачынствам супраць чалавецтва. Адсюль выснова: супрацідзейнічаць развіццю культуры любога народа, у тым ліку і беларускага, а тым больш знішчаць яе, ёсць нішто іншае, як злачынства. Аб гэтым вельмі выразна пісаў Зянон Пазьняк, хаця месцамі ў дастаткова рэзкай форме. Трэба зазначыць, што ён меў вялікіх папярэднікаў. Я спашлюся пры гэтым не на Хаека, як гэта рабіў сп. Леанід, а на такі аўтарытэт, як Фрыдрых Гегель. Ён лічыў, што толькі той народ, які мае высокую ступень самасвядомасці, якая ўвасабляецца ў нацыянальным або народным духу, з'яўляецца суб'ектам гісторыі. На маю думку, такім суб'ектам былі беларусы, бо беларуская нацыя існавала з часоў утварэння беларускай дзяржавы. На жаль, здарылася так, што пазней іншыя этнасы падпарадкавалі сабе беларусаў, і на нашай зямлі пачаліся працэсы дэнацыяналізацыі, якія мелі злачынны характар. Таму, калі весці гаворку пра суадносіны паняццяў "нацыяналізм" і "дэмакратыя" адносна беларускай глебы, я ўпэўнены, што іх ніўякім разе нельга супрацьстаўляць. Зразумела, што па свайму зместу гэтыя паняцці і не павінны супадаць. Нацыяналізм бывае і агульнадэмакратычны, ён можа мець сацыял-дэмакратычную афарбоўку, як гэта было ў нас на пачатку XX стагоддзя, а можа быць і ў форме фашызму і камунізму, але на Беларусі нацыяналізм меў толькі дэмакратычны характар, больш за тое – менавіта нацыянальныя дэмакраты рухалі на Беларусі дэмакратычны працэс наперад. Сп. Міхась слушна казаў, што для некаторых народаў нацыяналізм выступаў у ролі дэміурга ў справе стварэння нацыянальнай дзяржавы. Гэта сапраўды так. Гегель яшчэ ў пачатку XIX стагоддзя звязваў паняцце "нацыянальнай самасвядомасці" з уваходам народа ў сусветную гісторыю ў якасці самастойнага суб'екта. Гэта было сказана задоўга да таго, як узніклі нашы праблемы. На маю думку, нацыяналізм – гэта вельмі прыгожая ідэя, якая мае бездакорную палітычную практыку. Большасць дэмакратычных краінаў свету ў дадзены момант з'яўляюцца краінамі ўтоленага нацыяналізму. Але і перад імі час ад часу ўзнікае праблема абароны сваей нацыянальнай культуры і мовы. Я маю на ўвазе Францыю, якая прыняла адмысловы закон, скіраваны на абарону сваёй мовы ад англанізмаў. Беларусь жа, як і некаторыя іншыя дзяржавы, адносіцца да краінаў з неўтоленым нацыянальным пачуццём. У існаванні нацыяналізму няма нічога дзіўнага, бо ён з'яўляецца натуральным праяўленнем этнічнай і культурнай самаідэнтыфікацыі любога народа. Этнас мацуецца шматлікімі сацыяльнымі фактарамі, якія існуюць сярод людзей, у тым ліку і рэлігійным, але на Беларусі гэты фактар не дзейнічае. Паколькі Беларусь знаходзіцца не на востраве, як Ісландыя, а на перакрыжаванні гісторыка-культурных шляхоў, аслаблены ў нас і этнічны фактар самаідэнтыфікацыі. Але ў нас захавалася свая асабістая культура, якая і павінна стаць сродкам самаідэнтыфікацыі беларускага народа, і ў першую чаргу мова, якая з'яўляецца формай існавання гэтай культуры. Менавіта таму з пачатку сваей дзейнасці БНФ і выступіў з патрабаваннем абароны і адраджэння беларускай мовы, бо яна з'яўляецца відавочным інтэгруючым фактарам умацавання нашай нацыянальнай супольнасці. Людзі гэта цудоўна разумеюць, у тым ліку і тыя, хто ў дадзены момант не размаўляе па-беларуску. Нездарма на апошнім перапісу насельніцтва шмат было такіх, хто заявіў, што дома карыстаецца беларускай мовай, хаця насамрэч гэта было не так. Такіх было больш за 40%. Гэта моцнае перабольшванне, гэта своеасаблівы фенамен, якога ніхто не чакаў. Але людзі адказвалі менавіта так, бо лічылі выкарыстанне ў побыце беларускай мовы неабходным фактарам сваёй беларускасці. Гэта значыць, што яны разглядалі мову не ў якасці звычайнага носьбіта інфармацыі, а ў якасці культурнай з'явы. Падкрэслю яшчэ раз: на Беларусі нацыяналізм заўжды спрыяў развіццю дэмакратыі і быў носьбітам дэмакратычных каштоўнасцяў. У нас нацыяналізм ніколі не выкарыстоўваўся супраць дэмакратаў і дэмакратыі. Так было і ў 1917-1918, і ў 1941-1945, і ў 1989-1991 гг. Асабіста я лічу, што без станоўчага вырашэння нацыянальнага пытання нельга будзе пабудаваць дэмакратычнае грамадства.

Плиско М.К.: Страны, расположенные в континентальной части Европы, кроме Нидерландов, вынуждены были догонять ушедшие вперёд по пути буржуазного развития Британию и США. Догоняющая модель развития была присуща и Германии, и Австрии, и Италии, не говоря уже о России. Это наложило свой отпечаток и на решение той проблемы, которую мы обсуждаем, – соотношение понятий "национализм" и "демократия". В Британии установление демократии предшествовало решению проблемы национальной самоидентификации. Поэтому национальная компонента в развитии этой страны играла гораздо меньшую роль, нежели в истории других европейских стран. Не будет, видимо, преувеличением сказать, что на британских островах не необходимость воплощения народного духа в государстве (по Гегелю), а демократия привела, если так можно сказать, к рождению британского национального государства, а позднее и империи. Определённый космополитизм, присущий этой стране, стремление навязать другим народам своё миропонимание, в том числе и с помощью вооружённой силы, способствовали появлению традиции, выражавшейся в осуждении национально-освободительных движений и национализма. В англосаксонской научной литературе она дожила и до сегодняшнего дня. Совсем иное место занимала национальная идея в политике и культуре стран Центральной и Восточной Европы. То, о чём мечтал Гегель, воплотилось в Германии только во второй половине XIX столетия. Процесс воплощения народного духа в государстве происходит не в безвоздушном пространстве, а на определённой территории. То есть он неизбежно сталкивается с интересами других народов, которые по уровню развития своего национального самосознания могут быть и не готовыми к созданию своего собственного национального государства. Процесс становления национальных государств сталкивается, таким образом, с проблемой поиска некоего критерия "справедливого" деления территорий, особенно в том случае, если на ней проживает смешанное население. К сожалению, чаще всего в роли подобного критерия выступает сила, в том числе и военная. Это негативно сказывается на укреплении и развитии демократических институтов, так как приводит к возникновению межнациональных конфликтов как внутри отдельных государств, так и между государствами, что в свою очередь может привести к дискредитации национальной идеи и национализма. То есть национализм в отличие от демократии носит амбивалентный характер. Если речь идет о национализме, который ущемляет законные интересы других национальных культур, то он не может носить

НАЦИОНАЛИЗМ И ПРАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

прогрессивного характера. Такая политика плохо сочетается с демократическими принципами, и её можно охарактеризовать как имперскую и великодержавную. Часто бывает так, что народ, который сам с большим трудом добился независимости, начинает угнетать национальное меньшинство, проживающее на территории его государства. Вспомните, например, политику болгарского руководства по отношению к турецкому меньшинству или политику Чаушеску к венгерскому меньшинству. Леонид Константинович говорил о биологическом начале в человеке, о его инстинктивном стремлении жить в коллективе людей, подобных себе. Это, мол, приводит к делению людей на своих и чужих. Возможно, что в политике подавления национальных меньшинств это биологическое начало в человеке находит свое проявление, только на ином, качественно другом уровне. Видимо, в достижении некой национальной гомогенности в пределах своего государства правящая элита видит один из способов обеспечения национальной безопасности для своего собственного народа. Это лишний раз говорит о том, что проблема взаимодействия демократии и национализма гораздо сложнее, чем это может показаться на первый взгляд. Если говорить о нашем опыте сочетания национальной компоненты с общедемократическими ценностями, то, на мой взгляд, он был не совсем удачным. Причина, видимо, заключается в том, что значительная часть нашего народа была не готова к восприятию не только национальных, но и демократических ценностей. Этих людей условно можно одновременно назвать и советскими белорусами, и тутэйшыми. Формирование их мировоззрения проходило в послевоенное время на фоне усиления политики подавления белорусской культуры и языка. Из-за чисток и репрессий в предвоенные годы и больших людских потерь во время войны произошло ослабление этнического ядра белорусского народа. В результате этого процесс денационализации в Беларуси зашёл дальше, чем в любой другой республике бывшего СССР. Именно поэтому в конце 80-х гг. национальная идея, идея построения собственного государства не смогла стать знаменем всего демократического движения. По этой причине повторить путь, которым шли к построению независимого демократического государства Латвия, Литва и Эстония, мы не могли, как бы этого ни хотелось некоторым лидерам БНФ. Если я правильно понял сп. Хадыку, то он сказал, что БНФ ухватился за язык именно потому, что по этому признаку было легче всего объединить тех, кто считал себя белорусом и выступал за образование самостоятельного независимого государства. Мне кажется, что подобная политика БНФ была не совсем верной. На самом деле потенциальная база демократического движения была значительно шире. Об этом, кстати, косвенно свидетельствуют данные переписи населения конца 90-х гг., о которых говорил сп. Хадыка. Использование языкового фактора в качестве деления на своих и чужих оттолкнуло от БНФ многих демократически настроенных людей, если хотите – попутчиков, и значительно сузило базу демократического движения в целом. В начале 90-х гг. мне лично не раз приходилось сталкиваться с легкомысленными утверждениями некоторых чересчур "свядомых" бэнээфовцев, которые всех, кто не разговаривал на белорусском языке, называли предателями и коллаборационистами. Организация, которая претендовала на роль лидера политической оппозиции, должна была просчитать негативные последствия такой политики. Презрительное и подозрительное отношение к русскоязычным белорусам со стороны радикальной части БНФ умело использовала в своих интересах тогдашняя власть и выразители интересов советских белорусов. В результате и без того слабое демократическое движение оказалось расколотым и на президентские выборы оно вышло двумя колоннами, выдвинув в качестве кандидатов в президенты Пазьняка и Шушкевича. Итог этих выборов известен. Победа досталась выразителю интересов советских белорусов – Александру Лукашенко. Демократическое движение потерпело поражение из-за того, что его лидеры не смогли найти верного соотношения между национальной и демократической компонентой в борьбе за политическую власть в стране. Дай бог, чтобы и на предстоящих президентских выборах мы не воспроизвели ситуацию 1994 года.

Злотников Л.К.: Я бы хотел возразить Юрию Викторовичу по одному вопросу. Он сказал, что язык является культурным, а не биологическим признаком, который способен объединить людей в группу, в коллектив. Здесь мне на память приходит имя известного русского, а затем американского социолога Питирима Сорокина, который написал большую статью по этой проблеме. В ней он сделал однозначный вывод, что язык не является существенным критерием, который объединяет людей в нацию. По моему мнению, в основе объединения по языку лежит биология. При этом я вовсе не хочу сказать, что люди не могут объединяться вокруг языка и культуры. Безусловно, могут. Но вообще-то не важно, каким образом может проявиться стремление людей быть в группе. Важно лишь понимать, что в основе всего этого лежат чисто биологические вещи, а что соответствует биологическим устремлениям и эмоциям человека, то и греет его душу. Зачем же мешать людям быть счастливыми? И если для кого-то таким объединяющим началом является язык, причём самым важным и главным, то ради бога, пусть живут и работают себе на здоровье.

Следует признать, что общности людей, объединённые на биологической основе, в том числе и нации, являются очень устойчивыми и прочными. Ради существования таких общностей некоторые люди готовы даже пожертвовать своей жизнью. Но чаще бывает иная ситуация, когда такая общность, защищая свои интересы, готова пойти даже на физическое устранение несогласных с нею. (У нас на глазах полыхают по всему миру "этнические" конфликты.)

Видение государства (народа) как органического единства, какой-то существующей во времени особой сущности существовало ещё во времена древней Греции и дожило до сегодняшнего дня. В философии своё выражение оно нашло в объективном идеализме, наиболее видными представителями которого были Платон и Гегель. Известный философ Карл Поппер в своей книге "Открытое общество и его враги" очень убедительно и обстоятельно показал, к каким негативным последствиям могут привести подобного рода воззрения, если их реализовать на практике.

С моей точки зрения, нации являются чисто субъективными образованиями. И если мы сейчас ведём разговор об образовании белорусской нации, то этот процесс идёт отнюдь не потому, что происходит возрождение какого-то мифологического духа нации, существовавшего в прошлом. Во всём этом нет никакой научной основы. Становление белорусской нации идёт сейчас, на наших глазах, и на той территории, которая нам досталась после распада СССР. И это происходит, прежде всего, потому, что у людей, которые сейчас живут в границах современного белорусского государства, начинают формироваться общие интересы, реализация которых может быть выгодна всем проживающим здесь людям независимо от их этнической принадлежности и языка. Сам факт существования независимого белорусского государства делает нас от года к году всё больше и больше белорусами. У нас всех появляется чувство сопереживания за то, что происходит у нас в стране, все мы хотим жить лучше и богаче. В Европе этот процесс начался 300-400 лет тому назад, у нас – сейчас. И как распорядится судьба с формирующейся белорусской нацией дальше – пока сказать трудно.

Хадыка Ю.В.: Мне здаецца, што сп. Міхась не зусім правы, калі праводзіць падзел нацый на тыя, якія ідуць наперадзе, і тыя, якія іх даганяюць. Яшче Джавахарлал Неру папарэджваў, што на сусветную гісторыю нельга глядзець толькі праз еўрапейскія акуляры. З цывілізацыйнага пункту гледжання яшчэ невядома, якая з нацый адстае, а якая ідзе наперадзе. Снабізм, якім страдае шмат хто з еўрапейцаў, ні да чаго добрага не давядзе. Еўрапейская цывілізацыя мае сваю сістэму каштоўнасцяў і сваю філасофію сацыяльнага існавання, якія істотна адрозніваюцца ад іншых. Гэта сістэма створана пераважна прадстаўнікамі англасаксонскіх краінаў і базуецца на нормах пратэстанцкай этыкі. І мы не маем права казаць, што еўрапейская цывілізацыя лепшая, чым, напрыклад, індыйская, якая мае сваю багатую і вельмі разгалінаваную сістэму этыкі. Я ніяк не магу зразумець тэзіс, які вельмі распаўсюджаны ў англасаксонскай цывілізацыі, аб бясконцым існаванні чалавека пры адначасова бясконцым прагрэсе. На маю думку, ідэя бясконцага прагрэсу парочная ў самой сваёй аснове. Аб гэтым я ў свой час пісаў у брашуры "Асновы дэмакратычнага светапогляду". Стагнацыйныя грамадствы – Індыя, Кітай – па-свайму вельмі цікавыя, гэта –прыклад існавання чалавечай супольнасці ў раўнавазе з прыродным асяроддзем. Англасаксонскі свет парушыў гэтую раўнавагу. У выніку чалавецтва каціцца да глабальнай катастрофы. Усе гэта разумеюць, але еўрапейская цывілізацыя, якая выдае сябе за вельмі перадавую, не ў стане нічога прапанаваць. І калі перакінуць мосцік ад таго, што я толькі казаў, да тэмы нашай размовы, то я мушу зазначыць, што нацыя ёсць адзін з такіх фактараў, які прымушае нас думаць аб сваёй будучыні, бо менавіта ў ёй увасабляецца ідэя несмяротнага чалавека. Нацыя – гэта абагулены чалавек, яна заўсёды будзе існаваць праз тых, хто народзіцца пасля нас, праз нашых нашчадкаў. Нават калі ў мяне няма сына ці дачкі, я як частка нацыі, рухомы нацыянальным пачуццём, усё роўна буду думаць аб яе будучыні. Гэта прымушае людзей клапаціцца і аб нармальных умовах існавання нацыі, бо калі іх не будзе, то не будзе і нацыі, і чалавецтва. Менавіта таму ЗША, думаючы аб лёсе сваіх грамадзян і зыходзячы з інтарэсаў нацыянальнай бяспекі, пачынае зараз ажыццяўляць шырокамаштабную і дарагую праграму супрацьракетнай абароны. Гэта ёсць добры прыклад клопату кіраўніцтва краіны аб будучыні сваёй, яшчэ маладой і разнастайнай нацыі. Таму нацыяналізм – гэта вельмі цудоўная ідэя, якая мае за сабой беззаганную гістарычную практыку і якая вельмі неабходная для Беларусі як сучаснай еўрапейскай дзяржавы. Я не згоден з тым, што быццам бы БНФ памыліўся, калі зрабіў упор на мову. Ніякага супрацьпастаўлення нацыянальнага і агульнадэмакратычнага я ў гэтым не бачу. Проста мы хацелі падкрэсліць, што мова дазволіць нам адрадзіць пачуццё нацыянальнага адзінства, без якога ніводная нацыя не можа існаваць. І тыя, хто выступаў супраць гэтага, былі заўзятымі вялікадзяржаўнымі шавіністамі і толькі. Піцірым Сарокін такі ж шавініст, як і Аляксандр Салжаніцын, а таксама і іншыя расейскія дэмакраты, за радчайшымі выключэннямі. Дарэчы, крыўдзіцца на іх за гэта не варта, таму што яны дзейнічаюць, зыходзячы з пункту гледжання расійскіх нацыянальных інтарэсаў. Менавіта таму яны і паднялі такі гвалт наконт дзяржаўнасці беларускай мовы, бо добра разумелі, што гэта пагражае іхнім інтарэсам у Беларусі, тым больш што раней іхняя мова панавала ў нашых дзяржаўных і вучэбных установах. Але мы павінны памятаць, што яшче лаціняне казалі: "Чыя мова – таго і зямля", і таму аніякіх саступак у моўным пытанні мы не павінны рабіць. Нацыі без мовы не існуе. Культура кожнага народа базуецца на мове, яна ёю пранізана, і таму можна сказаць, што сутнасць кожнай нацыі сканцэнтравана менавіта ў мове. Таму ў беларускай дзяржаве павінна быць адна дзяржаўная мова – беларуская. Калі мы саступім з гэтай пазіцыі, складзем рукі і забудземся пра свае нацыянальныя інтарэсы, то хутка страцім сваю самастойнасць і станем часткай Расеі – краіны, якая на сваей тэрыторыі вядзе неабвешчаную вайну ў Чачні і якая, на маю думку, у якасці Федэрацыі не мае гістарычных перспектыў для свайго развіцця, бо ні татары, ні чачэнцы, ні башкіры не захочуць стаць рускімі.

Плиско М.К.: Я все же вернусь к белорусским реалиям. Мне кажется, что в конце 80-х гг. при выборе стратегии политического развития страны национально ориентированной политической элите необходимо было исходить из следующей последовательности: советские белорусы – граждане Беларуси – белорусы. Национальные чувства носят иррациональный характер, их трудно описать и выразить в неких рациональных категориях. Они имеют свойство проявляться внезапно, но для их появления необходима повседневная кропотливая работа с людьми. БНФ же решил преодолеть "национальную" пропасть в один прыжок, т.е. одним махом и в исторически короткие сроки превратить всех советских белорусов в "нацыянальна свядомых беларусаў". Именно поэтому он и сделал в своей политике ставку на возрождение белорусского языка и культуры. Возможно, поэтому БНФ и не удалось внятно объяснить обществу свою политику, так как в поведении советских белорусов преобладал рационализм и их в первую очередь интересовала колбаса, а не вопросы языка и культуры, которые стояли у них на втором плане. Как это ни обидно, но логикой стену этого непонимания в то время пробить было невозможно. Поэтому, с моей точки зрения, БНФ было характерно некоторое забегание вперёд, а история учит, что если политики не учитывают объективно сложившиеся реалии, то обрекают себя на поражение, что, в общем-то, у нас и произошло. На протяжении 90-х годов влияние БНФ в обществе не возросло, а уменьшилось. Положение дел в то время усугублялось ещё и тем, что в БНФ были и свои радикалы, которые с подозрением (если не с презрением) относились к другим демократическим партиям и организациям, если те не полностью разделяли языковую и культурную политику фронтовцев. Разрозненность действий демократов и националов не выдумка: она проявилась во время президентских выборов в 1994 году и имела самые пагубные последствия для страны.

У Жюля Вебера есть книга с весьма примечательным названием: "Превращение крестьян во французов". К сожалению, свою реалистичную и приемлемую для народа программу превращения советских белорусов в беларусов мы так и не смогли написать, хотя за окном уже XXI век и мы на пороге новых президентских выборов.

Злотников Л.К.: В чём я кардинально расхожусь с Юрием Викторовичем? В первую очередь, мне неприемлемо утверждение, что нация будет существовать вечно. Для меня нация есть то, что состоит из нас самих, из конкретных людей с их недостатками и достоинствами. Я не приемлю нацию как некую метафизическую и потустороннюю идею, которая довлеет над людьми и выверяет их поступки. Я этого не понимаю. Это чистой воды идеализм. В этом и заключается наше коренное расхождение. Представление о нации как некой биологической категории мне понятнее. Это – нечто осязаемое, это своя группа, своя территория, это деление на своих и чужих. И для меня всплеск национальных чувств – это проявление биологического инстинкта и только.

Появившись, нация стала одной из форм проявления инстинкта группы. При этом она рассматривается как биологическое существо, т.е. на неё переносятся качества рода (жизнь отдельной особи, как известно, биологически менее приоритетна, чем выживание рода). Интересы нации становятся более приоритетными, чем права отдельных её членов. Очень важным становится язык как средство различения "своих" и "чужих". Появляются требования совместить территорию с ареалом проживания биологически схожего населения (например, "Великая Сербия").

Теперь о Беларуси. Мне кажется, белорусской нации как таковой не было. Были отдельные племена, затем владения отдельных феодалов (известное побоище на Немиге – это разборка братьев), затем – "население", которое вряд ли можно отнести к белорусской нации. Не случайно, видимо, по социологическим данным НИСЭПИ 49% современных жителей Беларуси считает, что белорусской нации как таковой не существует, а есть триединая нация – русских, белорусов и украинцев. Отсюда и готовность белорусов интегрироваться с Россией, и в отличие от Польши её воспринимают как свою, а не чужую. Нравится кому-нибудь это или нет, но такова реальность, таков наш социум. Пока же белорусской нации нет, и будет ли она – ещё неизвестно.

Но если Беларусь и дальше будет существовать как независимое государство, то продолжится и процесс формирования белорусской нации в европейском понимании, т.е. тот, кто является гражданином страны, одновременно является и представителем нации. БНФ же нам предлагает нечто другое. Это идея возрождения нации на базе языка, это идея отгораживания от России по причине схожести языков и боязни ассимиляции. Биологический национализм – это единство территории, языка, а затем и самой нации. У нас всего этого не существует. Не может у нас и религия выступить в роли фактора, который бы сплотил белорусскую нацию. Это говорит о том, что белорусы не достигли ещё стадии самоидентификации, а значит, пока не могут претендовать на то, чтобы называться нацией. Отсюда и проистекают все расхождения в политике, идеологии, культуре. Попытка ввести в Беларуси один государственный язык – белорусский – наткнулась на реальность, которая сложилась в этой сфере. Это, кстати, помогло Лукашенко набрать немало баллов. Хотя он и без этого победил бы на референдуме, так как опирался на поддержку большинства народа. И с этой частью народа надо считаться, она ведь тоже живёт на этой территории.

Беларусь – это страна, которая оказалась, как говорил Хантингтон, на разломе двух цивилизаций, а европейская цивилизация заканчивается там, где проходит граница католицизма. Когда-то на территории Беларуси было распространено униатство, но теперь его почти нет, а стало быть, нет и религии, которая могла бы объединить белорусский народ.

Таким образом, в роли объединяющего начала белорусского народа не может выступить ни мова, ни культура, ни религия, т.е. факторы, в основе которых лежит идея возрождения. Мы до сих пор не можем решить для себя, куда должна быть ориентирована наша внешняя политика: на Восток или на Запад. У нас, между прочим, существует огромная разница в менталитете между жителями западной и восточной частей Беларуси. Я не говорю, что это хорошо. Это – трагедия для Беларуси. Но такова реальность. Этих проблем не существует в Польше или в Литве.

По моему мнению, единственным началом, способным объединить белорусский народ, может стать либеральная метаидея. Я исхожу из того, что в мире нет ничего важнее человека, его интересов и устремлений, его "американской мечты". Государство не должно носить идеологического характера и отдавать предпочтение какой-либо конкретной культуре или языку. Развитие культуры и языка должно стать делом тех людей, которые хотят этим заниматься. Без голого администрирования проблему распространения белорусской культуры и языка, как хотелось бы БНФ, решить нельзя. Это может иметь негативные последствия и привести к авторитарному государству. Отсюда несовместимость БНФ с демократией. Поэтому неслучайно многие люди опасаются прихода к власти Народного фронта, так как видят в его политике авторитарные черты. Для них эта организация не является демократичной и не содействует развитию демократии в стране. Если говорить лично о себе, то себя я считаю, если можно так сказать, цивилизационным националистом, я патриот своей страны и хочу, чтобы она была независимой, а её народ жил богато и счастливо. И уверен, что таких людей, как я, в Беларуси очень много. Да, я чувствую, что в границах современного белорусского государства начинает складываться общность людей, которые переживают за свою страну, за то, что в ней сейчас творится. Всё это так, но в основе этой общности не должны лежать те положения, за которые ратует и борется БНФ. Я против этнического национализма, основанного на биологических инстинктах человека, я – за гражданский национализм. Общим знаменателем, который позволит избежать насилия и сохранить страну, может стать либеральная идея приоритета прав человека. Только гражданский национализм может ужиться с демократией, только в условиях демократического общества он может существовать и развиваться.

Хадыка Ю.В.: Паслухаўшы сп. Леаніда, я не магу вырашыць для сябе, хто большыя аўтарытарысты – лібералы ці нацыяналісты. Сп. Манаеў таксама паказваў мне гэтыя лічбы. Дакладнасць іх у мяне вызывае сумнеў, але ўсё роўна яны сведчаць, як шырока ў грамадскай свядомасці ўкаранілася ідэалогія заходнерусізму, ідэалогія, якая была распрацавана яшчэ ў XIX стагоддзі і якая ўжо на працягу 150 гадоў выкарыстоўваецца з мэтай русіфікацыі беларусаў. Я лічу, што ніякай асобнай ідэалогіі "гражданского национализма" нет. Гэта – прыдумка людзей, якія не ведаюць беларускай гісторыі і культуры, цураюцца ўсяго беларускага і не хочуць разумець, наколькі багатай з'яўляецца спадчына нашага народа. Гэта ёсць звычайная праява заходнерусізма і толькі. Канешне, я згодзен са сп. Леанідам, што зараз на Беларусі няма адзінства па шмат якім пытанням, у тым ліку і па нацыянальнаму. Але гэта не азначае, што мы павінны сядзець склаўшы рукі. Сп. Міхась слушна заўважыў, што шлях да нацыянальнага і культурнага адраджэння пралягае праз ажыццяўленне ланцужка: савецкі беларус – грамадзянін Беларусі – беларус. Нашы дамарошчаныя заходнерусісты не хочуць заўважаць, што на працягу апошніх стагоддзяў, асабліва ў савецкія часы, Масква вяла сапраўдную вайну супраць беларускай культуры і мовы. Не дзіўна, што і беларуская культура, і мова апынуліся ў заняпадзе. Тое, што тварылася на Беларусі, можна параўнаць хіба што з палітыкай расавай сегрэгацыі ў Паўднёваафрыканскай рэспубліцы. Усім вядома, што беларусам абмяжоўвалі магчымасць займаць пасады ў дзяржаўным апараце, дзе іх у працэнтных адносінах было значна меней, чым, напрыклад, рускіх, якіх было толькі 10% от ўсяго насельніцтва. Моладзь, асабліва вясковую, якая скончвала школу, ставілі ў такія ўмовы, у якіх яна вымушана была адказвацца ад роднай мовы, інакш ніякай кар'еры ёй не было відаць. Таму я ўпэўнены, што толькі ідэя адраджэння можа аб'яднаць і адрадзіць народ. Канешне, можа быць, што сярод сяброў БНФ ёсць людзі, якія могуць абразіць каго-небудзь па нацыянальнай прыкмеце. Але ж трэба мець на ўвазе, што БНФ ёсць масавы рух, і як ўсякі рух ён вельмі эмацыйна насычаны і ў ім заўсёды знойдзецца некалькі неўраўнаважаных асобаў. У афіцыйных жа дакументах вы нідзе не знойдзеце і намёка на тое, што БНФ з непавагай ці пагардай ставіцца да іншых моў і культур. У 1993 годзе, калі Аб'яднаная дэмакратычная партыя навязала нам дыскусію аб суадносінах правоў чалавека і нацыі, мы запісалі ў сваёй праграме, што для нас гэтыя правы аднолькава роўныя і важныя. Гэта вельмі зразумелая і натуральная пазіцыя, бо чалавек нідзе і ніколі не існуе сам па сабе: ён заўжды жыве ў

нейкім грамадстве, тым ці іншым соцыуме. Таму нельга як ігнараваць правы чалавека, так і забываца пра ўмовы існавання соцыума. Прыкладаў у гісторыі, калі грамадства было вымушана абараняць сваю культуру і мову, шмат. Аб адной такой краіне – Францыі – тут ужо ішла гаворка. Зразумела, што працэс нацыянальнага адраджэння павінен быць эвалюцыйным і паступовым, без нейкіх там рэвалюцый. Нельга з савецкага беларуса ў адначассе зрабіць нацыянальна свядомага чалавека. Для БНФ палітычная ўлада не была мэтаю ў дзейнасці, яна – сродак на шляху нацыянальнага адраджэння і толькі. Зараз для нас самае галоўнае – адстаяць самастойнасць краіны, бо, калі не будзе незалежнасці, узнікне рэальная пагроза знікнення беларусаў, беларускай культуры і мовы. Калі яе захаваем, то захаваем і перспектыву развіцця сваёй краіны, нацыі, нацыянальнай культуры і г.д. Дзякуй богу, зараз гэта добра разумеюць усе плыні дэмакратычнага руху, я вельмі задаволены тым, што незалежнасць краіны стала нашай агульнай каштоўнасцю. Мы ніколі не павінны забываць, што мы з'яўляемся нармальнай еўрапейскай краінай, што мы, у адрозненні ад той жа Расеі, заўсёды знаходзіліся ў Еўропе. Што б пра нас ні казалі, але мы, як і раней, выступаем за тое, каб адзінай дзяржаўнай мовай на Беларусі была беларуская мова. Той, хто не жадае яе вучыць, няхай едзе ў Маскву. Палітыка білінгвізму ёсць смерць для беларускай мовы, а згубіўшы мову, мы дэнацыяналізуем беларуса. Сцверджанне ж аб тым, што беларуская нацыя толькі зараз складаецца, – абсурд. Каму ж тады належыць наша тысячагадовая гісторыя і наша арыгінальная культура?

Злотников Л.К.: В случае прихода к власти я как либерал создал бы самые благоприятные условия для развития белорусских школ и языка, устранил бы все препятствия на пути культурного возрождения. Мне как либералу абсолютно не мешает звучащий вокруг меня белоруский язык. Я его прекрасно понимаю, но я не понимаю и не могу понять: почему вы меня и моих детей хотите принудить разговаривать только на белорусском языке? Лично я выступаю за то, чтобы в Беларуси было два государственных языка.

Плиско М.К.: Когда я говорил о "догоняющих нациях", то не имел в виду, какая цивилизация лучше: китайская, индуистская, исламская или японская. Я хотел сказать только, что внутри европейской цивилизации есть свои нации-"передовики" и нации-"аутсайдеры". Между прочим, российская история этому наглядное подтверждение. О том, что Россия отстаёт от Западной Европы, писали все мало-мальски уважающие себя российские историки и философы, кроме тех, конечно, кто считал, что Москва – третий Рим, а четвёртому – не бывать.

Теперь несколько слов о триаде: советский белорус – гражданин Республики Беларусь – белорус как о необходимых этапах возрождения белорусской нации. Если бы в первой половине 90-х годов БНФ согласился с ней, то на выборах 1994 года мы не имели бы двух демократических кандидатов – Шушкевича и Пазьняка. Признание триады означало бы признание реалий и трудностей, которые имелись у нас на пути возрождения белоруской нации и укрепления независимости страны. Но революционное нетерпение, присущее окружению Пазьняка, поставило решение этой исторической задачи под угрозу. Формировать же "белорусскость", национальное самосознание можно было, по моему мнению, и на русском языке. Это позволило бы добиться у русскоязычных и советских белорусов нейтралитета, а затем, возможно, и поддержки по отношению к проводимым в стране национальным и демократическим реформам. Главное заключалось в том, чтобы в белорусской высшей и средней школе, науке и образовании русский язык перестал быть носителем русской культуры. Даже такой либерал как г-н Злотников заявил, что у него начали появляться чувства сопереживания за свою страну и что, придя к власти, он создал бы все условия для развития белорусской культуры и языка, а себя назвал гражданским националистом.

Сегодня мы имеем несколько иную ситуацию. БНФ разделился на две организации, и одна из них, возглавляемая сп. Вячоркой, реалистичней подходит к оценке политической ситуации, нежели КХП БНФ. Сп. Хадыка сказал, что у БНФ, например, нет расхождений с ОГП по вопросу защиты независимости страны и борьбы с авторитарным режимом, как, впрочем, и с большинством других демократических партий. Тем не менее, думаю, попрежнему существует опасность, что мы, как и в 1994 году, повторим те же самые ошибки, а именно: не найдём путей соединения национальной и общедемократической компонент в борьбе за достижение политической власти. Мне кажется, что пока не все национально ориентированные демократы поняли, что в указанной триаде мы ещё не достигли второй стадии, т.е. не все жители Беларуси чувствуют себя гражданами своей страны. Наша торопливость и наше желание немедленно приступить к решению задач, связанных с достижением третьей стадии, может нам только навредить. Поэтому я считаю ошибочными всякие разговоры о том, что тот, кто не хочет учить белорусский язык, должен ехать в Москву. Ни к чему хорошему такая риторика привести не может. Давайте не педалировать на расхождения, которые имеются у демократов по национальному вопросу и особенно по языковой проблеме. Я полагаю, что сейчас ни в коем случае нельзя считать полноценными белорусами только тех граждан, кто разговаривает на белорусском языке. Если для одних язык явился основным признаком идентификации себя как белоруса, то для других в роли таких признаков могут выступить осознание общего исторического прошлого и исторической памяти, общих культурных традиций и менталитета, территории и т.д. и т.п. Сначала мы должны стать гражданами, и только затем – беларусами. Политика есть искусство возможного. Об этом мы никогда не должны забывать. Опыт межвоенного развития стран Балтии, Польши и т.п. показывает, что для укоренения в общественном сознании представления о своей стране как суверенном государстве достаточно примерно 20-ти лет, т.е. жизни одного поколения.

Теперь несколько слов по поводу "свой" и "чужой". Когда я нахожусь за пределами Беларуси, меня тянет разговаривать с моими согражданами только на белорусском языке. И это не проявление некоего лицемерия. Скорее это свидетельствует о том, что язык действительно является наиболее очевидным внешним признаком, свидетельствующим о принадлежности к той или иной нации. Если я за границей буду разговаривать по-русски, то меня и будут воспринимать как русского, а мне бы этого не хотелось. Когда же я нахожусь в своей стране и знаю, какая здесь ситуация с функционированием разговорного белорусского языка, то мой разговорный русский не является свидетельством того, что я русский. В Беларуси я – среди "своих" и у меня нет необходимости маскироваться под "своего" посредством белорусского языка. Здесь я могу быть "хорошим и полноценным" белорусом, разговаривая и на русском языке.

Хадыка Ю.В.: Можна, я з гэтым згодзен. Але ж ці з'яўляецца гэта мэтай нашай дзейнасці? Я лічу, што не. Гэта сведчыць пра хваравіты стан нашага грамадства і толькі. Як у Балгарыі за сотні гадоў панавання турак з'явіліся балгары-мусульмане, так і ў нас у выніку двухсотгадовага іга ўзніклі так званыя рускамоўныя беларусы. Тут нічога не зробіш, так склаліся абставіны. Але ж такое становішча не можа быць нармальным, яго нельга

кансерваваць і надалей. Мы павінны выйсці з яго. У незалежнай беларускай дзяржаве павінна быць адна дзяржаўная мова – беларуская. У беларусаў, у адрозненне ад рускіх, якія пражываюць у нашай краіне, няма іншых магчымасцей вучыць сваіх дзяцей на беларускай мове і развіваць сваю культуру, як на Беларусі. Для рускай культуры Беларусь – палігон для заваёвы і русіфікацыі, хоця пры гэтым Масква можа здекліва разважаць пра нейкую там абарону правоў чалавека.

Злотников Л.К.: Я бы хотел вновь перейти от политических аспектов разговора к философским. Во-первых, я вижу, что в будущем обществе будет преобладать институт частной собственности: будут частные школы и университеты, частные СМИ, частные предприятия и т.д. Воздействия государства на общественную жизнь сведётся до минимума. Может ли в этих условиях государство диктовать частному университету, на каком языке вести преподавание? Думаю, что нет. Наши националы – авторитаристы, потому что они понимают, что в условиях свободного рынка только вмешательство государства может спасти белорусский язык от окончательного вытеснения из сферы образования, науки и СМИ. Во-вторых, я полагаю, что БНФ придерживается мистической точки зрения на существование нации. Националы рассматривают нацию как некую вневременную абстрактную категорию. Поэтому в своей политике они исходят из представлений (причём своих собственных) о том, какой она должна быть, а не такой, какой она является в данный момент. Этим самым БНФ берёт на себя функции Бога, так как утверждает, что знает истину в последней инстанции. Но разве может какой-либо человек или организация знать эту истину, разве можно вести людей к некоей мистически представляемой нации? Разве может кто-либо взять на себя смелость заявить, что он знает какой-то мистический смысл истории и направление её развития?

Отовсюду слышу, что я должен сделать то-то и то-то. Так было в советские времена, когда мы должны были строить коммунизм. И сейчас мне тоже предлагают, не спросив меня, строить некую идеальную нацию белорусов по лекалам, изготовленным БНФ. Мне говорят, что я должен разговаривать на белорусском языке. Мне надоело всё время быть кому-то должным. Я не хочу быть кому-то должным, в том числе и БНФ. Я просто хочу нормально и свободно жить. Я не хочу, чтобы мне силой навязывали какие-то ценности и нормы поведения. Никто не знает, что будет с нами даже через 150-200 лет, будет ли вообще существовать белорусская нация и белорусский язык. Честно говоря, меня не очень-то волнует, на каком языке и в каком, национальном или нет, государстве будут жить мои далёкие потомки – главное, чтобы они жили счастливо и свободно. И если белорусская нация исчезнет в ходе естественного развития истории, я не собираюсь рвать на себе волосы. До сегодняшнего дня в мире исчезло немало наций и народов и ещё многие исчезнут. Никакой особой трагедии я в этом не вижу, так как люди, составляющие нацию, никуда не исчезают, они-то ведь продолжают жить в своих детях (волны исчезают, а вода остаётся). Это нормально, когда на смену старой национальной форме организации жизнедеятельности людей приходит новая. Я думаю, что Япония правильно сделала введя у себя обязательное изучение английского языка. Это значительно повысит её шансы на выживание в условиях глобализации экономических процессов. Язык отражает ту общественную и производственную практику людей, которая существовала в прошлом. Именно в этом заключается назначение языка, а не в выполнении некоей мистической функции спасения нации. Останутся те языки, которые позволят выжить человеку в условиях ускоряющейся глобализации.

Хадыка Ю.В.: Праслухаўшы Ваш выступ, сп. Леанід, у мяне склалася ўражанне, што я з не меншым поспехам магу абвінаваціць Вас у тым, што Вы прысвоілі сабе права говарыць ад імя Бога, таму што ўзяліся разважаць аб тым, які лёс чакае беларускую і іншыя нацыі, не маючы на руках ніякіх фактаў. Я лічу, што мая пазіцыя больш слушная, бо яна, у адрозненне ад Вашай, абапіраецца на шматвяковую гісторыю развіцця нацый, на гістарычнае мінулае розных народаў. Я ўпэўнены, што народ, які існуе не адно стагоддзе, не можа знікнуць у адначассе, за нейкіх там 150-200 гадоў. І калі такое ў гісторыі адбывалася, то гэта была сусветная катастрофа, страта для ўсяго цывілізаванага чалавецтва. Калі ў ліберальнай будучыні, пра якую тут з такім пафасам казаў сп. Леанід, будуць прыватныя школы і унівэрсітэты, то, дзякуй богу, няхай будзе так, я не супраць. Ніхто не збіраецца навязваць мову навучання ў такіх навучальных установах. Але ж у дзяржаўных, а яны таксама будуць існаваць, адукацыйны працэс павінен ісці на дзяржаўнай мове – беларускай. У дзяржаўных установах справаводства таксама павінна весціся на беларускай мове, а тыя людзі, якія будуць у іх працаваць, павінны валодаць беларускай мовай і размаўляць на ёй. Не трэба рабіць з БНФ нейкага монстра і экстрэміста, які сілай будзе навязваць грамадзянам беларускую мову. Гэта звычайнае глупства. БНФ ніколі за гэта не выступаў і не мог выступаць. Наадварот, у моўным пытанні мы заўжды займалі вельмі талерантную пазіцыю і гатовы пайсці на вырашэнне гэтага пытання праз галасаванне. Мы не дзелім беларусаў на рускамоўных і беларускамоўных. Для нас яны аднолькавыя. Сярод адных і другіх ёсць шмат людзей з аслабленым нацыянальным пачуццём. Мы гэта цудоўна ведаем і не лунаем у паветры, лічачы, што іх быццам бы хутка можна ператварыць у нацыянальна свядомых беларусаў. Але мы ўпэўнены, што зрабіць гэта можна толькі праз адраджэнне беларускай мовы і культуры. Тое, што ў нас няма адзінай рэлігіі, канешне, не спрыяе адзінству народа, але ж гэта не азначае, што мы яго ніколі не дасягнем. Немцы таксама не маюць адзінай рэлігіі і гэта не перешкаджае ім адчуваць сябе адзінай нацыяй.

Злотников Л.К.: Асабіста для мяне праблемы валодання беларускай мовай няма. Я магу размаўляць па-беларуску. Час ад часу я даю інтэв'ю радыё "Свабода" на беларускай мове. Калі ўсе пачнуць размаўляць толькі па беларуску, дык для мяне асабіста гэта не будзе нейкай трагэдыяй. Я прыму выбар народа і буду размаўляць па-беларуску. Тым не менш, я мушу зазначыць, што я нікому і нічога не абавязаны. Гэта дзяржава мне абавязана ўсім, бо я плачу падаткі на яе ўтрыманне.

Плиско М.К.: Живой тон нашей дискуссии свидетельствует о сложности рассматриваемой нами проблемы – проблемы соотношения национализма и демократии в политическом процессе. Но эмоции при рассмотрении этой проблемы – не лучший советчик. Без точного и взвешенного научного анализа здесь не обойтись. Дело в том, что в решении национального вопроса участвуют не только люди, но и государство. А государство – это аппарат насилия, это целая когорта чиновничества, которая зачастую имеет свои собственные интересы, идущие вразрез с интересами рядовых граждан. Действительно, в официальных документах БНФ нет положений, которые свидетельствовали бы о том, что после прихода к власти он прибег бы к насилию в решении языковой проблемы. Тем не менее, в статьях Пазьняка есть положения, которые не могут не вызывать определённой тревоги. Пазьняк – государственник, он этого и не скрывает. Это роднит его с Лукашенко, который в своей политике ставку делает не на гражданское общество, а на мощь государственного аппарата. В сво-

их работах Пазьняк открыто выступает против модели свободного рынка, которая существует в США. Ему не нравится торговая буржуазия, глобализация общественной и экономической жизни. Тон его статей говорит о том, что он может прибегнуть к помощи государственного аппарата при решении культурных и языковых проблем. Лично я не уверен, что если бы Пазьняк находился у власти, то в частных школах и университетах преподавание могло бы идти на русском языке. Люди инстинктивно чувствуют возможность такой политики БНФ в случае его прихода к власти. Это является причиной того, что на протяжении вот уже десяти лет рейтинг БНФ среди населения не растёт, а снижается. Я понимаю, что Пазьняк – это не БНФ. Но люди живут стереотипами. Многие по-прежнему уверены, что БНФ и Пазьняк – это близнецы-братья. Я уже говорил, но повторю ещё раз: политика – это искусство возможного. БНФ не хочет этого понимать, он ведёт себя не как политическая организация, призвание которой бороться за власть, а как сообщество миссионеров, созданное для возрождения белорусского языка и белорусской культуры. Если политическая организация хочет победить, она должна понимать, что сделать это можно только опираясь на поддержку большинства населения. Политика не терпит прямолинейности, она построена на компромиссах и учёте интересов различных социальных групп населения. Если же БНФ не захочет "поступаться принципами", как это когда-то делала КПСС, то в обозримом будущем власти ему не видать.

Хадыка Ю.В.: БНФ – не такая ўжо прамалінейная арганізацыя, як тут казалі мае суразмоўцы. Я катэгарычна не згодзен з такім падыходам да ацэнкі дзейнасці БНФ. Канешне, на шляху свайго развіцця ён рабіў палітычныя памылкі. Каб іх не было, дык мы б ужо мелі ўладу. Адной з такіх памылак з'яўляецца тое, што мы не змаглі растлумачыць грамадству і людзям сутнасць Закона аб мовах, які быў прыняты ў студзені 1990 года тады яшчэ цалкам камуністычным Вярхоўным Саветам. Мы не змаглі даступна і пераканаўча распавесці народу, навошта трэба адраджаць беларускую мову і культуру і якая яму ад гэтага будзе карысць. Мабыць, нам не ўдалося спалучыць нацыянальную ідэю з ідэяй дабрабыту саміх людзей. Але ж БНФ не стаіць на адным месцы. У яго дзейнасці адбылося шмат зменаў, асабліва пасля сумна вядомага рэферэндуму 1996 года. Тым не менш, мы лічым, што ў беларускай дзяржаве павінна быць толькі адна дзяржаўная мова – беларуская. Мы выступаем за тое, каб рашэнне аб гэтым было прынята дэмакратычным шляхам, але пасля таго, як у нас на свабодных і дэмакратычных выбарах будзе абраны паўнавартасны парламент. Толькі тады можна будзе правесці ўсенароднае галасаванне па гэтаму лёсавызначальнаму пытанню. Я веру ў канструктывізм нацыянальнай ідэі і лічу, што яна добра спалучаецца з ідэаламі дэмакратыі, больш за тое – у поўным аб'ёме яна можа быць рэалізавана толькі ў дэмакратычным грамадстве. Я веру ў розум і разважлівасць свайго народа, веру ў яго нацыянальнае адраджэнне.

Злотников Л.К.: Вопрос о языке нельзя ставить на голосование ни в парламенте, ни выносить на референдум. С моей точки зрения, это является нарушением общепринятых норм демократии, т.е. подавлением меньшинств, в данном случае – белорусскоязычных. В Беларуси я бы оставил ту реальную языковую практику, которая сложилась на данный момент. При этом я считаю, что государство должно создать нормальные условия для развития белорусского языка и белорусской культуры. Государство в принципе должно стоять над идеологией. Задача государства, чтобы все люди, независимо от того, на каком языке они предпочитают говорить, чувствовали себя комфортно, главное, чтобы им было удобно жить в обществе. Только чиновники, работающие в государственном аппарате, обязательно должны владеть двумя языками – белорусским и русским. Они должны отвечать человеку на том языке, на котором он к ним обратился.

Я считаю, что судьба белорусской демократии оказалась трагичной по той причине, что подавляющее большинство политических партий и общественных организаций демократической ориентации оказались привязанными к БНФ и его политике по национальному вопросу. Это привело к тому, что в решающий момент народ отвернулся от демократической оппозиции и поддержал Лукашенко и ему подобных. Если бы в сознании людей не было привязки демократических ценностей к националистическому крылу БНФ (а этому подыгрывала официальная пропаганда), судьба демократических преобразований в Беларуси была бы совершенно иной.

Плиско М.К.: Понятия "демократия" и "национализм" не взаимоисключают друг друга, просто они разные по содержанию, хотя и имеют точки соприкосновения. Их можно сравнить с медалью, которая имеет две стороны. Каждую из этих сторон можно проанализировать по отдельности, но в реальной жизни они существуют вместе. Противоречия, которые могут между ними возникать, носят имманентный характер, и они будут существовать до тех пор, пока будет существовать само человечество.

Действительно, жизнь каждого человека протекает как бы в двух ипостасях, двух измерениях. С одной стороны, он гражданский человек, и в этой ипостаси для него первоочередными являются ценности гражданского общества и правового государства: личные свободы, свобода слова, вероисповедания, право на собственность, право на создание объединений и т.д. С другой стороны, история распорядилась так, что в мире нет абстрактного человека – человека без роду и племени. Каждый homo sapiens с момента своего рождения принадлежит к какому-либо национальному сообществу людей, которое для одного может быть "своим", а для другого "чужим". Сменить национальные "одежды" человек может только в зрелом возрасте. В этой ипостаси для него могут играть и, как правило, играют существенную роль права, связанные с его национальной и этнической самоидентификацией, т.е. с языком, культурой, национальными традициями и т.д. Некоторые люди отдают предпочтение гражданским правам, для других самыми важными являются проблемы языка, развития национальной культуры. В странах, где проживает смешанное в этническом отношении население, – например, России – могут возникать противоречия между уровнем реализации людьми своих гражданских прав и правами, которые вытекают из их национальной идентификации. Русский может считать, что его страна уже стала страной, где реализованы гражданские свободы. Но вряд ли такого мнения придерживаются чеченцы, для которых гражданские права остаются пустым звуком, пока не реализованы их национальные права. Многие русские видят в чеченцах "чужих", а на "чужих", мол, можно не распространять правила и стандарты гражданских свобод, так как действия "чужих" несут в себе угрозу существования России как единого федеративного государства. В других странах могут существовать иные проблемы национального свойства, как, например, в Беларуси, где большая часть этнических белорусов разговаривает на русском языке. Конечно, у нас конфликт, имеющий в своей основе языковую проблему, не носит такого острого характера, но, тем не менее, его нельзя оставлять без внимания. Задача политиков – найти приемлемое решение данной проблемы для всех категорий белорусских граждан. Сделать это непросто, но возможно.

Гия НОДИЯ,
заведующий отделом политической философии
Института философии в Тбилиси

НАЦИОНАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ

Падение коммунизма в Восточной Европе и на территории бывшего Советского Союза немедленно повлекло за собой как огромные достижения в области либерализации и демократии, так и возрождение национализма. На взгляд многих исследователей, здесь таится противоречие, поскольку они рассматривают национализм как явление принципиально антидемократическое. Я же полагаю, что это поверхностный взгляд, который мешает понять реально происходящее в посткоммунистических странах, а также и в других частях света. Как бы там ни было, опыт антикоммунистических революций требует от нас переосмысления не только отношений между национализмом и демократией, но и многих других постулатов, на которых основана современная цивилизация.

Первой значительной попыткой подобного переосмысления были раздумья Ф.Фукуямы (Francis Fukuyama) о "конце истории", изложенные в его работе, вышедшей в свет летом 1989 года [1]. Основная идея Фукуямы, развитая им в дальнейшем в целую книгу, сводилась к тому, что распад коммунизма оставил идеи либеральной демократии без реального противовеса, когда невозможно было определить какую-либо идеологию-конкурента [2]. Иными словами, наступила постисторическая стадия развития человечества, которая, сколь ни скучна она на первый взгляд, более не содержит в себе никакой идеологической угрозы для либеральной демократии.

В целом, разделяя мысли, изложенные в работе Фукуямы, я не согласен с его чисто негативной оценкой роли национализма в возникновении, развитии и победе либеральной демократии. Проще говоря, Фукуяма (несмотря на ряд оговорок и сносок) согласен с доминирующим на Западе оценкой демократии и национализма как явлений взаимовраждебных [3]. Победа одного из них возможна лишь за счет другого. Более того, демократия в данном контексте представляется термином, к которому легко применимы такие определения, как "хороший" "цивилизованный", "прогрессивный", "рациональный" и т.д., в то время как национализм ассоциируется с "отсталостью", "незрелостью", "варварством", "иррациональностью" и т.д. С учетом вышесказанного, исходное положение работы Фукуямы сводится к тому, что "иррациональность национализма", не может быть серьезной альтернативой демократии, и история таким образом благополучно закончилась. Весьма оптимистическая позиция! Между тем, пессимисты вроде Шломо Авинери (Shlomo Avineri) не согласны с этой точкой зрения, и утверждают, что не либеральная демократия а именно национализм явился реальным наследником коммунизма, а это означает, что история продолжается [4].

Но что, если национализм и демократия это не две разные философии? Что если национализм является компонентом более сложного явления, которое со всеми его составляющими как раз и именуется "либеральной демократией"? Поднимая эти вопросы, я имею в виду, что идея национализма невозможна – даже теоретически – без идеи демократии, и что демократия никогда не существовала без национализма. Эти два компонента соединены причудливым браком, не могут жить друг без друга, хотя и сосуществуют в состоянии постоянного напряжения. Развод представлялся бы логичным выходом из положения для западного либерала, напуганного опытом национализма в Европе XX века. Но с учетом реальной расстановки политических сил такой подход можно считать просто выдачей желаемого за действительное.

Распад коммунистической системы и развал Советского Союза продемонстрировали наглядно верность моей точки зрения. И напротив, неспособность основных политических учений Запада проанализировать развитие посткоммунистического Востока во многом объясняется односторонним подходом к оценке национализма и его отношениям с демократией.

Эта односторонность во многом объясняется излишней ориентированностью западной политологии на экономический детерминизм и непроверенные постулаты. Считается само собой разумеющимся, что социальное развитие общества нельзя "научно объяснить", не опираясь на условия экономического развития данного общества. Однако и это лишь шаг к современной инструментальной доктрине, в соответствии с которой нации и национализм возникают в результате 1) индустриализации 2) манипуляций массами народа, предпринятыми элитами, преследующими свои собственные (исключительно экономические) интересы. Этот "научный" подход однако, не мешает тем же самым исследователям пользоваться терминами "демократия" и "национализм" как оценочными, а не описательными категориями. Демократии отводится роль положительного героя, не имеющего ничего общего с "плохим" национализмом.

Безусловно, ни один политолог не может избежать оценочности в своих описаниях. Это не удавалось еще никому. Я, например, согласен с Уинстоном Черчиллем в том, что демократия – это очень плохая политическая система, у которой есть лишь одно оправдание – все другие еще хуже. Однако оценочность несовместима с теоретическим подходом. Будучи теоретиком, я не могу рассматривать национализм в категориях "плохо" или "хорошо". Важно то, что он существует. С другой стороны – и здесь я согласен с Фукуямой – социальные реалии не зависят исключительно от объективных данных; субъективные факторы человеческого отношения, сводящие на нет все попытки схематизировать ситуацию, могут влиять на ситуацию и влияют на нее. Совершенно очевидно, что мы должны иметь в виду это положение, пытаясь понять отношение между демократией и национализмом.

Принципиальным моментом в нашем анализе национализма и демократии является изначальное введение определенных разграничений. Во-первых, в то время как термин "демократия" зачастую считается взаимозаменяемым с термином "либеральная демократия", последний включает в себя две самостоятельные идеи. Либерализм и демократия это понятия, совместимость которых на сегодня не столь очевидна, как казалось еще недавно среднему западному гражданину. Между ними существует различие, и даже напряженность, которая заставляет их по-разному относиться к национализму.

Во-вторых, нельзя игнорировать важность различий между нарождающимися демократиями (которые обычно характерны для вновь образованных государств) и устоявшихся демократических режимов, существующих в государствах с долгими традициями непрерывавшейся суверенности. Национализм работает поразному в каждом из этих типов стран. Соединив два эти различия, можно сказать, что экзамен на зрелую демократию может считаться сданным только там, где удалось достичь правильного соотношения либеральных и демократических принципов, в то время как родовые потуги, характерные для рождающихся демократий, это лишь усилия к достижению подобного компромисса.

Третье различие, которое я считаю полезным здесь ввести, это различие между "доморощенными" и "импортированными" моделями либеральной демократии. Современная демократия впервые зародилась на северо-западе Европы и в Северной Америке. В дальнейшем демократическая модель распространилась по всему миру, и теперь, после поражения коммунизма в "холодной войне", похоже, воцарилась во всем мире. Но можно ли считать, что исторические предпосылки и механизмы, которые объясняют реальное зарождение демократии, сопоставимы с теми, которые привели к ее распространению? Можно ли говорить, что соотношение либеральных и демократических принципов было одним и тем же в "исконных" и "импортированных" демократиях? Играл ли в обоих случаях национализм одну и ту же роль? Ответ, на мой взгляд, однозначен – нет. Это так же полезно иметь в виду при ведении анализа.

И, наконец, необходимо помнить, что сейчас мы имеем дело с явлением беспрецедентным в истории: переход к либеральной демократии после коммунизма. Все предыдущие переходы происходили в более традиционных обществах. Предполагает ли это, что национализм сыграет в данной модели более принципиальную роль в демократических преобразованиях? Я полагаю, – да.

Логика демократии

Основой основ демократии является принцип народной власти, который предполагает, что правительство может быть легитимировано только через волю тех, кем оно правит. Этот принцип можно отличать от тех демократических процедур, которые разработаны как средство определения того, чего же на самом деле хочет народ. Основной из этих процедур, безусловно, являются выборы. Другой набор процедур помогает защитить демократию, ограничивая власть избранных правителей через разделение властей, ограничение перевыборов, специальных требований к внесениям поправок в конституцию и т.д.

Предполагается, что демократия – это высокорациональная модель. Ее связь с рационалистическими и философскими традициями легко прослеживается через понятие социального контракта. Социальный контракт предполагает, что общество состоит исключительно из свободных и умеющих считать индивидов, нацеленных на максимализацию собственных интересов. Демократия – это система правил, легитимированных волей народа: предполагается, что волеизъявление народа всегда будет четко соответствовать интересам этого народа.

Таким образом, все, что не является достаточно рациональным, будь то иррациональная философия или иррациональные человеческие чувства, обычно рассматривается как нечто противоречащее идее демократии. Национализм – это лишь один из примеров "иррационального" феномена, который, как полагают, противоречит завоеваниям демократии. Настаивая на том, что существует необходимая и позитивная связь между национализмом и демократией, я сознательно восстаю против этой общепринятой точки зрения.

Чтобы убедиться в том, что нерациональный феномен, такой как национализм, может быть жизненно важным элементом демократической системы, можно сравнить данную систему с игрой. Демократия, подобно игре, имеет свои правила, незыблемость которых полностью зависит от готовности определенного сообщества (будь то игроки или граждане) соблюдать их. Эта аналогия хорошо соотносится с обоими упомянутыми аспектами демократии: принципом народовластия и тем фактом, что власть народа может реально быть выражена только в пределах определенного набора правил (конституции и законов), созданных от имени этого народа.

Народовластие сводится к притязанию на то, что "Мы, народ..." собираемся играть только по тем правилам, которые мы сами для себя свободно выбрали. Эти правила (в отличие от правил игры) обычно предполагают наличие неких независимых моральных ценностей, которые в свою очередь могут основываться на определенных религиозных верованиях ("веруем во единого Господа"). Однако конкретная интерпретация этих абсолютных ценностей (или воли Господней) зависит от личности верующих – от "нас, народа". Таким образом, демократия принципиально отличается от политических систем (будь то традиционные или современные системы), в которых некая правящая элита трактует божественную волю (либо как ее эквивалент, марксистские "законы" исторического развития) и в соответствии с этой трактовкой правит обществом.

Если рассматривать демократию как игру, многие ее аспекты будут выглядеть абсолютно рационально. Но, продолжив аналогию, мы вскроем и иррациональный аспект демократической модели. Помимо правил, игра предполагает наличие команд игроков и игровой площадки. В играх все это сугубо условно и случайно. Но с демократией дело обстоит не так. Законы демократии (правила игры) могут быть продуктом консенсуса рациональных политиков, но состав и территория ("игроки" и "игровая площадка"), в рамках которых действуют эти законы, определить таким же способом невозможно.

Демократия, безусловно, имеет набор стандартных категорий для определения состава игроков и игровой площадки: гражданство и границы. Но критерии, определяющие, кто именно является гражданином, и где именно проходят границы, уже не удается вывести из каких-либо логических построений в рамках демократической модели. Успешное развитие демократии предполагает урегулирование этих вопросов, независимо от того, обладает ли демократическая модель какими-либо внутренними ресурсами для логичного и рационального их разрешения. Справедливо, что демократический принцип самоопределения и демократические процедуры голосования могут способствовать их разрешению, но сама логика демократии не дает никаких специфических критериев для влияния на электоральное поведение граждан либо для определения того, какие именно народы и территории должны быть включены в политику. Не позволяет она объяснить и того, почему данная группа граждан или данная территория должна – или наоборот, не должна – войти в состав (или выйти из состава) некой более крупной политической единицы.

Поскольку идеи демократии универсальны, логичным было бы распространить принцип власти народа повсеместно. Но это предполагает, что повсеместно должны пройти демократические преобразования, и что именно этих преобразований повсеместно желают народы. История показывает, что оба эти предположения не выдерживают проверки реальностью. Демократия всегда возникала в отдельных сообществах. Еще нигде не зафиксирован случай, когда свободные, не связанные друг с другом сознательные индивидуумы спонтанно сошлись бы вместе, чтобы заключить демократический социальный контракт на пустом месте. Нравится нам это или нет, национализм есть та историческая сила, которая позволила объединить политические организмы в демократические модели правления. "Нация" вот другое название понятия "мы, народ".

Создание наций

Традиционный европейский национализм пытался сформулировать объективные характеристики жизни наций, которые позволили бы любому сообществу людей высказать рациональное суждение по поводу своих прав на "самоопределение". К этим характеристикам относились язык, общие корни, историческая традиция государственности или чего-то соответствующего государственности. Все это должно было – как минимум предполагалось, что сможет – заложить рациональный фундамент в основу будущей демократической конструкции. Таким образом, должен был бы найтись всеобщий объективный критерий, позволяющий определить принципы "честного" распределения территории между народами. И если бы у кого-то возникли сомнения по поводу правомерности членства неких групп граждан в данной нации, эти критерии должны были предоставить однозначные справедливые стандарты для ответа на все спорные вопросы. Но реальная история национализма, не говоря уже о теоретических изысканиях, предложенных такими исследователями как Ганс Кон и Эрнст Геллнер (Hans Khon and Ernest Gellner) показали, что такие объективные и всеобщие критерии в реальной жизни недостижимы [5]. Развитие наций из предшествовавших им этнических сообществ всегда сопровождалось историческими катаклизмами и сознательными усилиями политиков. В мире просто нет национальных границ, данных от Бога, или предопределенных естественным развитием.

Если последнее суждение и подрывает претензии национализма на универсальный рациональный подход, оно тем не менее ничего не меняет в функции национализма как плавильного котла демократических (в смысле самоопределяющихся) политических сообществ. Критерии, по которым нации отличаются одна от другой, могут не быть универсальными, но политическое единство, необходимое для демократии, не может быть достигнуто без того, чтобы люди не определили себя сами как "нацию".

Не вполне рациональный характер националистических принципов может потрясать основы демократии и даже вести к кровопролитию. При отсутствии универсальных критериев принадлежности к нации возникают конфликты, урегулирование которых не всегда возможно на основе рациональных решений. Сложно найти какую-либо, пусть даже островную нацию, у которой не было бы территориальных споров с соседями. Типичным средством разрешения подобных конфликтов служит война. Многие нации вынужденно рассматривают этнические меньшинства как потенциальных предателей, а те в свою очередь видят в этнически более крупных сообществах потенциальных угнетателей. Существуют различные способы разрешения подобных проблем: радикальным, финальным решением служит геноцид или изгнание; взвешенным решением может служить ассимиляция, компромиссным решением – различные схемы коммунальной и региональной автономии в рамках федерального государства. Лишь крайне редко решение достигается без боли и насилия, что и объясняет стремление сторонников современных моделей демократии сознательно избежать националистических подходов. Однако желаемое и действительное – это не одно и то же.

Попытки отрицать реальное положение вещей и важность национализма зачастую проистекают из нежелания признать тот факт, что демократическая модель, которую представляют вершиной рационального развития, в действительности опирается на иррациональный фундамент. На ранних стадиях становления демократической модели особенно очевидно, что иррациональность политических дефиниций (определяющих, кто именно входит в понятие "мы, народ") является необходимым предварительным этапом рационального политического поведения. Непризнание этого факта для многих западных мыслителей не позволила последним понять, что же в действительности происходило в Советском Союзе (а вернее, с Советским Союзом) во время перестройки. Их предупреждения о том, что национализм окажется основным препятствием на пути демократических реформ, игнорировали тот непреложный факт, что все реальные демократические движения (кроме демократических движений в самой России) были одновременно и движениями националистическими.

Лидерам республик, ориентированных на независимость, задавали вопросы, чего именно они надеются достичь с помощью независимости для своей экономики, в то время как для этих лидеров независимость была конечной целью сама по себе, а не просто средством достижения экономического процветания. Взаимозависимость между демократией и национализмом проявилась еще и в другом.

Современные демократические режимы, как и современные нации, являют собой искусственные конструкции. Демократии, зародившиеся на более раннем этапе, были напрямую связаны с полисами, классическими городами-государствами. Эта демократия была личностной: модель действовала на малой территории, граждане знали друг друга в лицо и общались напрямую. Современные демократические модели вышли далеко за пределы этих интимных границ, что заставляет граждан развить в себе чувство сообщества, основанное не на их личных ощущениях, а, скорее, на оценках и представлениях [6]. Для большинства из них, то есть граждан, современные нации и демократии слишком велики, чтобы можно было обойтись без "домысливаемых" свойств.

Очерк Эжена Вебера "Превращение крестьян во французов" показывает, что во времена Французской революции (когда и возникла французская нация в современном смысле этого слова) очень немногие из сельских жителей во времена старого режима считали, что они являются французами также и потому, что многие из них даже не говорили по-французски [7]. Интеграция явилась плодом запланированных централизованных, иногда даже суровых политических мер. Поэтому сложившаяся французская нация получилась скорее "искусственной", чем "естественной". Эту книгу можно было бы назвать также "Превращение крестьян в граждан", что подчеркнуло бы парадокс, заключающийся в возникновении граждан ("жителей городов") из крестьян ("жителей сельской местности") без перемещения их в города. Таков парадокс, на котором базируется возможность существования современной демократии, ибо демократия, будучи прежде всего городским явлением, должна была распространиться по всей стране (в смысле, по всей сельской местности, где большинство людей жило на рассвете демократизации). Это могло быть осуществлено только путем сознательных политических мер, предпринимаемых либо централизованной государственной бюрократией, культурной элитой или иными органами. Фактически превращение крестьян во французов и граждан явилось единым процессом. Крестьян можно было превратить во французов, только превратив их в граждан, и наоборот: эти два момента могут быть разделены только теоретически, но не практически [8].

Таким образом, сам процесс построения демократии связан с формированием наций из прежде существовавшего этнического материала. Высказывание Эрнста Геллнера ("Национализм порождает нации") подразумевает также, что демократические преобразования (а не только индустриализация или капитализм) порождают нации [9]. Вот почему в зарождающихся демократиях движение за независимость и движение за демократию часто совпадают. И то и другое действует во имя "самоопределения": "Мы, народ" (то есть нация) будем решать нашу собственную судьбу; мы будем соблюдать только те правила, которые сами устанавливаем, и мы не позволим никому – будь то абсолютный монарх, узурпатор или иностранная держава – править нами без нашего согласия.

Этот аргумент имеет особенную силу в случае зарождающихся демократий, где необходим национализм для запуска механизма демократизации. Роль национальных чувств в сохранении процесса демократизации различна. Как только демократии ста-

НАЦИОНАЛИЗМ: ВЗГЛЯД ИЗ-ЗА РУБЕЖА

нут стабильными и надежными в своих границах, интенсивность и важность национальных чувств может постепенно снижаться. Можно спорить о том, происходит или нет нечто подобное в современной Западной Европе, но это отдельный вопрос.

Либерализм против национализма

Многие упреки национализма во имя демократии являются на самом деле упреками национализма во имя либерализма. Под либерализмом я имею в виду то учение, согласно которому свобода индивида является основной политической ценностью. Напротив – национализм отдает приоритет коллективным требованиям на основе расовой, культурной или какой-либо иной общинной идентичности. Либерализм отстаивает право личности выбирать, в то время как национализм выдвигает на первое место то, что не зависит от личного выбора.

Однако это противоречие означает нечто большее, чем предпочтение тех или иных ценностей. В основном либеральная критика национализма заключается в утверждении, что нация "нереальна" ("воображена", "создана", "выдумана" и так далее), в то время как отдельная человеческая личность вполне "реальна". С этим мнением тесно связано понятие о том, что индивид (носитель неотъемлемых прав) "рационален", в то время как нация "иррациональна". Нации считаются иррациональными и нереальными, потому что, как мы видели ранее, не существует общепринятых объективных критериев нации. Фукуяма дает следующее оправдание такой дифференциации: "Различие между человеческим и нечеловеческим вполне рационально: только человеческие существа свободны, то есть способны бороться за признание в битве за чистый престиж. Это различие основано на природе или, скорее, радикальном различии между царством природы и царством свободы. С другой стороны, различие между одной человеческой группой и другой – это случайный, произвольный побочный продукт человеческой истории [10]". Этот отрывок показывает сколь шаткими являются притязания либерализма на рациональную обоснованность. Различие между человеческим и нечеловеческим рациональны в том смысле, что оно очевидно и может быть описано в "естественных" терминах. Но фокус заключается в том, что притязания на всеобщее признание человека человеком (то, в чем я согласен с Фукуямой, и что является стержнем либерализма) не основаны просто на различии между человеческим и нечеловеческим царствами. Доктрина "личного достоинства" зиждется не просто на факте, что человек отличен, но на идее, что существует нечто, обладающее абсолютной ценностью в этом отличии. Однако эта ценность не является эмпирически очевидной или "естественной". Сам Фукуяма признает, следуя в этом за Гегелем, что притязания на всеобщее личное признание основано на христианстве, которое он именует "рабской идеологией" (в отличие от "идеологии хозяев", которая означало бы признание только хозяев) [11]. Именно христианство приписало своего рода трансцендентальную ценность исключительно человеческой душе. Однако, если христианство является просто "идеологией" (что означает, что оно по определению ложно), тогда всеобщее человеческое признание покоится на ложной предпосылке и таким образом не может быть названо "естественным" и "рациональным". Конечно, не обязательно быть верующим христианином, чтобы быть человеческой личностью с человеческим достоинством, но равным образом не обязательно заявлять, что мое требование признать ценность моей личной свободы основано на каких-то "рациональных" (в смысле, научно доказуемых) предпосылках.

Хотя либеральная демократия обязана, быть может, многими своими победами прогрессу научной рациональности, ни демократический ни либеральный принципы не основаны на рациональном фундаменте. И те и другие можно описать как "нерациональные" или "предрациональные" (но не обязательно "иррациональные", так как это слово обычно подразумевает враждебность рациональности). Предпочтение ценностей в этом случае (как я думаю, и во всех других случаях) должно быть в конечном итоге основано на вере (во многом сходной с христианской верой), а не на рациональном знании.

Верно, что современное инструменталистское учение о случайном характере наций взорвало националистический миф о нации, как неисторическом единстве, непосредственно коренящемся в каком-то трансцендентальном или естественном порядке. Однако ни то, ни другое не делает нацию "нереальной" для обычного человека, рожденного в конкретном обществе, в конкретной культуре или в конкретном государстве, и стоящего перед лицом конкретного выбора в социальном и политическом, также как в духовном и экзистенциальном планах. Нация должна быть "рациональной", чтобы быть "реальной"

Нации и личность

До сих пор мы не сказали ничего, что противоречило бы традиционному представлению о том, что либерализм и национализм – это два взаимоисключающих принципа, между которыми человек должен выбирать. Но давайте зададим себе другой вопрос: а не существует ли между ними какого-либо позитивного связующего звена, типа безусловно существующей позитивной связи между понятиями "нация" и "человеческая личность"?

Не вызывает вопросов утверждение о том, что оба эти понятия связаны с периодом новейшей истории. Отношения между ними не могут регулироваться только "объективными" механизмами модернизации. На самом деле связь между ними восходит к современной парадигме политической мысли, из которой развилась либеральная идеология.

В основе этой парадигмы лежит концепция автономии человеческой личности. Будучи носителем уникальной и трансцендентальной ценности (пользуясь терминологией Канта, это всегда цель и никогда не средство), человеческая личность всегда хочет следовать тем правилам, которые возникли как результат ее свободного волеизъявления (самоопределения). Идея эта, несмотря на все современные ее толкования, по сути своей восходит к христианской традиции. В принципе для отдельной личности возможно признать наличие абсолютного божественного порядка, даже оставаясь на точке зрения, в соответствии с которой интерпретация этого порядка и проведение в жизнь его основных предписаний в конечном итоге есть дело разума и морального выбора отдельного человека, а не сообщества людей или какой-то структуры [12].

Понятие "нация" также напрямую связано с понятием "человеческая личность", и это положение составляет основу различий между современным сознательным национализмом и этнической ориентированностью предыдущих эпох. Сущность этнической ориентированности сводится к тому, что понятие "семья" распространяется до макросоциального уровня. Сообщество людей рассматривается как большая семья, происходящая от общих предков. Однако, когда нация начинает создавать представление о себе, она видит себя не семьей, но единой личностью с отчетливо выраженным характером.

Существуют два аспекта выражения национального самосознания через отдельную человеческую личность. Во-первых, нация рассматривается как сообщество людей, организованных вокруг идеи о самоопределении. Современная нация как современный сознательный индивидуум (и в отличие от древнего этноса) признает только те законы, которые она сама для себя выбрала, и отвергает законы, навязанные внешними силами. Во-вторых, нация так же, как и индивидуум, предполагает, что существуют определенные законы взаимодействия и взаимного признания прав. Нациям нужны другие нации. Нация может осознать и признать себя только в контексте истории человечества в целом – подобная мысль казалась немыслимой даже для самых передовых этнических сознаний (как, например, у древних греков). Идея принадлежности к нации как форма членства в человечестве и идея о том, что человечество – это "семья наций" в течение долгого время была краеугольным камнем либерального национализма.

Концептуальная связь между понятиями нация и личность – это важное положение нашей теории. Нация требует самоопределения не как исключительной привилегии, но как средства реализации общего положения о том, что каждой нации необходимо собственное государство. Я не понимаю, почему Фукуяма считает, что национализм по определению "мегалотимен" (то есть требует признания больших прав одних по сравнению с другими), в то время как либеральный индивидуализм он определяет как "изотимный" (то есть требующий равного признания прав для всех). Национализм в его истинном смысле не требует, как это утверждает Фукуяма, "признать права только членов данной нации или этнической группы" [13]. Подобное отношение скорее следует охарактеризовать термином "расизм" или "шовинизм". Национализм не требует признания и индивидуальных прав только членов данной национальной и этнической группы. На самом деле требуется лишь признание нации как единого целого, то есть набора черт, характеризующих нацию как таковую: законный статус независимого государства (сравнимый со статусом гражданина, если перенести это на индивидуальный уровень) и равноправное членство в "единой семье народов". То есть базовые идеи национализма как минимум не менее "изотимны", чем индивидуализма, хотя нации, как и отдельные личности, могут стать "мегалотимными".

Другим знаком связи между либерализмом и национализмом может служить то, что оба они часто подвергаются критике за одно и то же: это средство разделения. Индивидуализм, рассматривающий личности как атомы единого вещества, ассоциируется с либерализмом, который разделяет сообщества, в то время как национализм разделяет человечество. Эти обвинения в известном смысле справедливы, но если посмотреть на реальные исторические факты, то мы увидим, что либерализм и национализм оказались самыми эффективными объединительными силами современной истории, что явно недооценивалось теоретиками этой проблемы.

Либеральный индивидуализм на эмоциональном уровне – идеология разделяющая. Но только либеральным обществам удалось достигнуть стабильного гражданского мира, в то время как "теплые" идеологии человеческого общежития в конечном итоге приводили к рекам крови. Все попытки объединить мир на основе универсальных доктрин, таких, например, как христианство (здесь я рассматриваю христианство как политическую силу), или коммунизм, привели только к росту межнациональной вражды. И хотя моря крови были пролиты во имя соблюдения "национальных интересов", единственной организацией, включающей в себя все нации мира, стала Организация Объединенных Наций (а не мировая Церковь или Коммунистический Интернационал), и эта организация основана на принципах изотимического национализма ("уважение к национальной независимости", "нерушимость национальных границ" и т.д.). На сегодняшний день основные принципы национализма получили более широкое распространение в мире, чем принципы либерализма или любой другой идеологии [14]. Западная Европа, та часть света, где национализм зародился и развился, далеко обошла все другие части света в разработке новых схем международных объединений. Европа достигла самого высокого уровня объединения национальных государств не через отрицание национализма, как многие утверждают, но, напротив, всячески способствуя укреплению изотимических составляющих данной идеологии. Движение от мегалотимии к изотимии возможно не только на индивидуальном, но и на национальном уровне.

Либеральная дилемма

Хотя большинство либералов со времен Второй мировой войны клеймят национализм как варварский атавизм, отношение классических либералов XIX века к нему было более сложным. На теоретическом уровне либеральная идеология исключает какое-либо признание принципов национализма, так как для истинного либерала человеческая личность сама по себе является определяющей единицей любого анализа. Однако, отношение либералов к национализму уравновешивается их отношением к государству.

Государство как таковое неизбежно предполагает некое подавление и высшую власть над личностью, а это либералам, естественно, не нравится. Они рассматривают государство как неизбежное зло, приемлемое лишь постольку, поскольку отсутствие такового грозит индивидуумам еще большими бедствиями. Либералы готовы примириться с государством, так как государство – это единственная сила, способная предотвратить войну всех против всех и обеспечить соблюдение индивидуальных прав граждан. Но здесь встает вопрос, о каком государстве идет речь. Сегодня кажется очевидным, что либералы должны отдавать предпочтение демократическим государствам. Но отнюдь не все либералы однозначно встают на эту точку зрения. Почему бы, например, не предпочесть старую форму достойной просвещенной монархии? В конце концов, социальную базу либерализма всегда составляли элиты аристократов (если не наследственных аристократов, то хотя бы аристократов совести и духа). Либералы всегда боялись демоса как силы, несущей угрозу свободе [15]. Тирания большинства – а большинство всегда есть большинство посредственности – это страшная угроза демократии. Но, в конце концов, либералы возненавидели тиранию крови над душой и своеволие династических правителей еще больше и поэтому восприняли демократию. При этом им пришлось уважать и даже в некоторой степени следовать за общей волей. Однако, как мы видели, эта воля не могла не стать более или менее националистической.

Заключенная здесь дилемма получила яркое выражение в работах великих либеральных философов XIX века, таких, как Джон Стюарт Милль и лорд Актон. Милль не был эмоциональным националистом, он был скорее твердым сторонником демократического либерализма и утверждал, что "действия свободных государственных институтов почти невозможны в стране, состоящей из различных наций... Необходимым условием свободной деятельности этих институтов является совпадение границ распространения власти правительств с границами расселения данных наций" [16]. Таким образом, прославляя демократию, Милль обнаружил, что у него нет другого выхода, кроме как восславить и национализм.

С другой стороны, лорд Актон был безусловным противником национальных принципов, которые казались ему несовместимыми с принципом личной свободы. В отличие от Милля, он считал, что "комбинация различных наций в одном государстве – это необходимое условие цивилизованного образа жизни, равно как и наличие в обществе мужчин и женщин" [17]. Этот постулат логически привел его к принятию расизма и имперского правления [18]. Он также вплотную подошел к полному отрицанию демократии. И, в конце концов, он пришел к отрицанию принципов равенства людей, провозглашенных Жан-Жаком Руссо, не в меньшей степени, чем принципов коммуниз-

ма и национализма [19]. Но, опровергая все теории и разработки либеральных аристократов, подобных лорду Актону, сами народы, когда наступает их очередь создавать свои демократии, начинают с создания независимых национальных государств, которые в конечном итоге могут занять гораздо более жесткую позицию по отношению к личным свободам их граждан, чем занимали предыдущие свергнутые режимы.

Сегодня народ, превращенный в средний класс, по-видимому, не представляет большой угрозы. Но и сегодня либералы как никогда решительно отвергают национализм. Почему?

Этому, безусловно, есть несколько причин. Свое влияние оказал, безусловно, тот факт, что националистический экстремизм дважды в течение этого века сыграл свою страшную роль в ходе двух мировых войн. Процесс деколонизации, начавшийся после второй мировой войны, перенес проблему "национального самоопределения" главным образом в сферу стран третьего мира, тем самым, усилив тенденцию к отождествлению проблем национализма с "отсталостью".

Я думаю, что здесь присутствует и старая боязнь либералов народа. Но сейчас отпала возможность противопоставить идею просвещенного абсолютизма, так как либерал не может позволить себе роскоши быть открыто антидемократичным. И его боязнь народа приобретает более респектабельные формы отрицания народного национализма. Когда возникает вероятность зарождения на руинах советского коммунизма серии режимов, подобных старому, западные либералы отдают предпочтение неизбранному просвещенному монарху Михаилу Горбачеву перед всенародно избранным, но грубоватым Борисом Ельциным (лидером столь же непредсказуемым, как и народ, приведший его к власти), не говоря уже о демократических законно избранных национальных лидерах других республик.

Две стороны национализма

Несмотря на то, что мы говорили до сих пор о наличии теоретической связи национализма с демократией и либерализмом, невозможно отрицать, что национализм на практике противоречит принципам либерализма, а иногда и демократии.

Национализм – это медаль, имеющая две стороны: одна политическая, другая – этническая. До сих пор делались попытки представить это как два разных национализма, то есть национализм "хороший" и национализм "плохой" [20]. Но это лишь идеальные модели. На самом деле национализм всегда и политический, и этнический, хотя на разных стадиях та или иная его сторона может оказаться решающей. Идея принадлежности к единой нации – это всегда политическая идея, таким образом, невозможен национализм без политического элемента. Но суть этого понятия очевидно этническая. Я описал бы это через следующую метафору: политический компонент – это душа, оживляющая этническое тело.

Нельзя полностью отрицать антилиберальной сущности этнической ориентации, но если обращаться с ней умело, то отрицательные последствия можно приглушить. Гордость этноса общими предками, славной историей, великими традициями, общим языком, великой культурой и т.д. может быть сублимирована в патриотическое уважение к государственным институтам и достижениям демократической власти (а не власти чисто этнической). Соединенные Штаты предлагают нам модель подобной сублимации: национальная гордость была сфокусирована на "американском образе жизни", "свободных и стабильных органах государственной власти в стране" и роли страны как "лидера свободного мира". Патриотическое восхваление подобных вещей соответствует национальным чувствам либералов-индивидуалистов и не несет в себе угрозы этническим меньшинствам. Напротив, традиция терпимости и уважения к национальным меньшинствам может также стать предметом национальной гордости, как это случилось с американцами или гражданами других стран с глубокими и долгими традициями демократии. Невозможность направить в нужное русло всплески этнического национализма приводят к шовинизму, расизму или даже фашизму.

Однако эти проявления страшной стороны национализма проистекают не из завышенной этнической самооценки, но скорее из отсутствия выхода национальных чувств на политическом уровне. Когда у народа нет реального механизма для выражения гордости своей политической системой или государственным устройством, он начинает вместо этого гордиться своей наследственной принадлежностью к определенной расе, гордиться своим языком или культурной идентичностью.

Эти рассуждения подводят нас вплотную к выводу о различиях между национализмом "автохтонным" (почвенным) и национализмом "импортированным". Демократические институты, как мы уже видели, требуют определенных условий для переплавки исходной политики: национализм создает для этого все условия. В демократиях Западной Европы и Северной Америки, то есть "автохтонных" демократиях, институты свободного народного правления вырастали постепенно в течение нескольких веков, распространяя свое влияние на культуру, общество, политическую мысль и экономику. Либеральные идеи и соответствующие им социоэкономические и культурные институты на шаг опережали политическую демократию, которая рассматривалась скорее как средство ограничения власти, чем как самоцель. Принадлежность к единому этносу не играла здесь взрывоопасной роли, а скорее укрепляла традиционные моральные и культурные ценности, на которых зиждился новый демократический порядок.

Должны ли и все прочие нации идти по этому пути, чтобы прийти к стабильной демократии? Существует ли в принципе некая общая демократическая схема перехода к новому режиму, которой должны были бы следовать различные страны? Ф.Фукуяма считает, что подобная схема существует, и описывает ее следующим образом: *индустриальный прогресс*, основанный на научно обоснованной рациональности, и капиталистическая экономика "подводят нас к воротам земли обетованной либеральной демократии, но еще не обеспечивают вход в эти ворота". Для того, чтобы сделать последний шаг, человечество должно "предпринять усилия в сфере, лежащей вне экономики, то есть бороться за признание прав".

Другими словами, речь здесь идет об обеспечении чувства человеческого достоинства [21]. Экономического благосостояния можно достичь и без соблюдения равных прав всех граждан. Но, достигнув благосостояния, рано или поздно граждане будут стремиться к обеспечению собственных прав и используют все имеющиеся у них ресурсы (богатство, образование и т.д.), чтобы добиться осуществления демократических реформ. Таким образом, определенные социоэкономические условия (а сюда относится и "мощное чувство национального единства") обеспечивают рывок страны к демократии, но лишь стремление обеспечить равные права граждан завершает процесс [22].

В целом схема Фукуямы достаточно точна. Индустриальное развитие и свободное предпринимательство – это необходимые условия создания стабильных и сбалансированных демократий. Но вряд ли все страны должны ждать, пока они "дозреют" до демократии, прежде чем сделать последний шаг. Случаи, подобные ситуациям в Восточной Азии и Чили, где социоэкономические условия, необходимые для демократии, были обеспечены прежде, чем авторитарные режимы были сметены, малотипичны. Скорее, наоборот, в большинстве случаев демократия распространялась иррациональным способом – как приходят в провинцию последние моды из Парижа. Установившись в отдельных странах, она постепенно начинала становиться более и более привлекательной для других народов (а почему в одних странах процесс шел быстро, а в других медленно, это уже другой вопрос).

Роль национализма была двойственной и в распространении демократии, как двойственна в принципе и сама природа национализма, включающая в себя политические и этнические элементы. То, что Фукуяма называет "духовной гордостью", особенно в своем изотимическом аспекте, действительно обеспечивает конечный рывок к либеральной демократии, но восходит к чувству национального и личного достоинства. Способность нации создать систему либерально-демократических политических институтов определяет меру ее политической зрелости, а провал подобной попытки – это национальный позор. Только независимые государства со стабильными либерально-демократическими системами правления достойны на равных вступить в престижный клуб прогрессивных современных наций. В противном случае страна может, самое большое, внушать страх, как это было с бывшим Советским Союзом, но никто не будет относиться к ней с истинным уважением.

Однако чувство национального унижения не воспринимается однозначно всеми слоями общества. Только космополитические элиты, проникнутые либеральными идеями "нормального" "цивилизованного" порядка, воспринимают это со всей остротой. Но с развитием международных средств массовой информации даже широкие массы населения начинают чувствовать унижение "политической отсталости". И именно чувство национального – а не только индивидуального – достоинства направило многих русских на баррикады, чтобы защитить власть от попытки переворота в августе 1991 года.

В странах, куда демократия была "импортирована", отсутствие благоприятных социальных, экономических, духовных и культурных условий ее развития приводит к сохранению глубокой пропасти между либеральными элитами и широкими массами населения. Либеральные элиты обычно слишком малы и слабы, чтобы провести преобразования в стране. При этом обычно отсутствует сильный средний класс, который мог бы быть их союзником. Тем не менее, в соответствии с некой схемой, преобразования проводятся от имени народа, ибо предполагается, что таким образом последний может быть вовлечен в политическую активность. Однако зарубежные доктрины классического либерализма оказываются малоподходящими для мобилизации масс на политические действия. Ускоренная политизация населения требует более приемлемой идеологии, напрямую отвечающей представлениям граждан.

Для решения этой задачи подходят два ответвления западного либерализма: социализм и национализм. Каждая из этих идеологий борется за утверждение своего влияния в одной и той же среде. Кроме того, было много попыток слить воедино эти две идеологические народные религии, одна из которых обращается к своей пастве как к классу, а другая как к нации.

Другими словами, в отсталых странах популистские и антииндивидуалистические теории как социализма, так и этнического национализма, стремятся занять пространство, свободное от влияния политической культуры Запада, для которой характерна ведущая роль гражданского общества, массовая грамотность, традиции толерантности и стабильная юридическая система. В отсутствие этих условий, на базе социалистической идеи справедливости легко может разрастись чувство зависти, а национализм вырождается в доктрину "крови и почвы".

Описанные выше внутренние сложности и противоречия националистической политики, можно смело прогнозировать, сулят ее сторонникам целую серию последовательных политических провалов, что в свою очередь поднимет невиданные волны фрустрации, которые унесут националистическую идею далеко от берегов либерализма и изотемии в бездны шовинизма и расизма. Причем это не будет результатом недомыслия, интеллектуальной ошибки или сознательной провокации, но неизбежным элементом общей схемы переходного периода. И крайний национализм, и принудительный социализм всегда были, в конечном итоге, средствами достижения модернизации в кратчайшие сроки (пускай даже и превратно понимаемой модернизации).

Национализм после коммунизма

Раньше переход к демократии предполагал отход (хотя и не тотальный отрыв) от традиционного общества. По мере перехода к демократической системе от каких-то традиций отказывались, какие-то сохранялись, и так зарождалось новейшее общество [23]. Тем самым обеспечивалась историческая преемственность общества, а все развитие рассматривалось как движение вперед к тому, что сейчас пытаются назвать "концом истории". Однако многие из текущих демократических преобразований сегодня – это переход от коммунизма, а коммунизм не имеет ничего общего с традиционным обществом. Хотя коммунизм когда-то и был объявлен венцом исторического развития, сегодня его рассматривают скорее как исторический тупик [24]. Распад коммунизма предполагает не движение вперед к венцу исторического развития, но скорее отход назад, на нормальную историческую дорогу после долгой летаргии. Просыпаясь от этой летаргии, народы посткоммунистических стран часто считают, что при коммунизме не было создано ничего полезного или достойного сохранения для новой "цивилизованной" жизни. Коммунизм настолько глубоко проник во все сферы человеческой жизни, что отношение подавляющего большинства населения к развитию страны после распада этой системы может быть сформулировано как начало с нуля и необходимость строить на пустом месте.

Поэтому сценарий Фукуямы оказывается совершенно неприменим к реалиям посткоммунистического мира. Конечно же, нельзя понимать буквально утверждения о том, что в будущую либеральную эпоху нельзя брать с собой ничего зародившегося при коммунизме. Многие задачи модернизации при коммунизме были решены: общество было урбанизировано, была обеспечена всеобщая грамотность населения, построены железные дороги и автомобильные трассы и т.д. От всего этого нельзя отказываться. Урбанизация и достижение всеобщей грамотности при коммунизме во многом облегчило переход к новой демократической системе на посткоммунистическом этапе. Однако, среди главных социоэкономических условий перехода к свободному обществу на первом месте стоит все же не урбанизация и не обеспечение всеобщей грамотности, но частная собственность. Экономическая система, основанная на принципе частной собственности, является непременным условием, позволяющим гражданам обеспечить здоровое соотношение между свободой и ответственностью – то соотношение, которое и определяет демократию, и которое никогда нельзя заменить одними теоретическими выкладками. Образованные городские элиты могут быть движущей силой демократических преобразований, но они должны опираться на массы.

Посткоммунистические нации хотят начать свою жизнь с того исторического момента, на котором она была прервана установлением коммунистических режимов. Таким образом, по всей Восточной Европе и территории бывшего Советского Союза неизбежно возникают попытки реставрации прежних государств на основе исторической памяти. С другой стороны, эти нации уже больше не отрезаны от всего мира "железным занавесом". И попытка отказаться от коммунизма неизбежно приводит

к стремлению воссоединиться с внешним миром, с миром, который сильно изменился после 1918 или 1945 года. Неудивительно, что стремление восстановить исходные контуры своей государственной идентичности, с одной стороны, и стремление воссоединиться с внешним миром, с другой, неизбежно ведет к конфликту, так как образ "того государства", который пытаются восстановить, относится к прошлому, а "мир", с которым пытаются воссоединиться, живет в настоящем. Это приводит к тяжелому кризису коллективной самоидентификации и аберрации посткоммунистических наций, а также создает многочисленные проблемы для мирового сообщества в целом. Посткоммунистические страны делают отчаянные попытки догнать историю, но приходят к выводу, что ход истории уже остановился.

Тоталитаризм, в течение нескольких десятилетий подавлявший всякую нормальную деятельность гражданского общества, оставил после себя толпы людей-роботов, отчаянно пытающихся найти для себя какой-то общий принцип, на котором можно строить новую совместную жизнь. В этих условиях национализм становится основным – если не единственным – принципом, способным свести людей в единое общество. Но поскольку национальная политическая традиция была прервана, самым сильным ее элементом становится этнический. Это не означает, что в обществе не существует других социальных или идеологических сил: есть религия, есть прозападные либеральные элиты.

Однако любая политическая сила либо несет на себе метку национализма, либо самоопределяется по отношению к нему. То, что называется "культурным возрождением", является скорее национальным возрождением, чем культурным в истинном смысле этого слова. Религиозное возрождение следует скорее назвать национально-религиозным возрождением: до сих пор оно было призвано главным образом способствовать "объединению нации" и противостоять атеистическому коммунистическому мировоззрению, а не нести мир и спасение людским душам. Все призывы к либерально-демократическим ценностям имеют результат лишь до тех пор, пока эти ценности совпадают с контурами "наших политических традиций", "нашей национальной идентификации". Таковыми воспринимаются сейчас ценности западной, европейской или христианской культуры. Сами по себе либеральные идеи не имеют практически никакого влияния на политические процессы.

Национализм, таким образом, становится одновременно и деструктивным (для коммунизма), и конструктивным (для возвращения в единую семью народов) – он несет в себе одновременно и угрозу для либеральной демократии, и основной источник надежды для нее. Быть националистом в посткоммунистических странах Восточной Европы означает все, что угодно, националист может быть как либералом, так и фашистом. Те, кто говорят, что отвергают национализм, по сути, могут иметь в виду лишь внутреннее несогласие с этническим шовинизмом. Многие из таких антинационалистов являются ярыми сторонниками независимости собственных стран. Однажды один из британских активистов Либерального Интернационала пожаловался мне на то, что либеральные партии Восточной Европы оказались слишком "правыми" и националистическими. Но я не думаю, что восточноевропейские либералы непременно менее либеральны, чем их западные коллеги. Отличает же их от западных коллег лишь неизбежная ориентация на национализм в посткоммунистической политической жизни, сколь бы это ни казалось старомодным для современных западных мыслителей.

Русские и другие

Здесь нужно отметить и еще один аспект: существует четкое различие между русскими и другими бывшими членами "социалистического лагеря". Коммунизм впервые установился в России, коммунизм распространился на республики бывшего Советского Союза, а затем и на страны Восточной и Центральной Европы в результате военных побед Советской России. В нерусских регионах коммунизм рассматривался не только как политическая, но и как национально враждебная сила – система, навязанная агрессором извне. Поэтому победа над этой идеологией означала победу над оккупантами. Это, конечно, выдача желаемого за действительное – хотя социализм и был принесен этим народам на штыках Красной армии, он так глубоко проник во все слои общества, что одного революционного порыва явно недостаточно для его искоренения – для решения этой задачи потребуется много десятилетий. Нельзя, однако, отрицать, что национализм явился ведущей силой в борьбе против коммунизма, но если видеть источник зла только во внешней силе, можно проглядеть глубокие проблемы, оставленные нашим обществам после падения коммунизма. И тут возникает соблазн возложить вину за все беды тоталитаризма на некую общественную группу, неких "предателей", в результате чего начинается охота на ведьм, всеобщая истерия подозрительности и т.д.

Что касается России, то там национальный компонент посткоммунистической идеологии оказывается еще более сложным. Традиционно Российское государство было имперским; в советский период эта традиция слилась с ролью России как лидера коммунистического мира. Распространение коммунизма и распространение российского влияния были практически синонимичны (лишь в последнее время некоторые государства начали выходить из-под российского влияния). Благодаря коммунизму Россия достигла пика своего влияния и мощи. Российская имперская националистическая традиция совпала с коммунистическими принципами, поэтому в России посткоммунистический кризис идентичности оказался особенно болезненным. Российский этнокультурный национализм был открыто антизападным и, следовательно, антилиберальным. Хотя экстремистские националисты видят в коммунизме еврейскую заразу, привнесенную в страну для уничтожения русского народа, это не мешает им заключать союз с самыми твердолобыми сталинистами. Что касается прозападных демократов, они до сих пор не смогли выработать какой-либо жизненной теории будущей российской государственности. Их политическая риторика колеблется между самоуничижением, относящим Россию к "стране рабов", и похвальбой о возрождении национальной гордости, быстро принимающей империалистические и авторитарные формы. Малые народы рассматривают даже сегодняшнюю Российскую Федерацию как империю, отсюда стремление автономных республик к независимости. Правительство более и более тяготеет ко взгляду на Россию как на "единое и неделимое государство", включающее в себя все территории в пределах сегодняшних границ Российской Федерации, и время от времени не может удержаться от территориальных притязаний к Украине и другим республикам. На сегодня все еще не выработан не имперский подход ко взгляду на российскую государственность.

Интерес посткоммунистических режимов к национальным вопросам несет в себе реальную угрозу. Дело здесь не в национализме – демоне, которого нужно обуздать, как нечто самостоятельное силе, – но скорее в общей слабости демократии в посткоммунистических странах. Переходный период требует сильной исполнительной власти, а это вызывает справедливые опасения возможности установления авторитарных режимов (лишь немногим посткоммунистическим лидерам удалось избежать обвинений в диктаторском стиле правления). Но отсутствие сильной руки на пульте управления может привести к анархии и распаду, что в свою очередь может заставить ужесточить репрессии в дальнейшем. Поскольку национализм как идеология сегодня работает лучше всего, вполне естественно, что авторитарные тенденции имеют националистическую окраску. Почти во всех посткоммунистических странах, где четко прослеживаются этнические меньшинства, возникают болезненные проблемы конфликта между нестабильным и не уверенным в себе большинством, и еще менее стабильным и уверенным меньшинством. Почти во всех этих странах правительства – по западным стандартам – виновны в ведении *политики, мало напоминающей либеральную по от*ношению к меньшинствам. И я не вижу на ближайшее время реального решения этнических проблем для этих стран.

Из всего этого возникает вполне реальная угроза возникновения на территории посткоммунистических стран целого ряда очагов войн, что в конечном итоге воспроизведет картину Европы между 1914 и 1945 годами (то есть того периода, к которому эмоционально хотят вернуться сегодня все посткоммунистические страны). Единственным противовесом этой угрозе на сегодня служит наличие западного мира, живущего в более стабильную историческую эпоху.

Я настаиваю на термине "наличие", так как не слишком верю в реальное прямое вмешательство Запада (посреднические функции, экономические санкции и т.д.) в разрешение конфликтов на территории посткоммунистического мира. В любом случае подобные меры, как показал опыт, имеют очень слабый эффект, хотя в ряде случаев даже их оказывается достаточно для оправдания вмешательства Запада. Лучшим противовесом национализму, обращенному мысленно в прошлое и живущему старыми представлениями, иллюзиями и амбициями, может служить альтернативный вариант сублимации национальных чувств, при котором предметом национальной гордости является членство в клубе цивилизованных государств в роли равноправного и уважаемого партнера. Чувство изолированности от сообщества наций может оказаться гораздо болезненней любой конкретной санкции. Цивилизованный мир обеспечивает адекватную (хотя и не безупречную) модель не только процветающей рыночной экономики, но и образ политического режима, разработавшего реальный дееспособный баланс сил демократии, либерализма и национализма. Сила этого примера как модели для посткоммунистических государств не может быть переоценена.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Francis Fukuyama. "The End of History?" // The National Interest 16 (Summer 1989), c.3-18.
2. Он же: The End of History and the Last Man. (New York: Free Press, 1992).
3. Там же. Примеры колеблющегося отношения Фукуямы к национализму смотри на стр.37, 215, 272. Он дает фактически 3 существенно отличных высказывания: 1) национализм противоречит либеральной демократии; 2) национализм не противоречит демократии; 3) демократия нуждается в национализме.
4. Sholomo Aviner. "The Return to History: The Breakup of the Soviet Union." // Brookings Review 10 (Spring 1992), c.30-33.
5. Ernest Gellner. Nations and Nationalism (Ithaca: Cornell University Press, 1983). Hans Kohn. The Idea of Nationalism: A Study in Its Origin and Background (New York: Macmillan, 1944).
6. Benedict Anderson. Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism (London: Verso Press, 1983).
7. Eugen J. Weber. Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870-1914 (Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1976).
8. Эрик Хобсбом (Eric Hobsbawm), который ни в коей мере не склонен подчеркивать положительные отношения между демократией и национализмом, также находит, что "самый акт политики демократизации, то есть превращения субъектов в граждан, имеет тенденцию производить популистское сознание, которое в некотором отношении трудно отличить от национального и даже шовинистского патриотизма..." Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth Reality (Cambridge: Cambridge University Press, 1990), c.88.
9. Gellner, op. cit., c.55.
10. Fukuyama, op. cit., c.201.
11. Ibid., c.196-98.
12. Некоторые аспекты этого отношения представлены в моем очерке "Humanism and Freedom," in Paul Peachey, John Kromkowski, George F. McLean, eds., The Place of the Person in Social Life (Washington, D.C.: Council for Research in Values and Philisiphy, 1991), c.33-43.
13. Fukuyama, op. cit., c.266.
14. "Национализм не только скрепляет историю XIX и XX столетий, показывая, что *она является частью продолжающегося кризиса*. Он также соединил историю Азии, Африки и островов Тихого океана с европейской историей, сделав их частью всемирной истории". E.Kamenka, "Political Nationalism: The Evolution of the Idea," in E.Kamenka and J.Plamenatz, eds., Nationalism: The Nature and Evolution of the Idea (London: Edward Arnold, 1973), c.3.
15. Например, "отцы-основатели [американской демократии] думали, что свободе, которой они более всего были озабочены, угрожает демократия". Richard Hofstadter, The American Political Tradition (New York: Vintage Books, 1954), c.10.
16. John Stuart Mill, Considerations on Representative Government (New York: Liberal Arts Press, 1958 [1861]), c.230, 232-33.
17. Lord Acton, Essays on Freedom and Power (Boston: Beacon Press, 1948), c.186.
18. "Мы должны сделать вывод, что те государства в основном являются самыми совершенными, которые, наподобие Британской или Австрийской империй, включали различные национальности без их угнетения". Там же, c.193. "Низшие расы возвышаются путем жизни в политическом союзе с расами интеллектуально высшими". Там же, c.186.
19. Там же, c.168.
20. Лорд Актон (Lord Acton) проводил различие между плохим (французской) и хорошим (британской) пониманием национальности: в первом случае государство соответствует национальности; во втором – национальность происходит от государства. (Там же, c.183-84, 187.) Энтони Д.Смит (*Anthony D.Smith) различает "территориальные" и "этнические" нации*, что соответствует различию между политическим и этническим национализмом. The Ethnic Origins of Nations (Oxford: Basil Blackwell, 1986), c.134-38.
21. Fukuyama, op. cit., c.134-35.
22. Там же, c.216.
23. "Либеральные демократии... не являются самодостаточными: жизнь в общине, от которой они зависят, вероятно, происходит в конечном итоге из источника, отличного от самого либерализма". "Стабильная демократия требует иногда иррациональной демократической культуры и спонтанного гражданского общества, вырастающего из предлиберальных традиций". Там же, c.334-35.
24. Avineri, op. cit., c.30.

НАЦИОНАЛИЗМ: ВЗГЛЯД ИЗ-ЗА РУБЕЖА

Адам МИХНИК,
главный редактор "Gazety Wyborchej"

НАЦИОНАЛИЗМ: ЧУДОВИЩЕ ПРОСЫПАЕТСЯ

Недавно я принимал участие в региональном заседании ПЕНклуба, которое проходило в словенском городе Блед. После того, как я был свидетелем и участником происходивших там дискуссий, моя тревога за будущее стран Восточной Европы значительно возросла.

В Словении встретились писателей из Чехословакии и Венгрии, Хорватии и Косова. Только из Сербии не было ни одного человека. Это означает, что утеряна возможность диалога между сербскими интеллектуалами и их коллегами из Хорватии, Словении или Косова. Национальные страсти оказались сильнее, чем потребность в совместной борьбе за демократию, чем желание обсудить общие проблемы с коллегами по перу.

Никто не знает, что станет в ближайшем будущем с Югославией. Все мои югославские знакомые в один голос утверждают, что нет больше никакого смысла в насильственном сохранении федерации.

Я уже говорил, что никакого диалога между сербами и другими народами федерации не существует. Но у меня была возможность выслушать монологи моих сербских и хорватских друзей. Не мне решать, кто из них прав, кто виноват. Только в одном я уверен: Балканы вступают в период политической нестабильности, которая дорого обойдется всем народам Югославии. Я думаю, что ни одна из республик федерации ничего не выиграет в результате эскалации межнациональных распрей в регионе. Да и всей Европе придется дорого заплатить за это.

К тому же национальные конфликты внутри Югославской федерации - это только часть спектра подобных проблем внутри Восточной Европы. Один из моих сербских собеседников, чрезвычайно напуганный ростом шовинизма, напомнил мне мысль Ф. Грильпарцера о том, что победа национализма над гуманизмом открывает тиранам путь к власти. Это предостережение остается актуальным для каждого из наших народов, для любой из наших стран.

В наших странах – странах Восточной Европы – действительно происходит революция. Каждая из революций в своем развитии проходит определенные фазы. За общей борьбой против прежних структур власти неизбежно следует борьба за власть в лагере победителей.

В начальный период революции оппозицию объединяет единая идеология, которая сводится к лозунгу: "Свобода вместо диктатуры". Когда человек стремится к свободе для себя, для своего народа или для своего движения, его вполне устраивают лозунги всеобщей свободы, терпимости к инакомыслящим, гарантии прав меньшинства. Только позднее внутри оппозиции возникает дискуссия: начинается оформление различных идеологических течений.

Коммунизм всегда претендовал на роль универсальной доктрины, поэтому после его падения возникает пустота. В этой пустоте постепенно появляются демоны минувших эпох: вновь возвещают о себе ксенофобия и шовинизм, популизм и нетерпимость.

Слово "национализм", посредством которого принято объяснять все эти процессы, чересчур расплывчато и имеет широкий круг ассоциаций. Мне кажется, что для существа дела будет полезно уточнить это понятие. Стремление к возрождению национальных ценностей, защита национальной культуры, борьба за национальную государственность – все это не является национализмом.

Национализм – это не борьба за свои национальные права, а пренебрежение чужим правом на сохранение национального и человеческого достоинства. Национализм – это определенная концепция мира, согласно которой народы являются конкурентами в борьбе за выживание.

Национализм – это выраженная форма естественной потребности каждого народа иметь свое национальное государство. Национализм означает нетерпимость: он отказывает другому человеку в праве на национальную жизнь.

Национализм – это последняя фаза коммунизма. Это последняя попытка устаревшей идеологии найти в обществе поддержку для диктатуры. Ким Ир Сен, Кастро или лидер сербских коммунистов Милошевич являются яркими примерами этого.

Одновременно национализм является выражением оппозиции коммунизму. Коммунизм плюет на национальное достоинство народа, разрушает его национальные традиции, уничтожает его национальную независимость. В этом случае национализм становится искаженной формой западной национальной самозащиты, и степень этого искажения тем больше, чем сильнее было национальное проявление.

Естественно, что существует разница между этими двумя родами национализма. Национализм колонизаторов всегда более отвратителен и более преступен. Возьмем русских. В своей полемике с великорусскими националистами украинские и литовские, эстонские и грузинские публицисты достаточно хорошо описали "имперскую психологию" великороссов.

Однако дело с русским национализмом обстоит не так просто. Русский националист может утверждать, что ни один народ не пострадал так от коммунизма, как его народ. Это правда. Он может сослаться на разрушенную культуру и жесточайшие религиозные гонения, на истребление интеллектуальной элиты, на уничтожение городов и деревень, на доведение людей до рабского состояния.

Русский национализм может представить русский народ как жертву коммунистов. Он может сказать, что русские не несут ответственности за преступление большевиков, потому что марксизм – это западное изобретение. Сама по себе революция в России – дело не русских, а евреев, поляков, латышей и т.д. Коммунизм, скажет русский националист, не вина русского народа, а его несчастье.

Все это правда, но все это не ответ. Национальное чувство несовместимо со стремлением избежать ответственности за свои и чужие несчастья. Национальное достоинство означает не только право гордиться своим народом, но и обязанность делить позор своего народа.

Одно с другим нераздельно связано. Если какой-нибудь человек – немец – гордится творениями Гете, Гейне и Томаса Манна, хотя не он их написал, то он должен испытывать чувство вины за преступления Гитлера, Гиммлера и Геббельса, хотя он лично в них не участвовал. В этом и состоит принцип ответственности.

Национализм – это способ избавиться от ответственности за прошлое. Виноваты всегда "чужие" – таково убеждение каждого националиста.

Национализм, помимо этого, является способом создать такой образ своего народа, в котором не было бы никакого места для "инородцев". Националистическое мышление делает возможным преследование космополитизма в культуре или ограничение в правах сограждан еврейского происхождения. Национализм берет на вооружение лозунги типа "Россия для русских", "Польша для поляков", "Болгария для болгар". Наконец, националистическая доктрина приводит к погромам, о чем свидетельствует кровь убитых в румынской Трансильвании венгров.

За этими выявившимися только сейчас национальными эмоциями встает вопрос о том, каким путем пойдет революция в той или иной восточноевропейской стране. Одни группы выдвигают тезис "возвращение в Европу". Другие – "возвращение к корням".

Эти цели не обязательно противоположны, но они становятся противоположными по мере обострения конфликтов. В слаборазвитых обществах, граждане которых страдают от комплекса неполноценности из-за отсталости страны, обычно представлены две партии интересов. Одна стремится догнать богатую и либеральную Европу, другая хочет выработать собственный, чаще всего антиевропейский путь. Национализм выступает при этом в качестве идеологического оружия антиевропейской партии.

Русский национализм может выражаться в имперских притязаниях, но может быть представлен и в ипостаси изоляционизма. Такие националисты готовы предоставить свободу Литве при условии, что все "инородцы" покинут Россию.

Русскому националисту нужна чистая Россия – без литовцев, евреев, армян и узбеков, с одной стороны, без космополитов и масонов, с другой стороны. Он не очень твердо знает, кто такие масоны, но он убежден, что это что-то, связанное с евреями и с Европой. В Европе он видит главного врага.

Сейчас часто говорят о том, что в России вновь разгорелся спор славянофилов и западников. Я не верю в это. Я вижу в России спор демократов, духовным отцом которых был покойный борец за права человека Андрей Сахаров, с черносотенцами.

По существу этот спор чрезвычайно банален: одна сторона обвиняет коммунизм в том, что он нарушает элементарные человеческие права, другая – в том, что это чужая, немецкая, жидомасонская и космополитическая идеология.

В каждой посткоммунистической стране есть своя Черная сотня, мировоззрение которой так же просто и ясно, как то, которое навязывали обществу коммунистические вожди. Именно поэтому мировоззрение так легко завоёвывает умы людей, которые присутствуют при конце казавшихся вечными коммунистических догм.

Польша – это особый случай. В тех границах, в каких Польше позволил существовать Сталин, она не является многонациональным государством. Борьба против национальных меньшинств не играет никакой роли в политике, потому что ни один поляк не чувствует угрозы со стороны.

В Польше нет политического конфликта между левыми и правыми. Сами эти обозначения вряд ли сохранили какой-то смысл. В Польше идет борьба между сторонниками "открытого общества" и приверженцами идеи "католического государства польской нации", в котором не должно быть места для "инородцев".

Для сторонников первой идеи народ – это культурная общность, для их противников – это общность крови.

Мне сложно оценить, как происходит этот процесс в ГДР. Но мне хотелось бы спросить у моих немецких друзей, не беспокоит ли их то, что граждане ГДР с такой легкостью сняли с себя груз ответственности за прошлое? Можно ли считать вспышки ксенофобии в ГДР только следствием коммунистической пропаганды?

Я боюсь, что за успехом на выборах восточногерманских христианских демократов, партии, которая долгие годы была верным союзником коммунистов, скрываются неприятные проблемы, связанные с национализмом. Может ли быть, что немцы из ГДР, никогда не признававшие своей вины за нацистские преступления, спокойно и безбоязненно объединятся с демократическим немецким государством?

Мы часто представляли себе конец коммунизма как большой праздник. Теперь мы становимся свидетелями того, как от воздуха свободы просыпаются и вылезают из своего подполья древние чудовища.

Мы верим, что национальный экстремизм – это пережиток прошлого, что он непопулярен в массах. Мы верим в то, что развитие наших стран пойдет по демократическому пути.

Но что, если мы ошибаемся?

"Век XX и мир", 1990, №10, с.12-15

Аркадий ЧЕРКАСОВ

ОДИННАДЦАТЬ ЖИТЕЙСКИХ ИСТОРИЙ О БЫТОВОЙ ДРУЖБЕ НАРОДОВ

В шестидесятых и семидесятых годах один черный негр в одном московском, ленинградском, свердловском, ташкентском ресторане пригласил одну русскую девушку танцевать. Она не пошла, и он за это тут же порвал ей кофточку и погасил у нее на лбу сигарету. Никто вокруг не знал, что делать, потому что негр был иностранец. Но тут из-за соседнего столика встал скромный парень и со словами: "У нас – так делают!" – одним ударом сшиб черного негра с ног, вернулся на свое место и спокойно стал допивать свою русскую водку. Прибежала милиция, стала хватать паренька. А он показал американский паспорт, и милиция была посрамлена.

В девяностых годах в Ташкенте, Душанбе, Вильнюсе, Таллинне, Якутске, Кызыле была такая вот ужасная демонстрация местного населения. Местное население несло транспарант с надписью: "Русские, пожалуйста, не уезжайте! Оставайтесь, будете у нас рабами".

Это – выдуманные истории, хотя почти всегда их рассказывают очевидцы (про негра – так даже из Софии привозили, там девушка была болгарская), иногда – родственники очевидцев. Эти истории не в счет, тем более, что вы, наверное, их и сами знаете (я слышал первую раз пятнадцать, вторую – пока раз шесть). Я расскажу одиннадцать невыдуманных историй – без предисловий и без комментариев. Постараюсь даже без выводов, если получится. Итак, начали.

1. Русская смекалка

Осенью 1955 года в эстонском городе Тарту к овощной палатке неторопливо шел эстонский старичок, а за ним – десятилетний русский мальчик. Мальчик был я. Большинство читателей – русских в России – наверное, в детстве не были "русскими" мальчиками, они были просто обыкновенными мальчиками. А я родился в Тарту и с детства каждый момент помнил, что я русский мальчик, потому что русских там было мало, и значит, мы были "особенные". Но как раз в тот момент забыл, увидев очередь к овощной палатке и старичка, явно метившего туда же. Я резво рванул вперед, бегом обогнал старичка метра на два и встал в очередь раньше его, довольный – умею жить! Но старичок неспешно приблизился, спокойно обошел меня, встал спереди (в Эстонии очередь стоит не тесно) и, повернувшись, сказал по-русски (как он догадался?): "Бекайте напереконки у себя в России и отнимайте куски трук у трука тамм, а стесь Эуропа". Я часто вспоминаю этого старичка в московских давках у колбасного прилавка.

2. Национальные цвета

С неуклонным прогрессом благоустройства в Тарту появились светофоры, а машин было еще немного. Как загорится на перекрестке красный свет – толпа пешеходов сразу делилась по национальному признаку: эстонцы останавливались ждать зеленого света, русские шли на красный – машин ведь нет или мало, – презирая эстонцев как трусов и мещан. Эстонцы гордо стояли, презирая русских как дикарей, которые не умеют жить в городе и соблюдать законы, многие из которых они сами же эстонцам навязали. Карамзин (или Новиков?) сказал: "Счастие России в том, что дурные законы здесь дурно исполняются". Эстонцы же всегда полагали, что в этом-то как раз главное "несчастие" России. Скрупулезно исполняемый, дурной закон быстро выказывает свою дурость и заменяется на хороший; плохо исполняемый закон – вечен.

3. Посрамление отступника

Много-много лет спустя, когда я уже жил в Москве, в Эстонию отправился на отдых один мой знакомый москвич – пижон, англоман, полиглот, теннисист, – джентльменистый и элитарный до отвращения. Говорю ему: "Будь там скромен, вежлив и осторожен, это здесь, в Москве, мы знаем, какой ты утонченный, а в маленьком эстонском городке на первый взгляд тебя будут воспринимать как еще одного русского – некультурного, буйного, желающего галдеть в магазине, пить водку из горла, хватать белых женщин за бюст и валяться в канаве – таков там, увы, стереотип, который, хоть и неправилен, но возник, видимо, все же неспроста". Не поверил и отмахнулся. Вернулся мой москвич пришибленный: все так оно и было (не скажу, в каком он был городке, не в Тарту и не в Пярну). Мне, говорит, надоело: "оккупант" да "оккупант", ну я и отрекся: не русский я, говорю, я, вообще-то, еврей. А в ответ такой афоризм: "Это вы, русские, между собой сами распирайтесь, кто из вас эврей, – упирайтесь к сепе в Россию и там распирайтесь!" Впрочем, эта история случилась в семидесятые годы, когда эстонцы были злы от безысходности (как и мы). Сейчас у них – Большие Надежды, а москвичей после августа 1991 года там просто полюбили ("За нашу и вашу свободу!").

4. У кого нос большой

Отдохнем от политики. Сижу как-то на берегу Вилюя со старичком-якутом, пьем водку – именно из горлышка, – и я его расспрашиваю про эту чудесную страну Якутию, куда я тогда, студентом, впервые попал. "Скажи, отец, а эстонцы здесь у вас есть, ссыльные-то?" – "Да что, паря, нам, якутам, все равно, русский ли, татарин ли, эстонец ли – у кого нос большой, тот для нас русский, и все". Интересно, что много лет спустя я побывал у канадских эскимосов, так в их глазах тоже все европейцы – "одной нации", только для них дело не в носе. Всех нас они называют не "белыми" (они, кстати, сами "белые", как якуты), а "каблуна", что значит "большие брови". Наверное, самым главным "каблуной" казался покойный Леонид Ильич.

5. Коми в Сухуми

Сплавлял лес на Печоре, сломал ногу, оказался в сельской больнице. Беседую на завалинке со старушкой-коми. "А что, бабушка, ты из своей деревни Покча куда-нибудь ездила?" – "Ой, сынок, раз поехала – по путевке в Сухуми". – "Ну, и как?" – "Скучно там, сынок, наших комяков там нету, по-человечески поговорить не с кем. И в санатории в палате я одна была русская". – "Так ты ж, бабушка, говоришь, комячка?" – "Ну, да комяки-то ведь русские, а там какие-то нерусские жили, с Украины, что ли".

6. Чья натура шире

Вспоминаю и я Сухуми, и другую старушку, русскую, на тамошнем базаре. Взвешивает старик абхазец ей яблоки, и надо же было так получиться, что весы остановились тютелька в тютельку, носик к носику. Обычно ведь получается с перевесом, так на базаре принято. Но тут вышло точно, и все честно: ровно два кило, по такой-то цене. Старушке обидно – другим выходит с перевесом, им везет, а ей – нет, точно. "Ну, положи еще одно яблоко, зачем такая точность, ведь не в аптеке". Старик рассердился: "Ах, не в аптеке!" – и одно яблоко, наоборот, снимает. Старушка чуть не в слезы. Дело не в яблоке (были благословенные времена дешевизны), но почему всем на полкопейки везет, а ей нет? И канючит, и канючит. Плюнул абхазский старик, сгреб в две жмени охапку своих яблок из мешка и добавил ей "просто так", без весов. Кавказская широта оказалась значительно шире русской. Только плевал вот он зря, обидно.

7. За пывом трэба стояты

Впрочем, никто не любит, когда кому-то везет просто так. Еду я поездом Будапешт-Москва, и во Львове утром стоянка пятнадцать минут. А вчера при проводах в Будапеште дружба народов достигла такого накала, что язык и губы как деревянные, голова каменная, а утроба, обожженная венгерской палинкой, стонет и жаждет. Выбегаю из вагона на привокзальную площадь – батюшки, в киоске пиво, и никого нет около. Радостный, кричу: "Мне шесть пи-ива!" Рыхлая продавщица мутно, исподлобья глядит и медленно протирает прилавок. "Будьте, – кричу, – любезны! Я с поезда". Протирает, протирает. Дождалась свистка поезда и говорит наставительно: "За пывом трэба стояты!" Но все же дала, и я успел вскочить в вагон. Потом понял: у них, как везде, за пивом очереди, а мне просто повезло. И такое мое везение ей просто неприятно: ишь, москаль, разбежался, как будто так и положено, – пришел и взял. За пывом трэба стояты! Львовское пиво, кстати, превосходное. Но это было давно.

8. Грузины не могут

В вольные аспирантские годы праздновали мы как-то день рождения моего друга еще со студенческих времен, араба. Вернулся он в Москву из Дамаска – в аспирантуру – и получил комнатку в общежитии МГУ. Там нас набилось человек десять, все больше арабы – сирийцы, суданцы, да я, старый друг, да один суданец привел своего нового приятеля грузина, плюс пару девиц неизвестно откуда. Закончилось пиршество глубоко за полночь, остался я помогать приводить комнату в порядок. Смотрит хозяин – пропали двести рублей, что по своему сирийскому разгильдяйству держал он просто на шкафу под куском железной руды (он геолог). Кто?! Назавтра собрали военный совет из тех, кто жил тут же, в МГУ. Свои, арабы, – не могли, потому что свои. Я не мог, потому что старый друг. Девушки не могли, потому что при их малочисленности каждый держал на них глаз в каждый момент (без успеха). "Со стороны" был только один человек, приятель суданца, который утром улетел к себе в Тбилиси. "Он не мог, – сказали хором все мои арабы, – потому что он грузин!" Все они жили в Москве седьмой год (аспиранты) и считали, что хорошо знают страну. Тут я, честно говоря, почувствовал к грузинам – как русский – национально-этническую зависть. Вот такая у них репутация среди "нейтральных" людей – арабов. Военный совет кончился ничем, а деньги через месяц нашлись за шкафом, когда комендантша общежития под угрозой страшных кар заставила моего друга, наконец, сделать у себя генеральную уборку.

9. Шпил, балалайка!

Говоря о "национальной репутации" – расскажу горькую историю. Это даже не история, а так – никаких событий, одни ощущения. Как-то осенним вечером на окраине Москвы иду один неширокой дорожкой через большой глухой пустырь. И вижу-слышу – навстречу идет шумная, похоже, поддатая компания, парней шесть, орут песни. Свернуть некуда, убегать стыдно, иду на сближение, сжал в кармане ключи, не жду ничего хорошего. Метров за десять разобрал слова песни. Ах ты, Господи, поют "Тум-балалайку" да еще и пытаются по-еврейски, на идиш. Один парень слова знает, другие явно "русскоязычные", но стараются, подтягивают: "Шпил, балалайка, тум-балалайка"... Отлегло на душе, вспомнил, что по "Курантам" сегодня у нас, православных, память Ариадны, Софии и Ирины (всех поздравил), а у евреев – крупный праздник, Симхат-Тойра или что-то в этом роде. Это наша иудействующая молодежь после синагоги догуливает. Эти, точно, не тронут! "Шолом, ребята!" – говорю, все хором – "Шолом, папаша!" Разминулись, и пошел я дальше с грустными мыслями – не потому, что досрочно папашей назвали (вроде рановато), а потому, что задумался: как мы дошли до такой жизни, что русский православный человек своих "полных" соплеменников-единоверцев может опасаться, а столь же юных и буйных соотечественников, но по происхождению иудеев – ни капельки?

И еще одна мысль, по ассоциативной цепи: куда же вы, ребята, едете, с кем вы нас оставляете на этой нашей общей, не такой уж плохой родной земле? Ведь те, встречи с которыми я опасался, никуда отсюда не уедут, их и не возьмут. А эти могут уехать, и тогда вероятность того, что следующая встреча с незнакомой компанией на ночном пустыре будет для русского человека неприятной – эта вероятность чуть-чуть увеличится. Ребята, не уезжайте, вот я и деревья посажу на этом пустыре, мы еще заживем! Вы же наши, русские, – неважно, у кого какие были дальние предки – славяне, варяги, меря, мордва, хазары или евреи. И Саша Пушкин – наш, общий, хоть и правнук эфиопа и эстонской немки. А вот Саша Невзоров – не наш, чей бы он ни был внук. Жестокость и фанфаронство – не русские черты. Ладно. Бог ему судья. Я только хочу сказать, что тех, кто уже десять лет с пьяной методичностью назавтра же разбивает (столь же методично Моссоветом вставляемые) стекла в автобусных остановках на нашей улице – этих людей я за русских не считаю, будь они хоть трижды Ивановы-Петровы. Не любят они эту землю, чужая она для них, и лучше бы они уехали из России куда-нибудь... в Советский Союз, им все равно где стекла бить. А Борю Финкельштейна, с которым мы вместе березки на пустыре сажали, чтобы хоть немного украсить этот общий уголок бедной нашей России, считаю самым стопроцентным русским человеком. И не хочу, чтобы он уезжал, – ведь без него березок на пустыре будет меньше, тем паче, что пьяные "совки" их постоянно ломают, надо весной подсаживать новые.

Но все же: почему среди "них" процент опустившихся – спившихся, никчемных, невежественных, агрессивных, коро-

че, "осовевших" – столь очевидно ниже, чем среди "нас"? Ведь в одних школах учились, в одних очередях стояли те же самые семьдесят четыре года. Видимо, чувство "особенности", постоянно, с детства (забудешь – напомнят!) мобилизует, не дает расслабляться – опускаться: "Мы не как все, нам так нельзя".

С другой стороны, не знаю, как сейчас, а в семидесятые годы попала мне как-то в руки такая статистика: из всех этнических групп (тех, что численностью свыше миллиона) в США самый высокий доход в среднем на душу тогда был у русских. Выше, чем у американских евреев, заметьте. В ту пору русских там было лишь чуть больше миллиона, евреев – шесть миллионов, и, видимо, русские в США чувствовали себя гораздо более "особенными". Не только в этом дело, конечно, но и в этом, видимо, тоже. Знаю по себе: родился русским в Эстонии и постоянно, помню, старался показать "им" (эстонцам), что "мы" не хуже. И не я один: практически весь наш выпуск единственной в ту пору в городе русской средней школы (а эстонских был десяток) разлетелся по вузам Москвы, Питера и других столиц – и почти все получили высшее образование. Знай наших! И, кстати, все мы в этой школе были русские, и лишь теперь, перелистывая старые альбомы, понимаю, как "разнообразно" звучали фамилии моих однокашников.

10. Арбузы на леднике

А вот история про Индивидуализм. Раньше это было бранное слово. Я тоже так думал, но посмотрел поближе – нет, хорошая вещь.

Готовились к международной экспедиции в Арктике – пешком из России в Канаду. Тренировались летом на Тянь-Шане – как водится, тьма народу, намного больше, чем потом пошло по льдам. Задача тренировки – добраться до ледника, имея на плечах тридцатипятикилограммовый груз. Чтобы создать такой груз, наложили в рюкзаки арбузов. Добравшись до ледника, стали лагерем, и арбузы, за дальнейшей ненадобностью, съели. И тут я, гордый своим эстонско-европейским экологическим воспитанием, гордо собрал все корки и, гордо поглядывая на товарищей, стал их гордо закапывать в песок морены. Знай наших! Мы не сорим, руссиш-культуриш. Ко мне подошел англоканадец Ричард и сказал, что я, видимо, обалдел от высокогорья, потому что здесь, на четырех тысячах метров высоты, эти корки, хоть и закопанные, будут лежать до скончания века, не разлагаясь. Их-де нужно отсюда унести. Дав этот полезный совет, Ричард благоразумно, по-английски, удалился. Но тут подошел франкоканадец Жиль и молча засунул все в свой пустой рюкзак – думаю, что кило на двадцать мусора. Поддерживая Жиля беседой, я сопроводил его до поселка при метеостанции внизу за перевалом. Там мы спросили, где у них мусорохранилище. Народ удивился и показал за угол. Пошли, пришли, а там – мусорная куча в человеческий рост, никаких баков и, судя по всему, никакого отвоза. Ввиду высокогорности не гниет, а лишь самоуплотняется. Моя мысль – ну, что ж, мы сделали для экологии, что могли, теперь будет как все. Жиль же сказал сначала нечто с французского непереводимое, а потом разъяснил концепцию: "Вы здесь, в центре Азии, можете делать со своей собственной страной что вам угодно, но лично я, канадский гражданин Жиль Риу из небольшого, но гордого городка Матан на берегу залива Святого Лаврентия, в Этом Участвовать Отказываюсь". И тащил двадцать кило через горы еще десять километров до поселка Чимбулак, где нашлись мусорные баки. Я побывал у Жиля в гостях в этом самом Матане и понял, как хорошо можно жить в таком вроде бы забытом Богом месте, где нет никаких ресурсов, кроме креветок в море, но есть Люди с колоссальным самоуважением, которые не опускаются ни при каких обстоятельствах. Недаром и тамошняя газета "Девуар" ("Долг") несет в качестве девиза (там, где в наших раньше был призыв пролетариям всех стран объединяться) надпись: "Делай, что должен!" То есть – не смотри на других.

11. Минин и Пожарский

Однако же вернемся под конец к нашей бытовой дружбе народов. Вот разговор, подслушанный в ночь с 20 на 21 августа 1991 года на самой внешней баррикаде из тех, что были вокруг Белого Дома – у гостиницы "Мир", со стороны которой мы постоянно ждали "гостей". Темно. Мокро. Страшно. Скучно. Это у самого Белого Дома, в толпе, было, по крайней мере, весело – костры, гитары, геройские повязки на головах, красивые девушки, так и не изгнанные, несмотря на все усилия Станкевича (в ту ночь все женщины там были красивыми девушками!), песни, новости. А на нашей крайней баррикаде с неприкасаемым российским танком за спиной – стоишь в цепи, как монумент, и отойти нельзя, и присесть некуда, и новости по цепи доходят, как до жирафа. Чтобы подавить страх, развлекали себя сами.

– Мы с тобой Россию защищаем? Спасаем? Значит, мы как Минин и Пожарский. Ты – "купец Минин", а я – "князь Пожарский".

– Это почему ты князь? А может, наоборот?

– Нет уж, брось! Во мне черкесская кровь, а черкесы все князья. А у тебя батя еврей, а евреи все торговцы. Значит, ты Минин, а я Пожарский!

– А ты пойди на Центральный рынок – много там евреев торгует? А твоих кавказцев полно! Ишь, князь нашелся! Я, кстати, крещеный, а ты нет!

Вмешиваются соседи по цепи.

– Вы тут, значит, Минин с Пожарским, а мы кто? Народные массы? Вот вам рядом столб, напишите на нем: "Вася и Коля были здесь" – и будет с вас. А то – Минин, Пожарский!

– Не Вася и Коля, а Ося и Шура, – обижается несостоявшийся Минин.

– Ну, вот и познакомились! А то все молчат. Или в победу не верите?

– В победу верю, а фамилию пока не скажу... Слышь, опять танки рычат!.. Рос-си-я! Рос-си-я!

И пятьдесят тысяч голосов начинают скандировать имя своей Родины, и раскатистое "Р" во всех мыслимых вариантах – в том числе и в тех, которые так смущали "патриота" Тюлькина – заглушает рокот приближающихся танков.

Век XX и мир, 1992, №1, с.51-56

Геворг КАРАПЕТЯН,
кандидат технических наук

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ И РОСТ ЧИСЛА ПАРТИЙ В УКРАИНЕ

Снег, сталкиваясь с крышей, вопреки
природе принимает форму крыши.
Иосиф Бродский, "Зимняя почта", 1964.

Введение

Партии в Украине множатся и плодятся не зная устали. Словно в кривом зеркале отразив и перевернув слова Суворова о числе и умении, элита новых демократий в одном, одновременно великом и грустном, забеге наперегонки создаёт новые и всё более экзотические политические образования. Процесс этот давно уже перешёл грань серьёзности. Историческая миссия политических институтов всё более уверенно, особенно с учётом нашей традиционной восточно-христианской ироничности, окрашивается скорее в шутливые тона, отдавая в этой своей шутливости какой-то вялотекущей безысходностью.

Процесс размножения наших партий, давая пищу для горестных размышлений чужеземным политологическим мудрецам о странном несрабатывании у нас открытых там законов, в то же время скромному рассудку исследователя, воспитанного на советской и постсоветской загадочности, даёт пищу для иных, значительно менее софистических открытий. Тут, пожалуй, и находится та точка, где (только на первый взгляд) эклектично стыкуются научный метод с сатирой, образуя странный коктейль из Монтескье и Джефферсона, с одной стороны, и Гоголя с Салтыковым-Щедриным – с другой.

Процесс демократического и, в частности, партийного строительства на пространстве СНГ нетрадиционен в очень широком смысле этого слова. Он совсем не вписывается в известное из теории русло институционального строительства новых демократий. Он своеобразен, как и всё, что происходит по сей день на одной шестой части суши.

В числе других хочется особо выделить два стимула, влекущие людей в странах СНГ и, в частности, в Украине к часто бессмысленному партийному культивированию. Первый – объективный – желание утвердиться, легитимировать свою принадлежность к миру политики, к элитарному и ведущему его слою, придать себе благообразный и модный имидж. Процесс элитообразования в наших условиях объективно требует обладания, кроме материальных атрибутов истеблишмента, ещё и известными политико-правовыми, институциональными подпорками, без которых политик в определённых кругах как бы и не свой.

Второй стимул – субъективный, включающий самые разнообразные причины, вплоть до простого баловства. Например, кто-то создаёт партию от обиды на кого-то. Или из-за неразделённой любви. То есть новая партия – как новый любовник или новый муж назло старому. Ушла она от него или он от неё – и давай создавать новую партию, совершенно рьяно противостоящую той, прежней.

Всё это одновременно очень весело и очень грустно – смотря по каким критериям оценивать. Свидетельствует данная реальность прежде всего о том, что партии в Украине, как и в других странах СНГ, ещё не прошли необходимый процесс институционализации, то есть не утвердились прочно и прогнозируемо в общественно-политической жизни страны. Они далеко ещё не те, кем обязаны быть по своей онтологической сущности: аккумуляторами и проводниками общественного разума и воли народа к совместной жизни в рамках одного геополитического субъекта – современного государства. Ибо проводить-то эту волю некуда – партии практически никак не влияют на власть. А отсюда и обратный эффект, парализующий эти самые волю и разум в силу полной невостребованности последних. Отсюда и баловство.

Возьмём для примера, скажем, бурное соцветье левых партий: социал-демократов, социалистов и коммунистов в Украине. Где, спросим, их совместные с профсоюзами, нормальные и естественные для цивилизованных стран, выступления в защиту наёмных работников? Где мощная и регулярная – а в наших условиях она не имеет права быть иной – борьба левых с не поддающимся разумению нижайшим уровнем социальных гарантий в стране, с разъехавшимися в разные стороны на астрономические расстояния лезвиями социальных ножниц? Ничего этого нет, есть лишь эпизодическая рекламная шумиха.

Теперь посмотрим вправо. Где борьба так называемых либералов за категорическое, немедленное и резкое снижение наших уму не постижимых налогов? Где борьба за самое главное и святое для истинных правых – за свободу и неприкосновенность рыночной конкуренции и частной собственности? Не аппаратно-криминальной приватизации, то есть торжества и праздника монополизма, а именно конкуренции? Ничего этого мы также не наблюдаем.

Взаимоотношения общества с его властными институтами, в том числе и через правовые механизмы формирования последних, являются определяющими с точки зрения перспектив прогресса и развития демократии в нём. И среди других, может быть, самым показательным и важным фактором, отражающим эти перспективы, является становление и устойчивая институционализация партийной системы в обществе. Системы, основанной на небольшом числе основных партий, определяющих вектор движения страны через разработку стратегий роста и формирование соответствующих органов власти для их реализации.

Без таких партий, цементирующих, укрепляющих общество как единое целое, как один мощный общественно-политический организм, общество и далее будет столь же рыхло и безлико взаимодействовать со своими властями, равно как и с иными, внутренними и внешними, факторами влияния на него. И тогда на горизонте может замаячить перспектива устойчиво авторитарного режима с демократическим антуражем. Примеров таких стран мы знаем много.

В странах посткоммунизма, как и в постколониальных странах, в какой-то момент, когда проходит первая эйфория от полученной долгожданной свободы, не готовое ещё к непростым и тонким демократическим процедурам взаимных сдержек и противовесов своих политических институтов общество встаёт перед угрозой нового, теперь уже доморощенного авторитаризма и диктаторства. И, пойдёт ли страна на

заклание тому или иному диктатору вкупе с поддерживающей его группой кланов и неизбежной в таких случаях компрадоре либо вырулит на путь построения зрелой, цивилизованной и консолидированной демократии – далеко не праздный и крайне ответственный для будущего страны и её народа вопрос.

Этот диалог, эта контрапункта народа со всякими претендентами в "единственные и неповторимые", в "отцы и спасители нации" – проблема не самих диктаторов. Диктаторы – лишь отзвук, отсвет реальности и времени на рыхлое и беззубое состояние общества. Лишь ощущение вседозволенности и полного непротивления им общества делает людей диктаторами – никто ведь ими не рождается. Люди, пробравшись на верх власти, ощутив мягкость и податливость руководимого ими общества, просто подпадают под абсолютно естественный и легко объяснимый для любого человека соблазн стать неконтролируемым и неуправляемым, утолить сполна затаённую практически в любой душе жажду к абсолютной власти.

Исключений тут нет. Такие испытания на прочность проходят все народы. Так что ситуация в постсоветских странах, и в частности в Украине, абсолютно нормальная. И одновременно весьма уже настораживающая, ибо элементы насилия со стороны властей, не встречающие противодействия со стороны общества, стали активно нарастать. Противостоять всему этому могут лишь зрелые институты демократии – другого человечество пока не придумало. И прежде всего главные из них – те, непомерное и бесплодное разрастание которых есть предмет широкого обсуждения в обществе, – политические партии. Для аналитика данная ситуация весьма интересна своей непредсказуемостью, обусловленной многообразием невиданных ранее социальных контекстов.

Трудно перечислить все факторы, влияющие на становление партийной системы в постсоветских странах. Многие из них у всех на слуху. Однако об избирательных системах (далее – ИС) как детерминанте становления партийной системы говорят почему-то незаслуженно мало. Между тем ряд западных и постсоветских исследователей выяснили, что ИС оказывают на ход трансформационных преобразований в новых демократиях и, в частности, на рост или падение числа партий в них не меньшее, если не большее воздействие, чем иные, широко обсуждаемые процессы и институты. Данное влияние ИС на становление и динамику партийной системы в стране и будет основным предметом нашего исследования.

Отметим важное обстоятельство. Мы уверены – и это, пожалуй, основной мотив появления настоящей работы, – что ситуация с нашими партиями такова, что нам дано сегодня право на поиск и эксперимент. В обществах, подобных нашим, надо не столько копировать зрелые институты цивилизованных стран, сколько, изучив их, искать и находить для себя такие формулы, чтобы обеспечить значительно более эффективное, чем мы имеем сегодня, взаимодействие общества со своими политическими институтами. Чтобы институты, с одной стороны, были бы, по возможности, более адекватными сегодняшнему состоянию общества, а с другой – работали бы на перспективу, наилучшим образом стимулировали быстрейшее прохождение обществом всех необходимых стадий, которые, увы, неизбежно должна пройти каждая новая демократия.

Хотелось бы, чтобы эта работа воспринималась скорее как приглашение к дискуссии, а не как набор готовых к употреблению рецептов.

Некоторые сведения об избирательных системах

ИС есть важный институт, сильно влияющий на политическую динамику. В методологическом плане ИС интересны тем, что моделируются конкретными численными параметрами, которые, как деньги в экономике или масса в физике, позволяют применять математические методы. Тем самым они служат мостиком, пусть и узким, по которому в политологию внедряются методы точных наук.

Демократические процедуры требуют выполнения ряда условий: 1) любой должен иметь право предлагать; 2) должны происходить собрания, открытые дискуссии; 3) время и другие ресурсы должны быть одинаково распределены среди всех; 4) в конце дискуссии должна применяться процедура принятия решения – или неформальная (консенсус), или формальная (голосование) [6].

Эти условия характерны для прямой демократии и технически осуществимы только в малых группах. В больших же группах, таких как государство, применяются методы непрямой демократии, когда полномочия по принятию решений передаются от большой группы в малую, скажем, в парламент. В большой же группе методы прямой демократии применяются лишь иногда в виде референдума.

Право голоса не всегда было у всех совершеннолетних людей. В прошлом часто в списки избирателей не включались определённые категории населения: неграмотные, женщины, заключённые, военные и т.п. Раньше оно было только у взрослых, богатых, женатых и грамотных мужчин, в частности, до 1830 года в Англии – только у 4% взрослого населения. До 1900 года у женщин в Европе его вообще не было. Женщины не голосовали в Швейцарии до 1971 года, а в Лихтенштейне – до 1986 года. В США в первые годы независимости голос каждого раба был приравнен к половине голоса свободного человека.

Впервые всеобщее избирательное право было введено в Новой Зеландии в 1893 году. В Европе первой его ввела Финляндия в 1906 году. К сегодняшнему дню практически во всех странах установилось всеобщее и равное избирательное право. Поэтому все новые демократии сразу вводят у себя именно такую универсальную демократическую норму.

Имеются три основных параметра, характеризующие ИС: 1) структура избирательного бюллетеня; 2) величина округа и 3) метод перевода голосов в места [10].

1. Бюллетени, которыми голосуют избиратели, бывают *категорическими* и *ординальными*. Категорическое голосование имеет место, если избиратель может выбрать только одного кандидата или одну партию. Ординальное – если он может выбрать несколько кандидатов, в том числе ранжировать их по местам.

2. *Величина* округа, или *магнитуда* (magnitude, далее – M) – это число мест в парламенте, приходящееся на один округ. Оно может колебаться от единицы до нескольких сотен. Чем больше величина округа, тем более пропорциональный характер имеет распределение мест. Рассматривается также понятие средней величины округа, равное общему числу мест в парламенте, делённому на число избирательных округов.

Диапазон возможных вариантов ИС достаточно широк: от одномандатных округов так называемой системы большинства, или, упрощённо, мажоритарной системы (далее – МС), до системы, когда вся страна представляет собой один избирательный округ, в котором соревнуются партии по чисто пропорциональной системе (далее – ПС). Первый вариант применяется в основном в странах, находящихся под влиянием английских традиций демократии: в Новой Зеландии, в Палате представителей США и, естественно, в самой Англии. Во всех этих странах каждый депутат представляет один округ с величиной M=1. Второй экстремальный вариант, то есть чисто ПС, внедрен в Израиле и Нидерландах. Там, соответственно, значение M превышает сотню. В других странах имеют место промежуточные случаи с $1<M<100$, причём разные округа могут иметь разные величины.

3. Методы перевода голосов в места разнятся для одномандатных и многомандатных округов.

В одномандатных округах система делится на плюральную и мажоритарную. При *плюральной* (plurality) системе, или системе простого большинства, побеждает тот, кто просто набрал больше всех голосов, без необходимости набора абсолютного большинства голосов, то есть преодоления 50% барьера. Такая система сегодня применяется в Украине, несколько некорректно называемая мажоритарной. *Мажоритарная* (majority) система, или система абсолютного большинства, требует, чтобы победитель имел поддержку более 50% избирателей. Для этого проводятся либо вторые туры, либо используются ординальные бюллетени.

В многомандатных округах, где выборы проводятся в основном по ПС, голоса переводятся в места чаще по формуле *простой квоты с наибольшими остатками*. Определяется квота, или число, равное 100%/M – минимальный процент, необходимый для занятия одного места. Процент голосов, набранный партией, делённый нацело на квоту, даёт число завоёванных ею мест. Оставшиеся же нераспределённые места распределяются по мере убывания величин остатков от деления.

Бюллетени в ПС могут содержать либо *закрытый* список, состоящий только из названий партий, либо *открытый*, содержащий имена кандидатов, с которыми избирателю тоже надо определиться. Закрытые списки, применяемые в Украине и России, предполагают, что партия сама определяет порядок своих кандидатов, в соответствии с которым они занимают завоёванные партией места в парламенте.

Порог, или барьер, применяется для предотвращения прохождения мелких партий и, соответственно, фрагментации партийной системы. Пороги бывают разные: от 1% в Израиле до 17% в Греции. В Германии порог равен 5%, в Украине, как известно, 4%. В германский Бундестаг проходит также партия, завоевавшая в МС ветви 3 места.

В последние годы, копируя удачный опыт Германии, многие страны, в том числе и постсоветские, внедрили у себя смешанную ИС, состоящую одновременно из двух ветвей: ПС и МС. Правда, если у немцев она связанная, то есть победившие в МС округах не выходят из списков своих партий, то в постсоветских странах, наоборот, несвязанная, то есть победа кандидата в МС ветви как бы удлиняет список его партийной фракции.

Имеется общее правило: одномандатные округа дают большую диспропорциональность, то есть суммарную потерю голосов. Чем больше M, тем, вне особой зависимости от применяемой формулы, пропорциональнее, адекватнее набранным голосам происходит занятие мест. В одномандатных же округах за счёт высокой диспропорциональности не проходят кандидаты от мелких партий и, по теории, укрепляется двухпартийная система либо система с малым числом крупных партий.

На этом основан основной закон ИС – закон Duverger-а, который выделяет три производимых ими эффекта:

"1) ПС приводит к образованию многих независимых партий; ...2) двухмандатная МС приводит к образованию многих партий, связанных друг с другом;...3) Плюральная одномандатная система приводит к возникновению двухпартийной системы" [1].

Величина избирательного округа оказывает, таким образом, решающее воздействие на многопартийность. Низкая величина, в частности, в мажоритарных округах, имеет сильный ограничивающий эффект на число партий и приводит к высоким уровням диспропорциональности в процессе перевода набранных голосов в места. Большая величина округа влечёт дробление партий и фрагментацию партийной системы. Это и есть та теория, которая абсолютно не срабатывает в Украине и в России.

Постсоветские избирательные системы

Начиная с семидесятых годов во всём мире пошёл вал многопартийных демократических выборов: середина 70-х – Юг Европы (Греция, Португалия, Испания); начало 80-х – Латинская Америка (Аргентина, Бразилия, Чили); далее – Восточная и Юго-Восточная Азия (Корея, Филиппины, Сингапур, Тайвань, Таиланд); наконец, докатилась до 1989 года, и выборы прошли в странах бывшего советского блока, а также в Африке и Центральной Америке (Сальвадор, Никарагуа, Панама). Этот процесс, называемый "третьей волной" демократизации Samuel Huntington-а после первых двух в 1828-1926 и 1943-1962 годах, был воспринят в мире с энтузиазмом [2].

Однако реальная практика выборов в посткоммунистических (далее – ПК) странах показала весьма противоречивые результаты, на первый взгляд опровергающие законы Duverger-а. В частности, как показано в работе Moser-а, в России и Украине МС ведёт себя абсолютно иначе, чем в теории, и приводит к возникновению очень фрагментированных партийных систем и большого количества маленьких партий [5]. По Duverger МС должна вести к двухпартийной системе, а в России же и Украине не происходит даже снижения числа парламентских партий через эффект диспропорциональности. Российский и украинский случаи в этом смысле абсолютно нетипичны. Причём другие обозреваемые Moser-ом ПК страны, в частности, Польша и Венгрия, подтверждают теорию.

Moser объясняет такие разные эффекты ИС разными уровнями институционализации партий в разных ПК странах: "Слабая институционализация партийных систем может объяснить неудачу плюральной и мажоритарной ИС оказывать ожидаемый понижающий эффект в ПК странах". Исходя из этого вывода он формулирует своё предложение: "Для ПК стран с низкой партийной институционализацией ПС с порогами может обеспечить большее ограничение числа партий, чем мажоритарная система. ПС повышает статус политических партий, обеспечивая их монополией на процедуры выдвижения кандидатов, чего нет при мажоритарных выборах" [5]. Таким образом, в постсоветских странах Moser предлагает использовать ПС.

Положение в наших странах усугубляется ещё и тем, что партии у нас постоянно входят и покидают политическую арену и не дают возможностей голосующим сохранять длительные предпочтения той или иной партии – большинство избирателей просто остаётся незнакомыми с ними.

Важным фактором является также большое число так называемых независимых кандидатов. В России и Украине партии слабо контролируют процесс выдвижения кандидатов. Например, в России число независимых голосующих без партийной идентификации составляет 78%, в то время как в США – 13%, а в Великобритании – лишь 8% [7]. В Украине в 1994 году независимых кандидатов официально был 61%, в России в 1993 году – 48%, в 1995 г. – 35%. Среди выигравших выборы в независимых округах было: в России – 52% в 1993 году, 34% – в 1995 г., а в Украине – 40% в 1994 г. В то время как в Литве только 3% выигравших выборы были независимыми, в Венгрии – 7% в 1990 г. и 2% в 1994 г. Так что в Польше, Венгрии и Литве партии всё больше монополизируют процесс выдвижения кандидатов, приближаясь к западным образцам [3].

Тут, правда, надо отметить факт, выпавший из поля зрения западных политологов. Наши независимые – это самые настоящие зависимые кандидаты, представители союза властной биорократической номенклатуры и олигархических кланов. По всем параметрам их смело можно назвать представителями партии власти, которая у нас вполне институционализована и не имеет лишь правовой легитимации. В Украине, как и России, устойчивыми партиями заняты только края спектра, а между ними – широкий и аморфный центр. Потому и высок – около 40% – процент людей, не определившихся в своих партийных пристрастиях. В этом аморфном центре и "плавают" наши "независимые".

Таким образом, отсутствие чёткой ориентации электората на малое число больших и известных партий не позволяет сработать эффекту снижения числа партий Duverger-а. В условиях дезориентированного по отношению к партиям избирателя в игру вступают местные авторитеты, так называемые нотабли, проще говоря,"денежные мешки". Поиск выходов из такого положения весьма непрост.

Интересные результаты представлены в работах группы Голосова Г.В. из Санкт-Петербурга. Они утверждают, в частности, что в тех ПК странах, где компартии и их элиты быстро отошли от власти, – скажем, в ГДР, Чехословакии – быстро была внедрена ПС. Там же, где они сохранили свои властные рычаги (Украина, Беларусь и многие другие ПК страны), наоборот, внедрялась преимущественно МС система [8]. Смешанные же несвязанные ИС, в том числе и в Украине, появились как результат компромиссов старых и новых элит. Они введены также в России, в Болгарии и Венгрии.

Роль старых коммунистических элит, наследия номенклатурной власти, в данном вопросе крайне важна. Особенно в таких странах, как Россия и Украина, где новые элиты ещё слабы, не организованы, а главное, практически полностью зависимы – и экономически, и политически – от властей.

Однако, как показано в исследовании Голосова Г.В. и Шевченко Ю.Д., важными являются также структурные факторы состояния общества [9]. В их статье исследуется связь уровня плотности (то есть внутренних коммуникативных связей) социальных сетей населения и успехов независимых кандидатов. Показывается, что там, где социальные сети более плотные (а это сёла, малые города и т.п.), большего успеха добиваются независимые кандидаты и наоборот.

Структурные факторы, в частности, уровень урбанизации сильно влияют на электоральную политику. Как говорил Huntington, политические партии возникают и развиваются в городских условиях [4]. Лидерами партий становятся образованные, современно мыслящие люди, а партийная принадлежность кандидатов сильно зависит от того, где они выдвигаются – в городе или на селе. Предлагаемые нами в следующем разделе новации основаны на подобных соображениях.

Некоторые оценки и предложения

Число партий у нас велико – это действительно плохо. Но надо ли так отчаиваться по этому поводу, как делает это большинство авторов, в том числе и Moser? Задумаемся, было ли бы хорошо для страны, если бы МС, в соответствие с законом Duverger-а, отсеивала бы все мелкие партии и оставляла только крупные? Какие крупные партии она оставила бы на этой стадии? КПУ, КПРФ и очередные партии власти этих стран?

Да, число партий надо сокращать. Но не любой ценой, ибо с водой можно выплеснуть ребёнка, нужного и перспективного ребёнка. Поэтому нам надо выбирать такие ИС, чтобы они не просто сокращали число партий, а сокращали разумно, давая им при этом заслуженные оценки. Чтобы оставались и укреплялись перспективные партии, а уходили в небытие неадекватные стоящим перед страной задачам.

Мы согласны с Moser-ом, что прямое применение закона Duverger-а в странах с недостаточно институционализированной партийной системой не приводит в чистом виде к результатам, ожидаемым для консолидированных демократий. Однако мы не согласны с той категоричностью, с которой он это заявляет, значительно упрощая при этом картину. Мы считаем, что, хотя у нас и нет партийной системы в её западном толковании, у нас уже есть нечто, что является её прообразом. У нас, во-первых, есть не легализованная, но абсолютно институционализованная партия власти. Кроме того, у нас есть достаточно институционализованная парадигма следующей дихотомии общественного сознания: вперёд, к реформам, или назад, к советскому прошлому. Первая идеологема сводится к призывам поддержать на вторых турах президентских выборов кандидата от партии власти (как это было в России в 1996 году и в Украине в 1999 году), противостоящего носителю второй идеологемы от коммунистической партии.

Можно высказать гипотезу, что свойство мажоритарной ИС укреплять двухпартийную систему, сокращая число партий, может начать играть свою позитивную роль лишь тогда, когда первая идеологема станет более чётко и однозначно ассоциироваться избирателем с одной какой-нибудь партией или блоком. А поскольку этого нет, избиратель путается и мечется между многообразием партийных названий и программных заявлений, пытаясь найти ассоциативные связи своих электоральных надежд с названиями партий. В результате такой путаницы, думается, эффект Duverger-а и не даёт результатов. Чем и пользуются так называемые независимые кандидаты.

Кроме того, как только, хотя бы частично, будут заполнены идеологически пустые интервалы спектра, преимущественно в лево- и правоцентристских его частях, сразу в сознании избирателя появятся значительно более чёткие картины партийной системы в стране, и он начнёт проявлять несвойственные ему сегодня обучаемость и стратегичность голосования.

Для этого и сам парламент должен активизировать, возбуждать и инициировать деятельность партий, в том числе и непарламентских, электоральных партий. Необходимо, чтобы он, создавая реальную, а не мифическую необходимость действий по ответственному управлению страной, стал ускорителем, возбудителем политического процесса, чтобы он, понимая силу своей роли в обществе, давал постоянные социальные заказы партиям, выжимая из них все "соки". Партиям в этой ситуации ничего другого не останется делать, как впитывать в себя "соки" из общества. И тогда это расшевелит общество, заставит его находить в себе и рекрутировать из себя в политику всё новые и новые кадры, способные дать свою духовную и интеллектуальную силу стране.

Так какой же должна быть ИС, чтобы способствовать этим условиям? Думается, что в наших условиях крайнего социального расслоения общества избирательное право, оставаясь всеобщим и равным, должно стать, так сказать, разнонаправленным, неодинаково распределённым среди разных социальных групп населения. Разные социальные группы должны на первых порах становления демократии, в силу неоднородности общества, иметь разную степень влияния на ветви формирования законодательных органов.

Общество переходного типа, в отличие от общества с установившейся демократией, представляет себой негомогенную среду, расслоенную на две части:

Первая часть, настроенная на прогресс и реформы. Это люди в основном городские, молодые и образованные.

Вторая часть, настроенная на консерватизм, на ностальгию и страх перед социальными последствиями реформ. Это, соответственно, люди сельские, немолодые и малообразованные.

Мы, в отличие от Moser-а и других авторов, считаем, что укрепление новых малых партий, производимое ПС-ветвью для ПК стран, и актуально и полезно. Важно лишь, чтобы укреплялись действительно достойные малые партии. Следовательно, надо распределить влияние электората на формирование парламента в смешанной ИС так, чтобы большее влияние на её ПС-ветвь имели те социальные группы населения, которые настроены более прогрессивно, и, в силу этой своей прогрессивности, лучше информированы и разбираются в современных тенденциях развития партийной системы страны. Ясно, что это представители первой выделенной социальной группы.

Вторая же группа, очевидно, скорее ориентирована на личные качества кандидатов. И в условиях, когда у нас в мажоритарных округах ещё не так велико влияние партий, когда личные качества играют первостепенную роль, их умение (а это, напомним, люди пожилые, сельские, пусть и малообразованные, но знающие жизнь и людей "не по учебникам") разбираться в людях, их моральных качествах больше подойдёт именно для мажоритарной ветви.

В городе, даже если голосуют за персоналии, всё равно в конечном итоге голосуют за партии, которых эти персоналии представляют или с которыми ассоциируются. В селе же, наоборот, голосуют за те партии, с которыми соотносят кто-то из известных им людей. Это различие станет ещё более выпуклым, если принять закон (как в Германии), что кандидат в мажоритарной ветви может выдвигаться только в той области (а то и в районе, городе), где сам проживает. Тогда их всех люди будут знать и правильно в них разберутся.

В новый парламент должны попасть партии растущие, перспективные, те партии, которые, попав туда, смогут вызвать отмеченную выше волну обратной связи с народом, волну социального заказа от органов власти к обществу, к простым людям. Город менее подвержен влиянию популизма, неважно откуда приходящего: с левого или правого края спектра. Село же этому подвержено, оно верит мифам и красивым конструкциям как вчерашнего, так и завтрашнего дня. Сельской бабушке, даже если она целый день смотрит телевизор, очень сложно отличить партию "Реформы и Порядок" от Народно-демократической партии или один Рух от другого. И не потому, что селяне не так умны, – вовсе нет. Дело в том, что село менее политизировано, там нет той атмосферы, того эфира, в котором носятся идеи и информация, более-менее адекватная реалиям политической кухни, нет политизированного общественного климата. Но зато там есть значительно более плотные социальные сети и внутренняя коммуникативность, благодаря чему им гораздо легче выбрать из своей среды нужных людей, отражающих их жизненные запросы, а также региональные, местные интересы.

Технически это можно реализовать так. Для каждого избирателя, имеющего, согласно смешанной системе, 2 голоса, производится пересчёт голосов и устанавливается дифференцированная степень влияния на каждую из ветвей ИС. Выделяются три признака: город-село; образованные-малообразованные; молодые-немолодые, которым присваиваются веса, скажем, по 0.2. Тем, кто попадает в первую группу по какому-либо признаку, голос по ПС-ветви увеличивается на 0.2, а по МС-ветви – уменьшается на столько же. И, соответственно, наоборот. Значения пересчитанных голосов будут в интервале от 0.4 до 1.6. При этом сумма этих новых дробных голосов избирателей по обеим ветвям по-прежнему будет равна 2, чем не будет нарушаться принцип равного избирательного права.

Скажем, молодой образованный горожанин будет иметь по МС-ветви: 1-0.2-0.2-0.2=0.4 голоса; а по ПС-ветви: 1+0.2+0.2+0.2=1.6 голоса. И наоборот, немолодой малообразованный селянин по МС-ветви будет иметь 1.6, а по ПС-ветви – 0.4 голоса. Молодой образованный селянин по МС-ветви получит: 1-0.2-0.2+0.2=0.8 голоса, а по ПС-ветви: 1+ 0.2+0.2-0.2=1.2. Немолодой малообразованный горожанин по МС-ветви: 1+0.2+0.2-0.2=1.2, по ПС-ветви: 1-0.2-0.2+0.2=0.8. Можно брать коэффициент равным не 0.2, а, скажем, помягче – 0.1, или, наоборот, порезче.

Ясно, что это скажется на нарезке округов, ибо меняется их представительность. Размеры (число избирателей) сельских мажоритарных округов окажутся меньше городских, а их число, соответственно, больше. Но это будет нормально, ибо будет отражать объективное состояние общества. Потому что общество сегодня таково, что для него полезнее, когда вторая группа населения, которая, очевидно, больше сконцентрирована на селе, лучше подготовлена для принятия стратегических электоральных решений по МС-ветви. И, соответственно, первая группа больше концентрируется в крупных городах, а их уровень более подходит для принятия стратегических решений по ПС-ветви.

И ещё один нюанс. В силу третьей части закона Duverger-а получится так, что вторая группа будет больше влиять на укрепление крупных партий. На Западе Украины это, по-видимому, ещё долгое время будет некая партия национально-демократического, правого направления. На Востоке страны, соответственно, настроенная пророссийски партия левого толка. И это тоже нормально, ибо адекватно ситуации. Поскольку общество в Украине фактически именно таково, то стоит, видимо, стремиться наряду с достижением стратегической цели выравнивания, нивелирования такого разде-

ления страны в короткой перспективе стараться, чтобы это досадное разделение наилучшим, по возможности, способом трансформировалось в электоральные решения народа, вынесло бы на гребень политической волны те партии, которые наиболее осмысленным и адекватным образом были оценены на выборах наиболее подготовленными для этого группами населения. В парламенте должны быть эффективно представлены, во имя избежания возможных конфликтов и расколов в обществе, все реально существующие общественные настроения в нём.

Введенными дробями мы фактически лишь усиливаем, подчёркиваем то, что реально и так существует в обществе, но что при существующей ИС, не учитывающей расслоения общества, проявляет себя смазанно, слепо и, благодаря этой смазанности, не структурирует должным образом политические силы как в парламенте, так и вне его. А в предлагаемом варианте в парламенте будут присутствовать как партии, адекватно и позитивно воспринимаемые политически продвинутой городской средой, так и скоррелированные с насущными потребностями и ожиданиями регионов персоналии. Данную концепцию, безусловно, можно рассматривать и в контексте двухпалатного парламента.

Так может быть преодолён и тот колоссальный разрыв, который существует сегодня между политическими институтами и большинством населения, разрыв, имеющий своим результатом неприязнь и раздражённость простых людей от одних только слов "Верховная Рада", "партия" и т.п. Подобное отношение людей имеет под собой почву – это не их институты, по большому счёту, они не ими создавались, не ими наполнялись содержанием и им не принадлежат. А раз так, то получается, что и государство не принадлежит людям, будучи отчуждено от них. Отсюда – социальная апатия, неверие в политические институты, всеобщий скепсис в обществе по отношению к своему будущему. Западные политологи ещё лет пять-семь назад назвали такое положение дел во взаимоотношениях политических институтов стран СНГ с населением феноменом "песочных часов". Это когда власть в обществе существует отдельно, сама по себе, а народ – сам по себе, а соединяет их узенький коридорчик шириной в несколько песчинок, невообразимо медленно пересыпающихся из одной части в другую, настолько медленно, что их можно считать практически не связанными друг с другом.

Мы убеждены, что ИС не должна (как, кстати, и Конституция) быть итогом политического спора, игры и противостояния между различными политико-финансовыми группировками в обществе. Она, прежде всего, должна быть итогом продуманных теоретических разработок, в результате которых, с учётом как мирового опыта построения консолидированных демократий, так и основных социальных слоёв нашего общества, должна быть найдена её оптимальная формула. Оптимальная в том смысле, чтобы адекватным способом мандаты в высший законодательный орган страны получали бы, с одной стороны, наиболее дееспособные и достойные граждане, а с другой – наиболее перспективные партии.

В заключение следует всё-таки отметить некоторые позитивные сдвиги на пути к институционализации партий в Украине. Это – назначение Виктора Ющенко премьер-министром с подачи парламента *(в настоящее время В.Ющенко не является главой правительства. Примечание редакции)*; образование чётких проправительственных групп фракций в парламенте (УНР-Батькивщина, ПРП-НРУ и т.п.); образование оппонирующей правительству связки СДПУ(о)-ДС как основы будущей серьезной политической силы, защищающей интересы всё более выпукло обозначаемой прослойки владельцев крупного капитала (хотя они сами о себе и говорят как о социал-демократах и центристах); и наконец, безусловно, полезные для общества разрушительные процессы в стане левых.

Предлагая данные новации, мы фактически тезис о неготовности ПК стран к демократии, о слабой институционализированности партийных систем в них дополняем более точным тезисом о том, что наше общество надо рассматривать не как гомогенное и единое целое, а как разношёрстную и крайне неоднородную среду, примерно столь же неоднородную, сколь не равны между собой доходы наших людей. Следуя из этой посылки, мы пытаемся, выделив основные кластеры в обществе, применять ИС не слепо ко всей стране, а адаптированно к каждому из выделенных кластеров. И тогда, по нашему мнению, внутри этих кластеров закон Duverger-а будет выполняться. Сейчас он не выполняется у нас не потому, что принципиально не может выполняться, как полагает Moser и другие исследователи, а потому, что ПК общество ещё очень рано рассматривать как одно целое, как единый общественный организм. Эти стереотипы восприятия общества, по понятным причинам сформировавшиеся у западных исследователей, не имеют ничего общего с тем, что в реальности представляют собой ПК страны, только начинающие свой нелёгкий путь к консолидированной демократии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Duverger M. Political Parties. L., 1954.
2. Elections: Perspectives on Establishing Democratic Practices. United Nations, New York, 1997, 58 pp., c.27.
3. Evans G. & Whitefield S. Identifying the Bases of Party Competition in Eastern Europe. // British Journal of Political Science, 23, #4, 1993.
4. Huntington S.P. Political order in changing societies. New Haven, L., 1968.
5. Moser R. G. Electoral Systems and the Number of Parties in Postcommunist States. // World Politics, Vol. 51, #3, April 1999, pp.359-384, c.5-22.
6. Reeve A. & Ware A. Electoral Systems: a comparative and theoretical introduction. Routledge, London, NY, 1992, 190 p., pp.1-4.
7. White S., Rose R. & McAllister J. How Russia Votes NY, Gratham House, 1997, 135 p.
8. Голосов Г.В. Пределы электоральной инженерии: "смешанные несвязанные" ИС в новых демократиях. // ПОЛИС, 1997, №3, с.102-113, с.15-19.
9. Голосов Г.В., Шевченко Ю.Д. Независимые кандидаты и зависимые избиратели: влияние социальных сетей на электоральную политику в России. // ПОЛИС, 1999, №4, с.108-121, с.20-22.
10. Таагепара Р., Шугарт М.С. Описание избирательных систем. // ПОЛИС, 1997, №3, с.114-136. Главы из книги Taagepara R. & Shugart M.S. Seats and votes. The Effects and Determinants of Electoral Systems. New Haven, 1989, c.1-14.

Анатоль АСТАПЕНКА,
дацэнт, намеснік старшыні БСДГ

ПАЛІТЫЧНЫЯ ПРАЦЭСЫ НА БЕЛАРУСІ Ў ГІСТАРЫЧНАЙ ПЕРСПЕКТЫВЕ І ІХ УЗАЕМАСУВЯЗЬ З НАЦЫЯНАЛЬНАЙ ІДЭЯЙ І НАЦЫЯНАЛІЗМАМ

Беларуская палітычная сітуацыя на мяжы трэцяга тысячагоддзя адметная тым, што ў параўнанні са сваімі суседнімі краінамі беларуская грамадзянская супольнасць мае вельмі слаба выражанае нацыянальнае аблічча. Ці можна наогул у такіх абставінах гаварыць пра існаванне беларускага нацыяналізму?

Па-першае вызначымся з разуменнем паняцця "нацыяналізм".

Найбольш аптымальны погляд на нацыяналізм ляжыць у спалучэнні ідэй, выпрацаваных заходнімі аўтарамі, і падыходаў рускіх рэлігійных філосафаў, якія ўзводзілі хрысціянскую любоў у ранг палітычнага прынцыпа. Зыходзячы з гэтага мы лічым, што для нацыяналізму характэрна наступнае:
- любоў да свайго народа;
- любоў да свайго краю;
- гонар за гісторыю свайго народа;
- павага і адчуванне адметнасці і непаўторнасці сваёй мовы;
- любоў да сваёй Айчыны, ці патрыятызм;
- вера ў Божае прызначэнне свайго народа;
- боль за няўдачы свайго народа і радасць за яго поспехі.

На нашу думку, хаця нацыяналізм у Беларусі не сфарміраваўся як дзяржаўная ідэалогія, як масавая свядомасць народа, ён мае перспектывы стаць такім у недалёкай будучыні. У канцы XX стагоддзя беларусы апынуліся ў становішчы французаў канца XVIII стагоддзя ці чэхаў пачатку XX стагоддзя. У наш час – эпоху развітых нацыянальных дзяржаў – беларусы з'яўляюцца адным з нямногіх у свеце народаў, нацыянальная ідэнтыфікацыя якіх яшчэ цалкам не сфарміравалася. Асноўныя прыкметы нацыі: агульнасць мовы, тэрыторыі і нацыянальнай дзяржавы – у Беларусі выглядаюць не лепшым чынам. І нездарма пра беларусаў доўгі час гаварылі як пра этнас, а не нацыю. У адрозненне ад сваіх продкаў, што жылі ў Вялікім княстве Літоўскім (далей – ВКЛ) і ўяўлялі магутны народ, які не раз даваў адпор і Маскве і крыжакам, беларусы "Северо-Западного края" Расіі былі насельніцтвам са слаба выяўленымі нацыянальнымі прыкметамі. Пісьменнасці сваёй не было – яна толькі нараджалася (пачынальнікі – Вінцэнт Дунін-Марцінкевіч, Багушэвіч, а потым Янка Купала і Якуб Колас), і не было нават адзінай назвы беларускага народа. Гучалі назвы "ліцвіны", "русіны", а найбольш – "тутэйшыя". А на Палессі казалі: " Мы не людзі, мы – паляшукі".

Аднак, нягледзячы на такую кволую нацыянальную свядомасць, к моманту бальшавіцкага перавароту 1917 года у беларусаў была створана свая пісьменнасць, прычым на аснове двух алфавітаў – лацініцы і кірыліцы, выпускалася свая газета – "Наша ніва", былі свае нацыянальныя паэты і пісьменнікі (Цётка, Я.Колас, Я.Купала, М.Багдановіч, Ш.Ядвігін і іншыя).

У гісторыі беларускага адраджэнцкага руху і звязанага з ім працэсам фармавання беларускай нацыі мы вылучаем чатыры перыяды. **Першая хваля** нацыянальнага адраджэння займае перыяд з 1861 г. па 1917 г. Перыяд ВКЛ намі не разглядаецца па прычыне таго, што ў тыя часы наогул яшчэ не пачаўся працэс фарміравання нацый у сучасным паняцці (магчыма, за выключэннем Англіі). Перыяд Вялікага княства Літоўскага (з XIII да XVI стагоддзя) – па нашай класіфікацыі – перыяд падзелу людзей па веравызнанні (формы манатэізму), па класіфікацыі Э.Геллнера – аграрны перыяд (перад-нацыянальны).

Гістарычна склалася так, што першым ідэалагічным вучэннем на Беларусі была сацыял-дэмакратыя, якая ўвасаблялася ў Беларускай Сацыялістычнай Грамадзе (БСГ), ці проста Грамадзе. Гэтая партыя была створаная шляхам рэарганізацыі Беларускай Рэвалюцыйнай Грамады (існавала з 1903 г.).

БСГ кіравалася дзвюма вельмі важнымі канцэпцыямі. Па-першае, яна выступала за сацыялізм, вызнавала марксізм, хаця і не мела зносінаў з расійскімі бальшавікамі. Па-другое – і гэты факт стаў вызначальным пры стварэнні БНР і БССР – вялікае месца ў праграме БСГ займала праблема ажыццяўлення нацыянальнай ідэі. Упершыню за ўсю гісторыю Беларусі ў складзе Расійскай Імперыі была створана праграма, дзе была выразна выказана ідэя аўтаноміі беларускіх зямель, аўтаноміі Беларусі ад Расіі. Хаця аўтаномія не прадугледжвала поўнай незалежнасці (Беларусь па праграме БСГ заставалася ў складзе Расійскай Імперыі), гэтая ідэя была на той час вельмі радыкальнай. Нітуючы пачатак і канец XX стагоддзя, можна сказаць, што абвяшчэнне Рэспублікі Беларусь у 1991 годзе ёсць завяршэнне і ажыццяўленне ідэй, сфармуляваных у праграме БСГ.

Пасля рэвалюцыі 1917 года ў Беларусі існавала дзве галоўныя палітычныя партыі: БСГ, якая ў 1918 г. была ператвораная ў БСДП (Беларускую сацыял-дэмакратычную партыю), і Камуністычная партыя Беларусі (КПБ).

Дзейнасць БСГ-БСДП непарыўна звязана з яе лідэрамі – Іванам і Антонам Луцкевічамі, Алесем Гаруном і іншымі. Самае галоўнае, што прынесла іх дзейнасць: праграма БСГ была рэалізаваная на практыцы фактам стварэння 25 сакавіка Беларускай Народнай Рэспублікі (БНР), праіснаваўшай, праўда, не доўга. Аднак да гэтага часу існуе ўрад БНР у эміграцыі (цяперашні прэзідэнт – Івонка Сурвіла).

Іншыя вынікі атрымаліся ад дзейнасці на Беларусі камуністаў (бальшавікоў). 1-га студзеня 1919 г. імі была ўтвораная БССР. Ёсць меркаванне, што штуршком для абвяшчэння БССР было папярэдняе ўтварэнне БНР.

У адрозненне ад цяперашніх часоў у 20-я гады жыццё Беларусі пад кіраўніцтвам камуністычнай партыі вызначалася шырокім нацыянальным уздымам, усеагульнай беларусізацыяй. Афіцыйную ідэалогію і палітыку тагачасных бальшавікоў можна аднесці да нацыянал-камунізму. Аднак ужо з 1929 года пачалася новая эпоха, пачалося станаўленне культу асобы Іосіфа Сталіна, пачаліся жорсткія рэпрэсіі, пад якія трапілі не толькі іншадумцы (былыя сацыял-дэмакраты, нацдэмы), але і нацыянал-камуністы (Вацлаў Ігнатоўскі, Цішка Гартны і іншыя).

Гэта становіцца зразумелым, калі ўсвядоміць наступную схему фармавання нацыі-дзяржавы: кожная нацыя, якая суіснуе з дамінуючай нацыяй у адной дзяржаве, для дасягнення дзяржаўнай незалежнасці павінна прайсці тры фазы:

– супольнае жыццё малой нацыі з вялікай у адной дзяржаве (беларусаў-тутэйшых з рускімі);

– дасягненне аўтаноміі ў рамках адной дзяржавы. Фактычна БССР у складзе СССР можна лічыць у нейкай ступені аўтаномнай рэспублікай. Аднак гэтая аўтаномія вельмі ўмоўная, бо ў таталітарнай дзяржаве, якой быў СССР, ні аб якіх свабодах не магло быць і гаворкі;

– барацьба за незалежнасць і як вынік – здабыццё яе.

Беларусь, абыходзячы другую з адзначаных стадый, 25 сакавіка 1918 г. стала незалежнай дзяржавай – БНР, а яе заступніца БССР з 1 студзеня 1919 г. – "раўнапраўнай" рэспублікай у складзе СССР. На самой справе БССР не мела нават сапраўднай аўтаноміі. Адно што можна адзначыць – пэўную культурную самастойнасць Беларусі.

Другая хваля нацыянальнага адраджэння: 1918-1929 гады (БССР), 1921-1939 гады (Заходняя Беларусь).

Гэты перыяд можна назваць перыядам найбольш плённага развіцця беларускай нацыі. За досыць кароткі перыяд у галіне беларусізацыі было зроблена больш, чым за ўсё мінулае стагоддзе. Выйшлі першыя беларускія слоўнікі: у 1926 г. у Мінску выйшаў беларуска-расійскі слоўнік, складзены М.Байковым і С.Некрашэвічам; у 1924 г. у Коўна выйшаў расійска-беларускі слоўнік В.Ластоўскага; надрукаваныя таксама галіновыя слоўнікі па фізіцы, хіміі і іншых навуках. Навукова-даследчае жыццё віравала ў асяроддзі першай беларускай навуковай установы Інбелкульта – папярэдніка Акадэміі Навук. Расквітнела беларуская проза і паэзія. Сфарміравалася нацыянальнае тэатральнае мастацтва і народная творчасць.

Ёсць усе падставы сцвярджаць, што к 1929 году на Беларусі амаль сфармавалася беларуская нацыя, хаця канчатковае завяршэнне гэтага працэсу не адбылося па вядомым прычынам. У той час з'явіліся і першыя тэарэтычныя працы, прысвечаныя беларускай праблематыцы. Асабліва трэба адзначыць ксяндза Адама Станкевіча, якім былі, па-сутнасці, закладзеныя асновы беларускага нацыяналізму.

Калі ў перыяд 20-х – 40-х гадоў ва Усходняй Беларусі ўсталяваўся камуністычны рэжым, то ў Заходняй панаваў капіталізм, які быў адносна больш лаяльным рэжымам і нават дазваляў шматпартыйнасць. Найбольш буйнай з беларускіх партый Заходняй Беларусі была БХДЗ (Беларуская хрысціянска-дэмакратычная Злучнасць), якой кіравалі Ян Пазьняк і ксёнз Адам Станкевіч. БХДЗ аб'ядноўвала ў сваіх шэрагах некалькі тысяч чалавек. Гэта былі галоўным чынам сяляне, а таксама збяднелая шляхта. Вялікі ўклад у развіццё нацыянальнай беларускай думкі зрабіў ідэолаг БХДЗ А.Станкевіч, які надрукаваў шэраг ключавых кніг аб хрысціянстве, беларускай нацыянальнай ідэі і якога можна лічыць заснавальнікам беларускага нацыяналізму.

Акрамя БХДЗ у Заходняй Беларусі існавалі і іншыя партыі: БСДРП (Беларуская сацыял-дэмакратычная рабочая партыя), БНФ (Беларускі народны фронт) і, нават, Беларуская нацыянал-сацыялістычная партыя.

У часы рэпрэсій галоўным абвінавачваннем, што выдвігалася дзеячам беларускай культуры, пісьменнікам, паэтам, мастакам, вучоным і іншай творчай інтэлігенцыі, было абвінавачванне ў "нацдэмаўшчыне", г. зн. у прыхільнасці да ідэалаў дэмакратыі і нацыянальнай ідэі – дакладней, да ўсяго нацыянальнага. Гэтая "нацдэмаўшчына" ўзводзілася амаль ў ранг нейкай ідэалогіі, варожай да сацыялістычных і камуністычных ідэй і наогул "да будаўніка камунізму". Але на самой справе "нацдэм" – гэта быў толькі ярлык, і ніякай тэорыі, канцэпцыі ці ідэалогіі нацдэмаўшчыны не існавала. Пад ярлык "нацдэма" маглі трапіць і былыя сацыял-дэмакраты з "Грамады", і хрысціянскія дэмакраты, што выехалі з Заходняй Беларусі у Савецкую Беларусь, і нацыянал-камуністы, і нават звычайныя беларускамоўныя пісьменнікі і паэты.

Слабасць нацыянальнай свядомасці беларусаў у часы Расійскай Імперыі, негатоўнасць утварыць сваю незалежную дзяржаву далі свое вынікі і ў даваеннай БССР, і ў Заходняй Беларусі, якія не здолелі сфармуляваць сваю нацыянальную ідэю. Творы найбольш грунтоўных мысліцеляў гэтай эпохі А.Станкевіча, В.Ластоўскага, Я.Лёсіка, Я.Самойлы не паспелі стаць усенародным набыткам – іх аўтары былі рэпрэсіраваныя, а кнігі – забароненыя.

У сувязі з гэтым гаварыць аб існаванні, прынамсі, палітычнага нацыяналізму і тым больш ідэалогіі нацыяналізму ў даваеннай БССР заўчасна. Аднак нацыянальны рух 20-х гадоў быў ужо асновай будучай нацыянальнай дзяржавы і канцэпцыі беларускага нацыяналізму, ажыццяўленню чаго перашкодзіў культ асобы, які прыпыніў гэтыя працэсы да эпохі перабудовы, што пачалася напрыканцы 80-х гадоў.

На працягу панавання савецкай улады фактычна адзінай ідэалогіяй у БССР была дзяржаўная, якую несла камуністычная партыя – КПБ, філіял саюзнай КПСС. З іншых ідэалагічных канцэпцый можна адзначыць толькі ідэі, выкладзеныя ў праграмах даваенных партый Заходняй Беларусі – БХДЗ і БСДП. Трэба адзначыць, што ні ліберальныя, ні кансерватыўныя традыцыі не былі вядомыя беларусам як у імперскай Расіі, так і ў Рэчы Паспалітай і ў БССР.

Гаворка аб гісторыі нацыянальнага руху на Беларусі была б не поўнай, калі не адзначыць хвалю нацыянальнага адраджэння пад час нямецкай акупацыі. Афіцыйна амаль усе арганізацыі нацыянальнага кшталту, якія ўзніклі ў 1941-1944 гадах на тэрыторыі Беларусі і якія не падтрымлівалі камуністаў, лічацца калабаранцкімі. Але заўсёды забываецца іншы бок гэтых падзей: вялікая частка нацыянальна свядомых беларусаў імкнулася да стварэння такой Беларусі, якая была б незалежнай як ад фашысцкай Германіі, так і ад камуністычнага Савецкага Саюза. Хаця большасць з гэтых людзей верылі ў сілы свайго народа і марылі аб яго лепшай будучыні, нельга забывацца і пра тых, што пайшлі на адкрытую здраду і сталі на бок Рэйха.

Другая сусветная вайна парадзіла **трэцюю хвалю** беларускага адраджэння. Ужо ў 1941 годзе была створаная Беларуская нацыянальная Самапомач, затым узнік Саюз беларускай моладзі (СБМ), арганізаваная Беларуская незалежніцкая партыя (БНП) і паўстала Беларуская аўтакефальная царква. У 1942 годзе на тэрыторыі акупаванай Беларусі быў арганізаваны шырокі нацыянальны рух – Беларуская Цэнтральная Рада (БЦР) на чале з Р.Астроўскім. З дапамогай БЦР была нават створаная свая нацыянальная армія – Беларуская Краёвая Абарона – у колькасці 23 тысяч чалавек. БЦР праводзіла вялікую асветніцкую і культурную працу. Былі адчынены беларускія школы, народныя бібліятэкі, адноўлена праца Мінскага Беларускага тэатру. Беларускімі кампазітарамі было напісана звыш 60 музычных твораў, сярод якіх балет кампазітара А.Туранкова "У лясным пушчары", аперэта М.Шчаглова на лібрэта Н.Арсеньевай "З выраю"; выдадзены зборнікі вершаў Н.Арсеньевай, Т.Лебеды, Л.Случаніна.

Кульмінацыяй дзейнасці БЦР стаў II Усебеларускі Кангрэс, што прайшоў у Мінску 27 чэрвеня 1944 г. Хаця кангрэс праходзіў у акупаваным Мінску, ён меў надзвычай вялікае прадстаўніцтва – дэлегаты былі ад усіх этнаграфічна беларускіх мясцін колькасцю 1039 асобаў.

Кангрэс асудзіў бальшавіцкі рэжым і ануляваў ўсе пастановы і законы, прынятыя савецкай уладай і палякамі. У заключным слове прэзідэнт Кангрэсу Яўхім Кіпель сказаў: "Сённяшнім сваім актам наш народ давёў усяму Свету, што ён не хоча ні маскоўскае, ні польскае апекі. Усе пастановы аб выхадзе з так званага Савецкага Саюзу і аб ануляванні маскоўска-польскіх дамоваў аб Беларусі прыняты аднагалосна. А гэта вельмі важна! Сярод тысячы двухсот чалавек не знайшлося ні аднаго, які б хацеў звароту бальшавікоў, які б хацеў панавання польскіх паноў на Беларусі. Бясспрэчна, гэта воля не толькі дэлегатаў – гэта воля ўсяго беларускага народу!"

Дэлегаты Кангрэса былі настроены вельмі рашуча. Але ўзнікае пытанне: чаму ж ніхто з прысутных на Кангрэсе не здолеў рэальна ацаніць свае шанцы ў барацьбе за незалежнасць Бацькаўшчыны? Яны ж былі на 100 адсоткаў нулявымі! Усе згаданыя падзеі праходзілі ў тыя часы, калі Савецкая Армія гнала нямецкіх акупантаў і няўзабаве вызваліла Мінск. Пра якую незалежную Беларусь у такіх умовах можна было гаварыць? Не дзіва, што амаль усе ўдзельнікі Кангрэсу былі ці закатаваныя савецкім НКУС, ці скончылі сваё жыццё ў эміграцыі. А сярод іх былі такія вядомыя людзі як генерал К.Езавітаў (як напісана ў "Матэрыялах Кангрэсу..." – "загінуў на бальшавіцкай шыбеніцы ў 1947 г."); славутыя паэткі Ларыса Геніюш і Наталля Арсеньева (абедзьве былі рэпрэсіраваныя); вядомы ўрадавец Народнага Камісарыяту Асветы БССР Аўген Калубовіч, які напісаў у эміграцыі вядомую зараз кнігу "Айцы Беларусі і іх лёс"; інжынер Іван Касяк – напісаў у эміграцыі кнігу "З гісторыі Беларускай аўтакефальнай царквы"; дацэнт БДУ, аўтар шматлікіх падручнікаў і навуковых прац Яўхім Кіпель і шмат іншых знакамітых людзей, імёны якіх толькі цяпер вяртаюцца з забыцця.

Такім чынам, у выніку шматлікіх рэпрэсіўных акцый на працягу 20-х – 50-х гадоў да моманту гарбачоўскай перабудовы – а менавіта з гэтых часоў пачынаецца новы гістарычны працэс у СССР – Беларусь падышла амаль абезгалоўленай, не маючай моцнай нацыянальна свядомай інтэлігенцыі, не маючай усведамлення сябе як нацыя і дзяржава. Дзве хвалі масавага тэрору – рэпрэсіі 30-х гадоў і пераслед "нацыяналістаў" пасля 1944 года – далі свае сумныя вынікі.

З прыходам гарбачоўскай перабудовы пачалася новая эпоха ў палітычных працэсах у Беларусі. У 1991 г. Беларусь атрымлівае незалежнасць. Атрымлівае нечакана, пры тым зусім не гатовая да яе, але стаўшая самастойнай, "як і ўсе", – як іншыя рэспублікі СССР, большасць з якіх марыла аб гэтай самастойнасці і лічыла сваё ўваходжаннне ў склад Саюза акупацыяй сваёй краіны Расіяй (напрыклад, прыбалты).

Галоўная рыса новага перыяду (90-я гады XX ст.) – падзенне аўтарытэта і ўсеабдымнасці камуністычнай партыі, падзенне таталітарнай сістэмы. Новы перыяд прынёс шматпартыйнасць і станаўленне новых (для былой БССР) палітычных ідэалогій.

Распад СССР – яскравая праява законаў тэорыі іерархічных многаўзроўневых сістэм (далей – ІМС), гэты факт азначае пераход да грамадства новага ўзроўню праз разбурэнне старога грамадства. Вядома, што сістэма, якае не мае зваротнай сувязі, самаразбураецца. Менавіта такой сістэмай была таталітарная дзяржава СССР. Яна характарызавалася нерухомай камуністычнай ідэалогіяй, разлічанай на механізм узброенага кіравання, а не на дакладныя веды і майстэрства. Гэтая ідэалогія стала прычынай разбурэння дзяржаўнай улады. Доўгачасовы адбор у складзеныя ёю ўстановы кіравання, куды ўваходзяць і установы кіравання мастацтвам, навукай і вытворчасцю, зрабіў уладу недзеяздольнай і накіраванай супраць уласнай падтрымкі.

Тэорыя ІМС разглядвае дзяржаву як іерархічную многаўзроўневую сістэму з невялікай колькасцю ўзроўняў, чые звязаныя выразы разгортваюцца далей і на ўсіх кроках разгортвання хутка набываюць зразумелыя і годныя ў карыстанні азначэнні. Без усведамлення ладу і руху ўсіх узроўняў дзяржавы беларускае заканадаўства было недзеяздольным, і толькі распад СССР і абвяшчэнне незалежнасці далі Беларусі магчымасць стварыць свой рухомы светапогляд, які фармаваўся на пачатку праз праграмы маладых беларускіх партый.

Шматпартыйнасць разгарнулася на Беларусі з пачатку 90-х гадоў, на цяперашні момант у краіне прадстаўлены фактычна ўсе асноўныя палітычныя плыні, што існуюць у краінах Заходняй і Усходняй Еўропы. У 1988 г. паўстаў Беларускі Народны Фронт, які паставіў сваёй мэтай дэмакратызацыю грамадства і нацыянальнае адраджэнне. У1990 г. быў прыняты Закон аб мовах, згодна якому беларуская мова станавілася адзінай дзяржаўнай мовай. Пасля абвяшчэння Рэспублікі Беларусь была прынята нацыянальная сімволіка – герб "Пагоня" і бел-чырвона-белы сцяг. Пачалася **чацвёртая хваля** нацыянальнага адраджэння, якая доўжылася з1988 па 1996 год – год рэферэндума, пасля якога была вернута ў некалькі мадыфікаваным выглядзе ранейшая савецкая сімволіка і быў прыняты закон аб дзвюх дзяржаўных мовах: беларускай і рускай, што адмоўна адбілася на распаўсюджанні і развіцці беларускай мовы. Усё ж за гэты кароткі прамежак часу было зроблена вельмі шмат. Адкрываліся беларускія класы і школы, няўхільна беларусізавалася вышэйшая школа, упершыню адкрыта друкаваліся творы нацыянал-дэмакратаў часоў культа асобы, тых, хто доўгі час насіў ярлык "ворага народа". Грамадзянам Беларусі нарэшце сталі даступныя творы Язэпа Лёсіка, Вацлава Ластоўскага, Ларысы Геніюш, Усевалада Ігнатоўскага... Стала магчымым выдаць кнігу "Па слядах аднаго міфа" сучаснага гісторыка Міколы Ермаловіча, якая была пад забаронай, а яе аўтар не меў уваходу ў акадэмічныя інстытуты.

Здавалася б, што абвяшчэнне незалежнасці Беларусі на фоне такога ўздыму нацыянальнага адраджэння дадасць не толькі больш магчымасцей для беларускага руху, але і зробіць працэс фарміравання беларускай нацыі-дзяржавы неадваротным.

Але ў 1991 годзе – годзе абвяшчэння незалежнасці шэрагам постсавецкіх рэспублік – Беларусь была, відавочна, адзінай з іх, якая не была гатовая да дзяржаўнай незалежнасці. Калі у жыхароў Прыбалтыкі ідэя сваёй дзяржавы жыла на ўзроўні самага занядбалага абывацеля, то для беларусаў яна была незразумелай і асацыявалася хутчэй з даўнімі, але не забытымі гулагаўскімі лагерамі.

Зыходзячы з прыведзенай вышэй канцэпцыі ўтварэння нацыі-дзяржавы, кожная нацыя павінна заваяваць свой суве-

ДИСКУССИЯ

рэнітэт, перад гэтым прайсці шлях аўтаноміі і вельмі захацець незалежнасці. Так было ва ўсіх рэспубліках былога СССР, акрамя Беларусі. Працэс утварэння нацый-дзяржаў, які пачаўся для большасці народаў, як мы вышэй адзначалі, яшчэ ў XIX стагоддзі, дасягнуў кульмінацыі ў канцы ХХ-га стагоддзя. Ідэалогія нацыяналізму запанавала паўсюдна. Але ў Беларусі гэтая ідэалогія не стала масавай. Носьбітамі яе стала невялікая частка народа, якая і стварыла БНФ.

Напачатку, у 1988 годзе, ідэі дэмакратыі і нацыянальнага адраджэння крочылі побач. Недахоп таго і другога ў грамадстве, шматгадовая адсутнасць свабоды слова і друку, ганебны стан беларускай мовы і нацыянальнай культуры нечакана, пасля 30 кастрычніка 1988 года – часу правядзення знакамітых "Дзядоў", скончыліся ўзнікненнем шырокага руху за дэмакратыю – Беларускага Народнага Фронту (БНФ).

БНФ з самага пачатку аказаўся на вяршыні палітычных працэсаў у Беларусі і задаваў пэўны тон у дзяржаўнай палітыцы, карыстаючыся ў вялікай ступені разгубленасцю камуністаў і працэсам распаду СССР. Аднак з 1995 году, пацярпеўшы паразу на выбарах у ВС, роля і аўтарытэт БНФ у грамадстве пачалі імкліва падаць.

На нашую думку, галоўныя памылкі БНФ былі наступныя:

1. Пераацэнка ролі нацыянальнага адраджэння. Узяўшы за ўзор станаўленне прыбалтыйскіх краін, дзе нацыянальнае самавызначэнне дамінавала, БНФ не ўлічыў менталітэт свайго народа, далёкі ад нацыянальнай дамінанты, і згубіў большасць электарату. БНФ, хаця і ўзяў сабе назву "народны", быў у сваёй большасці вельмі далёкім ад большай масы беларускага народа. Кіраўніцтва БНФ, якое складалася галоўным чынам з нацыянальна свядомай інтэлігенцыі, вылучыла на пярэдні план беларускую нацыянальную ідэю, не ўлічыла матэрыяльны чыннік і слабую беларускую эканоміку. Палітолаг У.Роўда слушна адзначае, што Беларусь нельга назваць нацыянальнай дзяржавай – незалежнасць яна атрымала раней, чым скончыўся працэс фармавання нацыі [1].

2. Увядзенне ў беларускую мову правапісу Браніслава Тарашкевіча (тарашкевіцы). Тарашкевіца была ўведзена і ў абіход, і ў прэсу, і ва ўнутранае справаводства, што аказалася заўчасным. Гэты акт адпіхнуў ад БНФ вялікую колькасць беларускамоўных настаўнікаў, літаратараў і пісьменнікаў. Наогул, на момант пачатку 90-х гадоў ХХ-га стагоддзя тарашкевіца амаль нідзе ва ўжытку не захавалася. Ёю карысталіся толькі беларускія эмігранты ды невялікія дыялектныя групы, тэрытарыяльна блізкія да Польшчы.

3. Нагнятанне варожасці да Расіі паступова складала ў электарата імідж БНФ, як фашысцкай арганізацыі. А дзякуючы шматлікім выступленням лідэра БНФ Зянона Пазьняка супраць Расіі (напрыклад, артыкул "О русском империализме", надрукаваны ў студзені 1994 года ў "Народнай газеце"), БНФ адштурхнуў ад сябе вялікую масу простых людзей, якія даўно прызвычаіліся жыць разам з рускімі і якім была незразумелай пазьнякоўская нялюбасць да Масквы. У Беларусі жыве каля 13% рускіх, яе жыхары маюць моцныя сувязі з Масквой і, што галоўнае, – у вялікай колькасці грамадзян Беларусі з гадамі склаўся нават рускі менталітэт. І, зразумела, палітыка ў адносінах да нашай вялікай суседкі – Расіі – павінна быць зусім іншай, больш гібкай і станоўчай.

4. Амбіцыі лідэра БНФ З.Пазьняка, і як вынік – за 10 гадоў (з 1989 па 1999 год) склад БНФ амаль цалкам аднавіўся. Нязадольнасць Пазьняка прыслухоўвацца да думак паплечнікаў прывяла да таго, што ад кіраўніцтва БНФ адышоў шэраг вядомых палітыкаў: Валеры Сядоў (з 1992 г.), Валянцін Голубеў, Вера Чуйко, Віктар Івашкевіч (пасля 1995 г.) і многія іншыя. Гэтая эгацэнтрычная пазіцыя прывяла да расколу БНФ улетку 1999 г., пасля якога частка "пазьнякоўскага" БНФ засталася без галоўнай інтэлектуальнай сілы, з якой пачынаўся Фронт – Юрыя Хадыкі, Вінцука Вячоркі і Лявона Баршчэўскага. Заявілі аб сваім неўваходжанні ў новую хрысціянска-кансэрватыўную партыю З.Пазьняка і такія вядомыя людзі як Рыгор Барадулін і Анатоль Грыцкевіч. Усе яны засталіся ў ранейшай партыі БНФ.

Пасля расколу БНФ у 1999 годзе на дзве незалежныя палітычныя структуры: партыю БНФ (старшыня Вінцук Вячорка) і Кансерватыўна-хрысціянскую партыю (КХП) – партыя БНФ (старшыня Зянон Пазьняк) – сумарны аўтарытэт абодвух БНФ трошкі зменшыўся, хаця асноўная маса электарату засталася.

За 10 год пабудовы дэмакратыі ў незалежнай Беларусі акрамя БНФ, што была ў 1989 годзе адзінай апазіцыйнай палітычнай сілай, к 2000 году вырас шэраг іншых партый і грамадскіх рухаў. Пасля перарэгістрацыі партый у 1998 годзе ў краіне налічвалася 18 палітычных партый.

Па характару сваёй дзейнасці партыі дзеляцца на тры групы:

1. Партыі, якія падтрымліваюць палітыку прэзідэнта і ўрада. Да іх адносяцца: Камуністычная партыя Беларусі (старшыня В.Чыкін), Беларуская патрыятычная партыя (старшыня Д.Улаховіч), Сацыял-дэмакратычная партыя Народнай Згоды (лідэр – Л.Сечка), Рэспубліканская партыя працы і справядлівасці (старшыня А.Нятылькін), Аграрная партыя, Рэспубліканская партыя.

2. Партыі, апазіцыйныя прэзідэнту і ўраду: партыя БНФ (старшыня В.Вячорка), КХП – партыя БНФ (З.Пазьняк і в.а. старшыні Ю.Беленькі), Беларуская сацыял-дэмакратычная Грамада (БСДГ) (старшыня С.Шушкевіч), Беларуская сацыял-дэмакратычная партыя (Народная Грамада) (старшыня М.Статкевіч), Аб'ядная грамадзянская партыя (старшыня А.Лябедзька), жаночая партыя "Надзея" (старшыня В.Палевікова), Партыя працы (старшыня Л.Лемяшонак).

3. Партыі, якія "хістаюцца", не прымкнулі ці выйшлі з блоку апазіцыйных партый: Ліберальна-дэмакратычная партыя (ЛДП, старшыня С.Гайдукевіч), Партыя камуністаў Беларуская (ПКБ, старшыня С.Калякін) і яшчэ некалькі дробных партый. Адзначым, што ЛДП на працягу 1999-2000 гадоў уваходзіла ў Кансультацыйны савет апазіцыйных палітычных партый (далей – КС ОПП). Аднак пазней, прыняўшы рашэнне аб удзелу ў выбарах у Палату прадстаўнікоў, ЛДП часова прыпыніла сваю дзейнасць у КС ОПП. Зараз яна яго аднавіла. Яшчэ раней (на выбарах у Вярхоўны Савет 1995 г.) партыі С.Гайдукевіча і С.Калякіна былі вядомыя як прапрэзідэнцкая.

Па рэйтынгу папулярнасці першынства мае жаночая партыя "Надзея". Кожная з партый БНФ пасля расколу набірае крыху больш 2%. Адносна высокі рэйтынг мае БСДГ, што, відавочна, абумоўлена вялікай папулярнасцю Станіслава Шушкевіча, які ўзначальвае партыю. Ніжэй мы прыводзім табліцу рэйтынгу палітычных партый па дадзеных Незалежнага інстытута сацыяльна-эканамічных і палітычных даследванняў (першая палова 2000 года):

Калі б на Беларусі сёння адбыліся парламенцкія выбары, за прадстаўніка якой з партый Вы б прагаласавалі?, %	Сакавік 2000 г.
ПАЛІТЫЧНЫЯ ПАРТЫІ	
Аб'ядная грамадзянская партыя (С.Багданкевіч)	4,5
Кансерватыўна-Хрысціянская партыя – партыя БНФ (З.Пазьняк)	2,2
Беларускі народны фронт "Адраджэнне" (В.Вячорка)	2,1
Беларуская Сацыял-дэмакратычная партыя (Народная Грамада) (М.Статкевіч)	2,0
Беларуская Сацыял-дэмакратычная Грамада (С.Шушкевіч)	4,2
Партыя працы (А.Бухвостаў)	1,7
Партыя жанчын «Надзея» (В.Палевікова)	5,8
Партыя камуністаў Беларуская (С. Калякін)	2,4
Камуністычная партыя Беларусі (В.Чыкін)	3,3
Ліберальна-дэмакратычная партыя (С.Гайдукевіч)	1,8
Беларускае аб'яднанне «Яблоко»	1,6
Іншыя партыі	1,2

Вынікі апытання сведчаць аб нявысокай палітычнай культуры беларускіх грамадзян. Высокі рэйтынг жаночай партыі "Надзея" тлумачыцца толькі тым, што гэтая партыя мела на мэце навіта жаночая, бо аніякіх істотных палітычных дзеянняў гэтая партыя не правяла.

На Беларусі *камуністычная ідэалогія* прадстаўлена дзвюма партыямі КПБ (падтрымлівае прэзідэнта) і ПКБ (яе можна аднесці да трэцяй групы).

Сацыял-дэмакратычная ідэалогія – найбольш папулярная ў Беларусі. Адпаведных партый на Беларусі – 3 (партыі, у назве якіх ёсць словы сацыял-дэмакратычная). Гэта – БСДПНЗ (Беларуская сацыял-дэмакратычная партыя Народнай згоды); БСДГ (Беларуская сацыял-дэмакратычная Грамада) і БСДП (НГ) (Беларуская сацыял-дэмакратычная партыя (Народная Грамада)). Нягледзячы на блізкасць назваў, усе гэтыя партыі маюць розныя погляды на беларускую палітыку. Першая з іх прытрымліваецца афіцыйнага, прэзідэнцкага курсу, і дзейнасць партыі не выходзіць за рамкі "згоды з урадам", БСДП з'яўляецца правацэнтрысцкай партыяй, а БСДП (НГ) – партыя больш левага накірунку, утвораная ў выніку аб'яднання БСДГ (зарэгістраваная ў 1991 г., першы старшыня М.Ткачоў) і Партыі народнай згоды.

Акрамя гэтых партый да сацыял-дэмакратычнага накірунку адносяць сябе Партыя жанчын "Надзея", Беларуская партыя працы, Рэспубліканская партыя працы і справядлівасці.

Ідэалогія нацыяналізму. У вялікай ступені яна стаіць у аснове праграм абодвух БНФ, ёй нададзена значнае месца ў БСДГ. Цалкам на пазіцыях нацыяналізму стаяла не падаваўшая на перарэгістрацыю 1998 года ў Міністэрства юстыцыі Беларуская нацыянальная партыя (БНП), якая ўзвяла прынцып нацыяналізму ў ранг галоўнага праграмнага прынцыпа. У праграме БПН было запісана: "Нацыяналізм – лепшая духоўная якасць асобы чалавека. Надышоў час вярнуць гэтаму слову яго спрадвечны станоўчы сэнс. Нацыяналізм – гэта адданасць сваёй нацыі, нацыяналізм – гэта змаганне нацыі за яе волю і незалежнасць, за яе духоўную і фізічную моц, за права нацыі быць роўнай сярод роўных".

Ідэалогія лібералізму – аснова праграмы Аб'яднанай грамадзянскай партыі (АГП) і вызнаецца таксама Ліберальна-дэмакратычнай партыяй (ЛДП). Характэрна, што ў сацыяльным складзе абедзьвух партый дамінуюць прадстаўнікі бізнесу, прадпрымальнікі. Аднак шчыльных кантактаў партыі не маюць.

Ідэалогія кансерватызму. На Беларусі адсутнічаюць партыі, якія б насілі такую назву, няма і партый, якія б суцэльна кіраваліся ідэалогіяй кансерватызму. Для той жа КХП – партыі БНФ галоўны прынцып не ў хрысціянскай дэмакратыі і не ў кансерватызме, ён цалкам уключаны ў паняцце "нацыянальна-вызвольны рух".

У прынцыпе, адсутнасць кансерватызму на Беларусі зразумелая. Яна абумоўлена разрывам векавых традыцый, масавай адсутнасцю нацыянальнай свядомасці беларусаў і іншых неабходных кампанентаў, уласцівых кансерватызму.

Ёсць, аднак, сярод беларускіх аналітыкаў і такія, якія спрабуюць сканструяваць мадэль беларускага ліберальнага кансерватызму. На наш погляд, гэта заўчасна [2].

Хрысціянска-дэмакратычная ідэалогія. Ніводная з партый, якія прайшлі перарэгістрацыю ў 1999 г. і пазней, не носіць назвы такога кшталту. Але трохі раней (да перарэгістрацыі) існавала тры партыі хрысціянска-дэмакратычнага накірунку: Беларуская хрысціянска-дэмакратычная Злучнасць (БХДЗ), Хрысціянска-дэмакратычны выбар (ХДВ) і Беларуская хрысціянска-дэмакратычная партыя (БХДП). (Апошняя ўтварылася ў свой час у выніку раскола БХДЗ – першай партыі такога накірунку.) Усе гэтыя партыі мелі малы аўтарытэт у грамадстве, былі маласлікія і заканамерна зніклі.

Сярод іншых партый ідэі хрысціянскай дэмакратыі прысутнічаюць у праграмах БНФ, КХП – партыі БНФ, БНП, а таксама БСДГ.

Чаму ж атрымалася так, што найбольш уплывовыя на Захадзе ідэі хрысціянскай дэмакратыі, амаль не ўспрымаюцца ў Беларусі? Адказ просты. Па-першае – гэта слабасць шматпартыйнай сістэмы наогул. Па-другое, за гады панавання камуністычнага рэжыму і манаполіі камуністычнай ідэалогіі быў выхаваны грамадзянін з атэістычным светапоглядам. Для шырокіх мас людзей хрысціянства ў палітычным жыцці не ўспрымаецца, як не ўспрымаецца рэлігія наогул.

Тым не менш, вялікі колькасны рост царкоўных прыходаў усіх канфесій надае надзею на лепшую будучыню хрысціянскай дэмакратыі ў Беларусі.

Чаму ж у 90-я гады ХХ ст. не з'явілася моцная хрысціянская-дэмакратыя, а тыя кволыя парасткі хэдхкаў, увасобленыя ў партыях Беларуская Хрысціянска-дэмакратычная Злучнасць ці Хрысціянска-дэмакратычны выбар, хутка трапілі ў нябыт? Некаторыя тлумачаць гэта тым, што Беларусь з'яўляецца шматканфесійнай краінай, што перашкаджае стварэнню моцнай хрысціянска-дэмакратычнай партыі. Такі погляд цалкам памылковы.

Па-першае, і ў 30-я гады Заходняя Беларусь была шматканфесійнай, але Ян Пазьняк і Адам Станкевіч кіравалі моцнай хрысціянска-дэмакратычнай партыяй, якая мела сваю салідную газету "Беларуская крыніца". Акрамя таго, у наш час не існуе аднаканфесійных краін. Напрыклад, у Германіі некалькі канфесій, і пры гэтым няма перавагі якой-небудь аднОй: каталікаў і пратэстантаў (лютэран) прыкладна пароўну. Тым не менш, творца "нямецкага цуда" Людвіх Эрхард быў хрысціянскім дэмакратам, а

адпаведная партыя была ў той час ва ўладзе. У Польшчы, што лічыцца каталіцкай дзяржавай, жыве каля мільёна праваслаўных, якія маюць аўтакефалію.

Па-другое, у Беларусі ў наш час любая партыя, заснаваная на пэўных ідэалагічных прынцыпах, будзе слабай. У грамадстве цяпер бярэ верх прагматызм. І не дзіўна, што найбольшую моц у Рэспубліцы Беларусь мае "партыя ўлады".

Гістарычна (з часоў французскай рэвалюцыі 1789 г.) склалася так, што партыі, якія выступалі за радыкальныя палітычныя змены, назваліся "левымі", а тыя, што выступалі за захаванне існуючага становішча,– "правымі". Таму партыі сацыял-дэмакратычнага і камуністычнага накірунку пачатку XX стагоддзя, якія змагаліся за рашучую змену рэжыму і нават за рэвалюцыю, атрымалі назву "левых". Кансерватары, якія выступаюць за захаванне традыцый, мовы і культуры і не імкнуцца да радыкальных зменаў у існуючым грамадстве, належаць да правага крыла партый. Лібералы ж абыякава ставяцца да традыцыяналізму, але, тым не менш, таксама лічацца правымі. Гэта абумоўлена тым, што яны стаяць за свабодную, рынкавую эканоміку, адмаўляюць дзяржаўнае кіраванне эканамічнымі працэсамі, а апошняя тэза (дзяржаўнае кіраванне) – стрыжань сацыялістычнай (левай) ідэалогіі. А раз антыпод "левага", значыць – "правы".

У наш час розніца паміж левымі і правымі ідэалогіямі істотна змянілася. Сацыял-дэмакраты пачалі выступаць за шматукладную эканоміку і фактычна пачалі зыходзіць з левага флангу. Лібералы, наадварот, пачалі ўводзіць элементы дзяржаўнага кіравання ў эканоміцы – а гэта ўжо ўхіл у левы бок. З другога боку, партыі, якія выступаюць за істотныя змены рэжыму ў наш час, – не сацыялістычнага накірунку, а, наадварот, іх апаненты: ліберальныя, нацыянальныя і іншыя, – тыя, што лічацца правымі партыямі.

Пасля развалу СССР утварылася шмат партый ліберальнага, нацыянальна-дэмакратычнага, сацыял-дэмакратычнага накірункаў, што процістаялі камуністычным партыям рэспублік былога СССР, і тое, што яны выступалі за змены рэжыму, таксама ставіць іх на правы фланг. Хаця, ідучы за логікай першапачатковага з'яўлення разглядаемай тэрміналогіі, усе згаданыя партыі можна было б залічыць да "левых" (бо яны за змены), а застыўшую ў сваім развіцці кампартыю – да "правай".

Такім чынам, сучасная класіфікацыя ідэалогій не зводзіцца да лінейнага прынцыпу мінулага, XIX, стагоддзя. Неабходна ўлічваць розныя фактары: характар эканомікі, характар рэжыму, адносіны да нацыянальнай ідэі і іншыя.

Абмяжуемся цяпер толькі дзвюма прыведзенымі фактарамі, характар эканомікі – характар рэжыму, і паспрабуем адлюстраваць суадносіны паміж ідэалогіямі з дапамогай геаметрычных пабудаванняў.

На схеме №1, якая прыведзена ніжэй, прадстаўлена класіфікацыя існуючых на сярэдзіну 2000 г. ідэалогій і палітычных партый – носьбітаў згаданых ідэалогій.

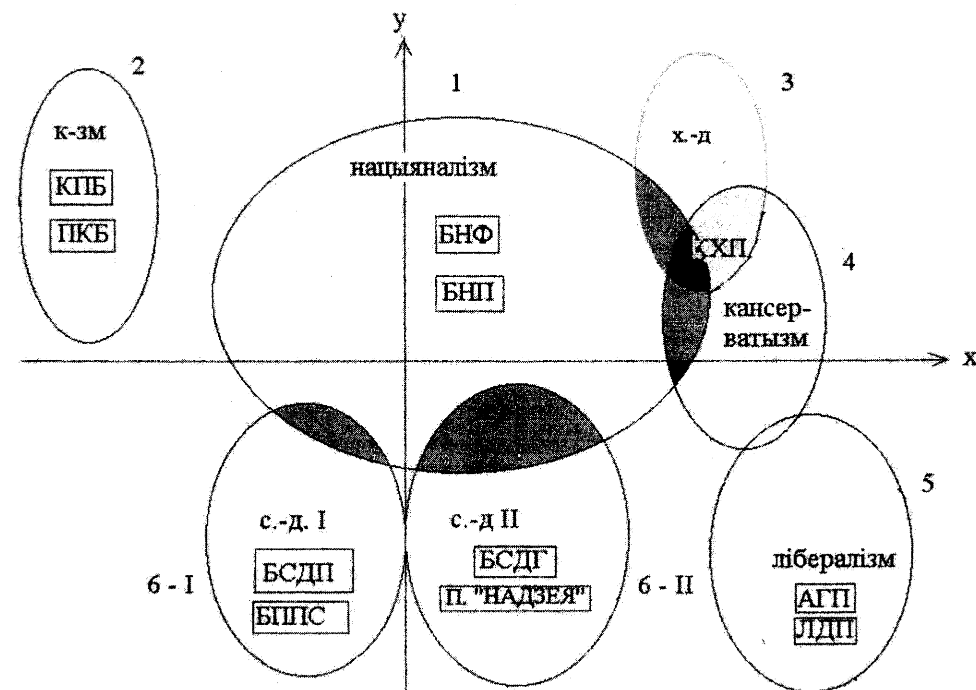


СХЕМА 1

Тлумачэнне да схемы №1

На схеме 1 у плоскасці васей X – Y, дзе X – вось фактара свабоды эканомікі, Y – вось фактара свабоды асобы, фігуры 1-11 адлюстроўваюць асноўныя палітычныя ідэалогіі Еўропы.

X + – бясконца вялікае значэнне свабоды эканомікі. Рынкавая эканоміка, займае самую правую пазіцыю на схеме (супадае з сучасным азначэннем правай ідэалогіі).

X - – крайняя левая пазіцыя. Яна адпавядае эканоміцы, цалкам кантралюемай дзяржавай.

Вось Y адпавядае ступені абмежаванасці свабоды асобы. Y + (верх восі Y) – аўтарытарны рэжым. Y- (ніжняя частка восі Y) – індывідуалізм, прыярытэт асобы чалавека над дзяржавай і іншымі грамадскімі групамі і класамі.

Фігуры, пранумераваныя лічбамі 1-11, адпавядаюць асноўным палітычным ідэалогіям сучаснасці.

<u>Фігура 1</u> – нацыяналізм. Галоўная арганізацыя, што спавядае гэтую ідэалогію, – Беларускі Народны Фронт (Рух існуе з 1988 г., партыя БНФ – з 1993 г.). Аднак у ніводнай праграме БНФ не выкарыстоўваецца тэрмін "нацыяналізм". Больш нацыяналістычны накірунак праграмных дзеянняў узяла на сябе Нацыянальна-дэмакратычная партыя Беларусі (НДПБ) (з 1995 г. у назве партыі слова "Беларусі" было заменена на слова "беларусаў"). Але адкрыта аб'явіла нацыяналізм асновай сваёй праграмы толькі Беларуская нацыянальная партыя (БНП), якая была абвешчана ў 1994 годзе.

Партыя КХП – партыя БНФ абазначана прамавугольнікам у правым верхнім вуглу на стыку фігур 1, 3 і 4. Сучасны статус яе больш блізкі да класічнага нацыяналізму, а абвешчаная ў 1999 г. КХП праграма дзеянняў, якая вылучыла галоўнай задачай стварэнне так званага "нацыянальна-вызвольнага руху", робіць яе падобнай да шэрагу партый, што паўставалі ў часы рэвалюцыйных пераўтварэнняў за нацыянальную свабоду пачатку нашага стагоддзя. Фактычна гэтая праграма ёсць выразнік ірэдэнтысцкага нацыяналізму ў Беларусі. У гісторыі ёсць шэраг прыкладаў такой барацьбы, якая канчалася як паразамі (паўстанне К. Каліноўскага), так і перамогамі (казацкі рух Б. Хмяльніцкага на Украіне). КХП, магчыма, яшчэ стане кансерватыўнай партыяй, але гэта адбудзецца толькі тады, калі яна стане на шлях памяркоўных, паступовых змен у грамадскім ладзе, што сцвярджае класічны кансерватызм.

Авал нацыяналізму – 1, мае агульныя пункты сутыкнення з іншымі ідэалогіямі (акрамя лібералізму і камунізму) – сегменты 8, 10.

<u>Фігура 2</u> – камуністычная ідэалогія. У Беларусі яе прадстаўляюць дзве партыі – КПБ і ПКБ. Блізка да іх стаіць таксама Патрыятычная партыя. Фігуры 1 і 2 не перасякаюцца, што азначае адсутнасць нацыянал-камунізму ў Беларусі.

<u>Фігура 3</u> прадстаўляе **хрысціянска-дэмакратычную ідэалогію**. Як ужо адзначалася, у цяперашні момант афіцыйна ніводная з партый не спавядае гэтай ідэалогіі. Аднак ёсць асобныя носьбіты хрысціянска-дэмакратычнай ідэі як сярод людзей, так і грамадскіх арганізацый. Да перарэгістрацыі 1998 года афіцыйна існавалі наступныя хрысціянска-дэмакратычныя партыі: БХДЗ (Беларуская Хрысціянска-дэмакратычная Злучнасць), ХДВ (Хрысціянска-дэмакратычны выбар (ХДВ), Беларуская Хрысціянска-дэмакратычная партыя (БХДП).

<u>Фігура 5</u> – лібералізм. Галоўныя носьбіты ідэалогіі: Аб'яднаная Грамадзянская партыя (АГП) і Ліберальна-дэмакратычная партыя (ЛДП).

<u>Фігуры 6-І і 6-ІІ</u> – сацыял-дэмакратыя. На схеме №1 фігура 6, адпавядаючая сацыял-дэмакратыі, падзелена на дзве фігуры, 6-І і 6-ІІ, займаючыя рознае становішча на малюнку. Гэта абумоўлена некаторымі прынцыповымі разыходжаннямі паміж вядучымі партыямі абедзвюх галін сацыял-дэмакратыі: Беларускай сацыял-дэмакратычнай Грамадой (БСДГ) і Беларускай сацыял-дэмакратычнай партыяй (Народная Грамада) (БСДП (НГ)).

БСДП (НГ) пасля аб'яднання з Партыяй народнай згоды ў 1995 г. падкрэсліла сваю левацэнтрысцкую платформу, працягвае традыцыі марксісцкай сацыял-дэмакратыі пачатку XX стагоддзя (напрыклад, удзельнічае ў святкаванні 1-га мая).

БСДГ утварылася пасля расколу Грамады, створанай у 1991 г. М.Ткачовым. У 1997 годзе не падтрымаўшая аб'яданне з ПНЗ частка былой БСДГ стварыла аргкамітэт па аднаўленню партыі, і пасля аб'яднання з Беларускай нацыянальнай партыяй (БНП) у 1998 годзе БСДГ была адноўлена. У праграме БСДГ, прынятай на 2-м з'ездзе ў 1999 годзе, адзначана, што БСДГ – партыя правацэнтрыскага кшталту. Яна не прытрымліваецца ўсталяванага сярод сацыял-дэмакратычных партый прынцыпу дзяржаўнага рэгулявання эканомікай, выступае за шматукладую эканоміку і ў першую чаргу – рыначную. Другой рысай БСДГ – таксама традыцыйная прыкмета "правага" ўхілу – з'яўляецца тое, што вялікая роля ў праграме адводзіцца нацыянальнаму адраджэнню і ўмацаванню дзяржаўнай незалежнасці Беларусі.

На нашай схеме змешчаны асноўныя палітычныя партыі і ідэалагічныя платформы, што існуюць у наш час на Беларусі. Іншыя, больш дробныя партыі, прымыкаюць да асноўных. Так, напрыклад, Патрыятычная партыя па свайму характару бліжэй за усё падыходзіць да ідэалогіі камунізма і адносіцца да фігуры 2, Рэспубліканская партыя Працы і Справядлівасці – гэта сацыял-дэмакратыя І (фігура 6-І) і г.д.

У заканчэнне адзначым, што прадстаўленая на схеме палітра беларускіх ідэалогій і партый мае некаторыя адметнасці ў параўнанні з палітрай іншых краін. Так, на Беларусі (у адрозненне, напрыклад, ад Украіны ці Польшчы) адсутнічае нацыянал-камунізм, і таму фігуры 2 і 1 не маюць агульных граніц.

Пабудаваная схема палітры ідэалогій не з'яўляецца застыўшай палітычнай структурай, яна сфарміравалася на працягу ўсяго 10 гадоў і адлюстроўвае стан беларускага грамадства на рубяжы XX-XXI стагоддзяў. Зразумела, яна будзе мяняцца, магчыма, дапоўніцца новымі фігурамі і сегментамі, але ў выніку, калі Беларусь будзе паспяхова ісці па шляху прагрэса, колькасць асноўных ідэалогій будзе змяншацца, а колькасць партый, магчыма, прыпыніцца на лічбе 2 – як гэта мае месца ў перадавых краінах Еўропы і Амерыкі (напрыклад, у ЗША існуе дзве партыі – рэспубліканская і дэмакратычная).

ЗАЎВАГІ

1. Роўда У. Нацыянальная ідэя і фарміраванне грамадзянскай супольнасці ў Беларусі. // Грамадзянская альтэрнатыва, 1999, №2, стар.9.
2. Глядзі, напрыклад: Міхаіл Пліско. Лібералізм і кансерватызм у сучаснай Беларусі. // Ад "тутэйшасці" да нацыянальнай дзяржаўнасці. Менск, 1999, стар.18-31.

ПРАГРАМНАЯ ЗАЯВА

Беларускага Народнага Фронту “Адраджэньне” Свабода-Незалежнасьць-Адраджэньне

Адраджэньне культуры й нацыянальнае сьвядомасьці

БНФ “Адраджэньне” зыходзіць з таго, што прагрэс чалавецтва магчымы толькі ў шматстайнасьці народаў; што пэрспэктыва Беларусі залежыць ад кансалідацыі Беларускага народу на падставе дэмакратычных і нацыянальна-культурных каштоўнасьцяў. Нацыянальнае адзінства – гарантыя выжываньня Беларусі ў надзвычайных эканамічных, палітычных, этнамоўных, экалягічных варунках.

Улічваючы, што Беларусь ёсьць спрадвечнай і адзінай Бацькаўшчынаю беларускага народу й толькі тут ён можа захаваць самабытнасць, БНФ выступае:

– за дзяржаўную палітыку разьвіцьця й аховы беларускае культуры й мовы пры дапамозе адпаведных законаў ды эфектыўны кантроль за іх выкананьнем, за прыярытэт беларускае мовы ў дзяржаўным і грамадзкім жыцьці;

– за адраджэньне й умацаваньне беларускае нацыянальнае сьвядомасьці, гістарычнае памяці;

– супраць спробаў асіміляцыі беларускага этнасу: палітыкі “дзьвюхмоўя”, скіраванай на недапушчэньне беларускае мовы ў ключавыя сфэры дзяржаўнага й грамадзкага жыцьця, палітыкі зьмяншэньня адноснае колькасьці карэннага этнасу на Беларусі;

– за дзяржаўную й грамадзкую падтрымку імкненьня захаваць нацыянальную тоеснасьць беларусаў за межамі Беларускае Рэспублікі, асабліва насельнікаў этнічна беларускіх земляў;

– за права кожнае этнічнае супольнасьці Беларусі на культурна-нацыянальную аўтаномію, на дзяржаўную дапамогу ў культурна-асьветнай дзейнасьці.

БНФ “Адраджэньне” сьцьвярджае, што Беларусь можа вярнуцца ў эўрапейскую й сусьветную супольнасьць народаў толькі праз адраджэньне шматвяковых культурных і навуковых традыцыяў.

БНФ выступае за свабоду творчасьці, культурнае й навуковае дзейнасьці на падставе агульначалавечых і нацыянальных маральных ды эстэтычных каштоўнасьцяў, за дзяржаўную падтрымку разьвіцьцю асьветы, навукі, культуры.

БНФ дамагаецца дэпалітызацыі й дэмілітарызацыі адукацыйнае сістэмы, лічыць мэтазгоднай шматстайнасьць формаў арганізацыі адукацыі (прыватныя навучальныя ўстановы), выступае за дзяржаўны кантроль за ўзроўнем базавае адукацыі й захаваньнем нацыянальных прыярытэтаў у адукацыйных установах. БНФ “Адраджэньне” лічыць жыцьцёва важным дзеля будучыні беларускага народу прыняцьце канцэпцыі нацыянальнае адукацыі.

БНФ патрабуе дэмакратызацыі навуковага жыцьця Рэспублікі, яго вызваленьня з-пад апекі ваеннага ведамства; эканамічнага прадухіленьня эміграцыі інтэлекту з Рэспублікі. БНФ “Адраджэньне” лічыць інтэлектуальны патэнцыял Беларусі найважнейшай падставаю яе дабрабыту.

Адраджэньню грамадзянскае супольнасьці, маральнасьці, сям’і як падставовай каштоўнасьці будзе спрыяць адраджэньне веры – істотнага чыньніку паўнавартаснага духоўнага жыцьця чалавека.

БНФ выступае за свабоду веравызнаньня й рэлігійнае дзейнасьці ў Рэспубліцы, эа роўнасьць канфэсіяў, за аддзяленьне атэістычнае прапаганды ад дзяржавы. БНФ рашуча пярэчыць спробам выкарыстоўваць вызнаньні дзеля расколу й разбурэньня беларускага этнасу. БНФ “Адраджэньне” – за грамадзка-нацыянальнае адзінства вернікаў і атэістаў Беларусі, за перавод набажэнства ў рэлігійных супольнасьцях, якія гуртуюць пераважна беларусаў, на беларускую мову.

Незалежнасьць Беларусі, праўная беларуская дзяржава, беларускае нацыянальна-культурнае адраджэньне – прыступкі да адраджэньня найвялікшае каштоўнасьці – *ЧАЛАВЕКА*, асобы, яе духоўнасьці, годнасьці й таленту. Галоўнае багацьце нашае Бацькаўшчыны – яе народ. Жыве народ – *ЖЫВЕ БЕЛАРУСЬ.*

Печатается по книге: “Палітычныя партыі і грамадска-палітычныя рухі Беларусі”. 2-е выданне. Тэматычны зборнік №21. Мінск, 1993, с.205-206

ИЗ ДЕКЛАРАЦИИ

программных целей и принципов Объединённой демократической партии (ОДПБ)

ЛИЧНОСТЬ И НАЦИЯ

Нация – это культурно-исторический феномен, этническая среда, в которой реализуются качества личности. Национальное многообразие – величайшее богатство человечества. Мир становится беднее, если исчезает даже малочисленная нация. У каждой нации свой путь, свое предназначение. Все наиболее важные политические, социальные экономические процессы преломляются через призму национального и приобретают уникальный и необратимый характер. Нивелировка наций, подавление национального самосознания – это не только насилие над нацией как таковой, но и над людьми, её составляющими, каждым человеком в отдельности. С другой стороны, если права нации становятся самодовлеющими или национальная общность сводится к общности “по крови”, то права личности неизбежно подавляются. Государственная независимость – не самоцель, а свобода личности – необходимое условие для утверждения независимости.

Стремление установить историческую справедливость и остановить процесс исчезновения белорусского языка – историческая необходимость. Белорусы имеют право разговаривать на том языке, на котором еще совсем недавно разговаривало подавляющее большинство населения республики. Вместе с тем мы полагаем, что политика государства в вопросе возрождения белорусского языка не должна нарушать права человека в частной жизни и лишать возможности родителей обучать детей на том языке, на котором они разговаривают в семье. Право удовлетворять свои культурные и языковые потребности должны быть гарантированы всем гражданам независимо от национальной принадлежности.

Мы считаем, что язык – один из главных признаков нации, но не единственный, и к нему нельзя свести все особенности национального характера и мировосприятия белоруса. Проживание в Республике Беларусь большого числа белорусов, разговаривающих на русском языке, – объективная реальность, с которой нельзя не считаться. Мы полагаем естественным существование и одновременное развитие как белорусско- и русскоязычной белорусской культуры, так и культур других народов Беларуси.

Возрождение Беларуси, включение её в сообщество цивилизованных стран требует не только национального самосознания как осознания своего отличия от других народов, но и уяснения своего сходства с ними. Основой этого сходства являются либеральные ценности, ценности, которые сделали Западную Европу и другие страны культурными и цивилизованными.

Принято на II съезде ОДПБ 6 ноября 1991 года

Печатается по книге: “Палітычныя партыі і грамадска-палітычныя рухі Беларус”і. 2-е выд. Тэматычны зборнік №21. Мінск, 1993, с.22-23

ЗАЯВА ПРЭЗІДЫУМА ВЯРХОЎНАГА САВЕТА БССР

Прэзідыум Вярхоўнага Савета Беларускай Савецкай Сацыялістычнай рэспублікі лічыць неабходным заявіць Вярхоўнаму Савету Літоўскай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі наступнае.

Тым, хто робіць у Літве спробы па ўвядзенню ў дзеянне Канстытуцыі Літвы ад 12 мая 1938 года, трэба ўлічваць. што ў 1938 годзе тэрыторыя Літоўскай рэспублікі была зусім іншай, і толькі ў выніку рашэнняў вышэйшых органаў Саюза Савецкіх Сацыялістычных Рэспублік Літоўскай рэспубліцы і Літоўскай Савецкай Сацыялістычнай Рэспубліцы былі перададзены спрадвечна беларускія тэрыторыі. Пры выхадзе Літоўскай ССР з Саюза ССР Беларуская ССР не будзе лічыць сябе звязанай усімі законамі, указамі і іншымі актамі адносна перадачы Літве часткі беларускіх зямель.

Акты па тэрытарыяльных пытаннях паміж Беларускай ССР і Літоўскай ССР грунтаваліся на Законе Вярхоўнага Савета СССР ад 3 жніўня 1940 года “Аб прыняцці Літоўскай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі ў Саюз Савецкіх Сацыялістычных Рэспублік”, які цяпер у аднабаковым парадку аб’яўлены літоўскім бокам несапраўдным.

Тым самым ён бярэ на сябе адказнасць за тое, што страчваюць сваю сілу пункт 2 указанага Закона Вярхоўнага Савета СССР ад 3 жніўня 1940 года адносна перадачы Літоўскай ССР Свянцянскага раёна і часткі тэрыторыі Відзаўскага, Гадуцішкаўскага, Астравецкага, Воранаўскага і Радунскага раёнаў Беларускай ССР, а таксама адпаведнае прадстаўленне Прэзідыума Вярхоўнага Савета Беларускай ССР і Прэзідыума Вярхоўнага Савета Літоўскай ССР і прыняты на гэтай аснове Указ Прэзідыума Вярхоўнага Савета СССР ад 6 лістапада 1940 года “Аб устанаўленні граніц паміж Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікай і Літоўскай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікай”.

Прэзідыум Вярхоўнага Савета Беларускай ССР у выпадку выхаду Літоўскай ССР з СССР будзе вымушаны перагледзець прынятыя ім рашэнні аб адміністрацыйна-тэрытарыяльнай будове адпаведных абласцей Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі, якія вынікалі з названых вышэй актаў.

Акрамя таго, улічваючы заяву літоўскіх улад аб іх негатоўнасці захоўваць у поўным аб’ёме “Дагавор аб перадачы Літоўскай рэспубліцы горада Вільня і Віленскай вобласці і аб узаемадапамозе паміж Савецкім Саюзам і Літвой”, заключаны 10 кастрычніка 1939 года паміж Прэзідыумам Вярхоўнага Савета СССР і Прэзідэнтам Літоўскай рэспублікі, паўстае пытанне і адносна захавання ў сіле прадугледжаных у ім тэрытарыяльных змяненняў у карысць Літвы.

Указаны дагавор, акрамя іншага, закрануў інтарэсы беларускага насельніцтва, якое пражывае на гэтай тэрыторыі, што знаходзілася з другой палавіны верасня 1939 года пад савецкай юрысдыкцыяй. Ён быў заключаны без паведамлення і згоды Беларускай ССР.

Акрамя таго, не трэба забываць, што заключэнне гэтага дагавора вынікае з сакрэтных дагаворанасцей у сувязі з савецка-германскім дагаворам аб ненападзе ад 23 жніўня 1939 года, які, як указана ў пастанове З’езда народных дэпутатаў Саюза Савецкіх Сацыялістычных Рэспублік ад 24 снежня 1989 года, у адпаведнасці з нормамі міжнароднага права страціў сілу ў момант нападу Германіі на СССР, гэта значыць 22 чэрвеня 1941 года. З’езд народных дэпутатаў СССР таксама асудзіў факт падпісання “сакрэтнага дадатковага пратакола” да дагавора ад 23 жніўня 1939 года і іншых сакрэтных дагаворанасцей з Германіяй. З’езд прызнаў сакрэтныя пратаколы юрыдычна беспадстаўнымі і несапраўднымі з моманту іх падпісання.

У сувязі з выкладзеным мы будзем вымушаны настойваць на вяртанні Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспубліцы беларускіх зямель.

Прэзідыум Вярхоўнага Савета Беларускай ССР
29 сакавіка 1990 года

Надрукавана ў газэце “Звязда”, 1 красавіка 1990 г.

ЗАНЯТОСТЬ РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ

в отдельных отраслях народного хозяйства в бывших союзных республиках

Республика	Промышленность	Сельск. хоз-во	Строительство	Здравоохранение	Просвещение	Наука, культура, искусство	Управление	Информ.-вычислит. службы
Украина	+24	-65	+11	+16	+8	+55	+40	+44
Беларусь	+11	-78	+3	+22	+30	+99	+119	+100
Литва	+30	-76	-3	-31	-20	+6	+195	+60
Латвия	+47	-70	+5	-19	-16	-24	+105	+28
Эстония	+78	-84	-13	-13	-28	-49	+98	+20
Молдова	+108	-79	+28	-3	+2	+136	+133	+199
Грузия	+22	-78	+32	+26	-28	+34	+121	+33
Армения	-2	-68	-14	+8	-3	+43	+98	0
Азербайджан	+90	-90	+15	+22	-23	+105	+169	+133
Казахстан	+109	-70	+76	-8	-24	+38	+28	+59
Кыргызстан	+171	-72	+119	0	+4	+98	+87	+201
Узбекистан	+126	-94	+108	+9	-12	+328	+217	+250
Таджикистан	+120	-93	+122	+75	+8	+234	+156	+213
Туркменистан	+122	-95	+90	+36	+1	+161	+144	+429

Цифры со знаком “+” или “–” показывают разницу в процентах между количеством занятых в данной отрасли представителей русскоязычного и коренного населения. Например, в последней строке последней колонки цифра “+429” означает, что в Туркменистане в сфере информационно-вычислительной службы число русскоязычных работника превышало число туркмен на 429 процентов.

Таблица подготовлена сотрудниками Центра гуманитарных исследований
по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 года

Впервые опубликовано в “Российской газете”, 26 июня 1993 года

SUMMARY

Editorial Page

Editor-in-chief shares his reflections on the interaction of the notions "nationalism" and "democracy," as well as on the role the national idea plays in the struggle for democratization of the Belarusian society. According to editor-in-chief, Belarusian democracy needs to work out a realistic program of renewal of the Belarusian culture and of nation state building.

Interview with political scientist Uladzimir ROUDA

Editor-in-chief of Open Society magazine Michail Pliska interviews the Candidate of Philosophical Sciences Uladzimir Rouda. The issues of the emergence of the nations and national development are being discussed.

Rouda considers a mistake the opinion of the researchers who believe that nations existed in the Middle Ages. According to him, there is a confusion of the notions "ethnos" and "the nation." It is possible to talk about the emergence of nation states only after the development of a free market and industrial revolution, i.e., since the 18th century. V.Rouda considers the Belarusian nation to have began its formation in the second half of the 19th century, and to have completed it by the 1930s. The development of the Belarusian nation after the World War II took place in extremely unfavorable circumstances. This pre-determined weakness of the Belarusian national movement during the break-up of the USSR. According to Rouda, BPF overestimated the level of the nationalist aspirations in Belarus, which prevented it from working out an efficient tactics leading towards taking power.

Henadz PRANIEVICH
Mentality in the system of coordinates of the national existence

In article of the candidate of philological sciences H.Pranievich. the problem of mentality of the Belarusian people is in detail considered. The author considers that it is possible to explain difficulties with which the Belarusian society has confronted on the way of democratic transformation and market reforms by, among other reasons, a weak understanding of the features of national character of the Belarusians, as well as by the stereotypes, which are inherent for their behavior. Pranievich is confident that the political elite, which develops the strategy of democratization of a society, should take into account these features of mentality of the Belarusian people. In opinion of the author, among the factors which have affected formation of the national character of the Belarusians, the most important is the geopolitical factor - a Euro-centric location at the crossroads from West to the East and from North to the South. It probably, explains the notorious tolerance of the Belarusian people, as it was put into difficult conditions of a survival, and should have acquiesced to the will imposed by stronger in the military sense neighbors. Formation of such features of a national character as thrift, managing skills, diligence, family-patrimonial solidarity, comprehension of the opportunities and borders of freedom has led to the circumstance in which the Belarusian nation had no the elite and had a predominantly rural character. Thus, the Belarusians, when it was necessary for the purposes of survival, could show strength, surprising resistance, patience and romantic heroism. It, in opinion of the author, has also ensured an internal stability of the Belarusian nation, its ability to survive in adverse historical conditions

Alies SMALIANCHUK
Belarusian Movement of the 20th Century and the Idea of the Belarusian Nation

In article by A.Smalianchuk, the candidate of historical sciences, a detailed analysis of idea of a political nation formulated by the ideologists of the Belarusian national movement of the beginning of 20th century, of which the Luckievich brothers were the prominent representatives, is presented. The embodiment of this idea should have become the formation of the independent state in ethnographic borders of the Great Duchy of Lithuania. In Smalianchuk's opinion, the idea of a political nation was used by the Belarusian national figures as a mean capable of strengthening the position of the Belarusian ethnos in national, cultural and political life of Belarus and Lithuania. The propagation of this idea was carried out through Russian, Polish and Belarusian language periodicals, such as: " the Evening Newspaper" (in Russian), "Courier Krajowy" (in Polish) "Nasha Niva" (in Belarusian). A.Luckievich hoped that the propagation of idea of a Polish and Russian speaking political nation would connect Russified and Polonized Belarusians to the Belarusian national movement. That would allow expanding its social base. However, by virtue of adverse historical conditions, the idea of a political nation was not realized. In opinion of the author, this doctrine deserves the most steadfast attention, as its was based on the idea of citizenship (or political nationalism) and, thus, resisted to the idea of ethnic nationalism. The author expresses a regret that the idea of a political nation was not taken into account by the leading political figures of the national movement in the beginning of the 90-s.

Materials of the Round table of political scientists Democracy and Nationalism as Alpha and Omega of the Political Process

Participants of the discussion are the renown BPF leader professor Y.V.Chadyka, renown publicist L.K.Zlotnikau, and editor-in-chief of Open Society magazine M.K.Pliska.

In opinion of L.K.Zlotnikau, without definition of the concept of "a nation" it is impossible to conduct the discussion about the role of the nation in political processes. L.K.Zlotnikau, considers that a nation comprises social and biological components. The biological is based on the collectivist instinct of a group, on the division of the people on "us" and "others". L.K.Zlotnikau, is confident that the development of a nation is determined not by the national spirit and not by the language but by daily interests of the people, living on territory of this or another state. In opinion of L.K.Zlotnikau,, the Belarusian nation is non-existent today, however, it is in the process of formation. Failure of democratic transformations is connected by him to the fact that the overwhelming majority of political parties and public organizations of democratic orientation have appeared adhered to BPF and its national politics.

Professor Y.V.Chadyka is confident that the Belarusian nation exists and has a millennium-long history. He considers the language as the basic attribute of a nation, without which the nation can not exist. In the Belarusian history, nationalism played only constructive role, and acted as a catalyst of the democratic transformation in the country. Professor Y.V.Chadyka considers that Belarusian should be the only state language of Belarus. He is against dividing the Belarusians on Russian and Belarusian speakers, as he sees in such division a display of West Russia's ideology. One of the mistakes admitted by BPF in its activity was that after acceptance of the Law on Languages it not could not convince the people about necessity of this law in an acceptable form, could not connect the national idea to idea of their own well-being.

M.K.Pliska considers that the concepts of "democracy" and "nationalism" do not exclude each other and that they can be compared to a double-sided medal. The contradictions, which can arise between them, are of an immanent character. They will exist so long as there will be mankind. In M.K.Pliska's opinion BPF has admitted a strategic mistake in the beginning of the 90s, when it used the language factor as division on "us" and "others" in the democratic movement. It has pushed many Russian speakers who did not share BPF's position on the national question away from BPF, and has considerably narrowed base of democratic movement.

Gia NODIA
Nationalism and Democracy

The fall of Communism in Eastern Europe and on the territory of the former Soviet Union has immediately brought huge achievements in the field of liberalization and democracy, as well as in the revival of nationalism. These changes have required, in particular, the rethinking of the relations between nationalism and democracy.

In Nodia's article, a detailed analysis of relations between concepts of "nationalism" and "democracy" and of the place of national components in the democratic development is given. In Nodia's opinion, the idea of nationalism is impossible, even theoretically, without the idea of democracy, and that the democracy has never existed without nationalism. These two components are connected by an intricate linkage and can not live one without the other, though may coexist in a condition of a constant tension. The divorce would be a logical way out for western liberal, frightened by experience of nationalism in the 20th century Europe. But in view of real disposition of political forces, it is possible to consider such approach as a mere desire.

Adam MICHNIK
Nationalism: a Monster Wakes Up

The renown Polish publicist reflects on the danger, which nationalism can bring after the rapid fall of Communism in the countries of Central and Eastern Europe. The aspiration to revive national values, protection of national culture, struggle for national statehood, are not nationalism. In Michnik's opinion, nationalism is a neglect of the others' right to preservation of a national and human dignity, is a certain concept of the world, according to which the peoples are the competitors in the struggle for survival. If the movement for revival of the national rights gets the nationalistic form, "nationalism" becomes the last shelter of the Communism, the last attempt of this out-of-date ideology to keep the authority in its hands

Arkadiy CHERKASOV
Eleven everyday stories about day-to-day friendship of the peoples

Essay contains the powerful, very precise and interesting characteristics of national features of the representatives of different nationalities: Estonians, Russians, Ukrainians, Jews, Georgians, and others. It is not the scientific treatise, but rather eleven real life stories histories, which give more food for reflections than an extensive research. Especially successful was the line about the Estonian national character, possibly because the author lived in this country.

Gevorg KARAPETIAN
Voting systems and the Growth of the Number of Parties in Ukraine

Author considers that political scientists pay undeservingly little attention to election systems as determinants of the party systems formation. Having analyzed the process of party formation in Ukraine, author concluded that the Duverge theory of a connection between the election system type and a number of political parties is not valid for post-Soviet countries. Thus, in Ukraine and Russia the majoritarian system has not produced a two-party system as was expected by the theory. It rather led to emergence of fragmented party systems. Some Western authors (Moser) believed that the proportional voting system that contains thresholds could produce large political parties in post-Communist countries.

Author considers that for transition societies the mixed election system should be kept and adjusted to ensure the formation of an efficient political system. He suggest to establish a correction coefficient 0.2, to recount the votes depending upon the residence, age, and education of the voters. Thus, a young educated urban dweller should have 0.4 votes when voting for the candidate in a single member constituency (1-0.2-0.2-0.2),while having 1.6 votes when voting for a party list (1+0.2+0.2+0.2). Vice versa, a senior uneducated farmer would have 1.6 votes when voting for in the constituency and 0.4 votes when voting for the party list. As the sum of both voters' votes would equal 2, this will notviolate the principle of an equal right to vote. However, the apportionment of election constituencies will bear significant changes, as rural constituencies will be smaller and their number larger. In author's opinion, this will promote formation of a two party system, one of which will promote reforms and the other defend egalitarian values.

Anatol ASTAPIENKA
Political processes in Belarus in Historical Perspective and their Connection to the National Idea and Nationalism

In A.Astapienka's opinion Belarus relates to number of those countries, in which nationalism has not become a state ideology. It is possible to explain this by the uncompleted process of national self-identification of the Belarusian people. The author singles out four waves of national revival of the Belarusian people. The first wave is 1861 for 1917. The basic role in the national revival in the beginning of 20th century was played by social democrats (Belarusian Socialist Hramada), which advocated a broad autonomy within the framework of the Russian empire. The second wave - 1918 - 1929 (BSSR), 1921 - 1939 (Western Belarus). These were the most favorable years for the formation and development of the Belarusian nation. The foundations of the Belarusian nationalism were formulated by reverend Adam Stankievich. The third wave of national revival happened in the years of the World War II. The fourth began in 1988 and was finished in 1996. When the Soviet Union broke up after the August putsch in 1991, Belarus was actually the only republic, which was not prepared for declaration of state independence, as the national idea had no broad support among both the ordinary people and the elite. In opinion of the author, it was the basic reason for the latter retreat in the construction of the independent state. BPF is partially responsible for the defeat of national democracy as it admitted numerous mistakes in its activities. Author provides a brief characteristic to existing political parties and considers their attitude to the problem of the national revival.

Archive: materials to discussion about nationalism

In the archive, the following documents are presented: Program Declaration of the Belarusian Popular Front "Renewal", extracts from the Declaration of the Program Goals and Principles of the United Democratic Party of Belarus, Statement of the Presidium of the Supreme Soviet of BSSR OF March 29, 1990, and statistical data on employment of the Russian population in separate branches of a national economy in former republics of the USSR. Particularly interesting for the readers shall be not indisputable thesis contained in the Declaration of the Program Goals and Principles of the United Democratic Party of Belarus about the existence and simultaneous development of both Belarusian and Russian-language Belarusian culture. Contrary to BPF, UDPB considered language as one of the main attributes of a nation, but not the sole one, and believed, that it is impossible to reduce all features of the national character and world outlook of the Belarusian people.

Equally interesting for the readers is the document forgotten for the quite clear reasons, the Statement of the Presidium of the Supreme Council of BSSR of March 29, 1990. In it, the Belarusian authorities, perhaps with the help of Moscow, have demanded to return the Belarusian territories if Lithuania quits the USSR.

The statistical data on employment of the Russian population in separate branches of a national economy in former republics USSR allows to trace connection between the number of employment of Russians in education, science, culture, art and speed of nation state building in former Soviet republics.

НАШИ АВТОРЫ

Злотников Леонид Константинович, кандидат экономических наук, окончил Московский государственный университет, отделение экономической кибернетики. Известный и влиятельный экономист. Автор более 30 научных работ и многочисленных статей по экономической и политической проблематике.

Карапетян Геворг, кандидат технических наук, помощник-консультант народного депутата Украины В.Филенко, представитель Швейцарской Восточно-Европейской библиотеки в Украине. Область интересов – посттоталитарное общество, политические партии, избирательные системы, региональные конфликты и т.п. Публикуется в газетах "День" и "Вечерние Вести", в украинских журналах и сборниках.

Михник Адам, главный редактор "Gazety Wyborchej" (Польша), активный участник профсоюзного движения "Солидарность", один из самых известных и влиятельных польских политиков и публицистов.

Нодия Гия, заведующий отделом политической философии в Институте философии в Тбилиси (Грузия). Статья "Демократия и национализм" написана им в 1991-92 году во время стажировки в Институте Кеннана для углубленных исследований в области русистики Центра Вудро Вильсона в Вашингтоне (DC).

Остапенко Анатолий Владимирович, кандидат физико-математических наук, доцент Белорусского университета культуры. Один из основателей образованной в 1990 году Национально-демократической партии Беларуси, затем председатель Белорусской национальной партии. Автор многих статей и книги "Паслухайце нацыяналіста" (Вільна, 2000 г.).

Плиско Михаил Казимирович, политолог, юрист, главный редактор бюллетеня "Адкрытае грамадства", член Политсовета Объединённой гражданской партии, руководитель Экспертной группы Консультативного совета оппозиционных политических партий по избирательному праву и конституционным вопросам.

Праневич Геннадий Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского литературоведения Брестского государственного университета. В 1999 г. стажировался в Ягеллонском университете в Кракове. Автор многих статей, в том числе статьи "Нацыянальны архетып у Адама Міцкевіча і Янкі Купалы" (1998 г.), соавтор книг "Зямля, прырода, людзі ў духоўнай культуры Беларусі" (Берасьце, 1999 г.), "Да дэмакратыі праз грамадзянскую супольнасць" (Шчэцін, 1999 г.).

Ровда Владимир Викторович, кандидат философских наук (1986), доцент кафедры политологии Белорусского государственного университета. Автор множества статей. Одна из них – "Роль национализма в процессе перехода к демократии. Сущность и особенности белорусской аномалии" опубликована на чешском языке в книге "Националистические политические партии в Европе" (Брно, 1999 г.). Научный редактор книг: "Да дэмакратыі праз грамадзянскую супольнасць" (Шчэцін, 2000 г.), "Анталогія сучаснай палітычнай філасофіі" (1999 г.). Сфера научных интересов: проблемы перехода к демократии, политические идеологии – национализм, консерватизм.

Смоленчук Александр Фёдорович, кандидат исторических наук (1995), доцент, научный сотрудник лаборатории проблем региональной культуры Гродненского государственного университета, автор книг "Польскае пытанне і беларускі рух" (Гародня, 1995 г.), "Палякі Беларусі і Літвы ў рэвалюцыі 1905-1907 гг." (Гародня, 2000 г.). Сфера научных интересов: история Беларуси конца XIX - начала XX вв., межэтнические отношения.

Хадыка Юрий Викторович, доктор физико-математических наук, профессор, лауреат первой премии Совета Министров СССР за разработку космической системы раннего оповещения от ракетного нападения (1980). Один из создателей музея древнебелорусской культуры при Национальной Академии наук Беларуси. Автор двух разделов во втором томе шеститомной "Гісторыі беларускага мастацтва", брошюры "Асновы дэмакратычнага светапогляду" (Магілев, "Ратуша", 1994), в соавторстве с Алексеем Хадыка – книги "Незабыўныя рысы. З гісторыі беларускага партрэта", (Мінск, 1993). В 1988 году – один из инициаторов создания Белорусского Народного Фронта, в настоящее время – заместитель председателя общественного объединения "БНФ "Адраджэнне". Сфера научных интересов: история белорусской живописи, история развития белорусской нации, национальные отношения.

Черкасов Аркадий, российский публицист.

OUR AUTHORS

Anatol' Astapienka, Candidate of Physics and Matematic Sciences, associate professor at the Belarusian Institute of Culture, one of the founder of the National Democratic Party of Belarus in 1990, then head of the Belarusian National Party. Author of numerous articles and a book "Listen to the Nationalist" (Vilnius, 2000).

Yury Chadyka, Doctor of Physics and Mathematical Sciences, professor, winner of the First Prize of the Council of Ministers of the USSR for elaboration of the Space System of Early Warning of NuclearAttack (1980). One of the founders of the Museum of Ancient Belarusian Culture at the National Academy of Sciences of Belarus. Author of two chaptersin the second volume of the six-volume History of Belarusian Art. Brochures "Foundations of a Democratic World Outlook" (Mahileu,1994); "Unforgettable Traits: History of the Belarusian Portrait" (Minsk, 1993). In 1998- co-founded the Belarusian Popular Front "Renwal", nowadays its deputy Chairman. Sphere of scientific interests: history of the Belarusian art, history of the national development in Belarus, national relations.

Arkadiy Cherkasov, Russian publicist.

Gevorg Karapetian, Candidate of technical sciences, consultant to the V.Filenko, MP (Ukraine), representative of the Swiss East European library in Ukraine. Works on posttotalitarian society, political parties, voting systems, regional conflicts. Published articles in newspapers "Den" and "Vecherniye Vesti," Ukrainian journals and collections of papers.

Adam Michnik, editor-in-chief of Gazeta Wyborcza, activist of Solidarity, one of the most prominent Polish politicians and publishers.

Gia Nodia, head of department of political philosophy, Institute of Philosophy, Tbilisi, Georgia. The article "Democracy and Nationalism" was written byhim during his internship at the Kennan Institute of Advanced Studies, Woodrow Wilson Center, Washington D.C.

Michail Plisko, political scientist, lawyer, editor-in-chief of "Open Society" journal, member of the board of the United Civil Party, head of the expert group of the consultative council of opposition political parties on election law and constitutional issues.

Hienadz Pranievich, Candidate of Philological Science, associate professor of literature studies at the Belarusian State University. In 1999- intern at the Jagiellonian University in Krakow, Poland. Authorof numerous articles, including "National Archetype of Adam Mickiewicz and Janka Kupala" (1998); co-author of books "The Land, the Nature, and the People in Spiritual Culture of Belarus" (Brest, 2000); "Towards Democracy through Civil Society" (Szczecin, 1999).

Uladzimir Rouda, Candidate of Philosophical Sciences (1986), associate professor at the department of political science, Belarusian State University. Author of numerous articles. One of them is titled "The Role of Nationalism in the Process of Transition. The Essence and Peculiarities of the Belarusian Anomaly." It is published in Czech in the book "Nationalistic Political Parties in Europe" (Brno, 1999). Editor of the books "Towards Democracy through Civil Society" (Szczecin, 2000), "Anthology of the Modern Political Philosophy" (1999). Sphere of scientific interests: problems of democratic transition, political ideologies: nationalism, conservatism.

Aliaksandr Smalianchuk, Candidate of Historical Sciences, associate professor, researcher at the laboratory of problems of regional culture, Hrodna State University, author of the books "Polish Question and Belarusian Movement"(Hrodna, 1995), "Poles of Belarus and Lithuania in the Revolution of 1905-1907" (Hrodna, 2000). Research interests in history of Belarus of the late 19th-early 20th century, interethnic relations.

Leanid Zlotnikau, Candidate of Economic Sciences, graduated from Moscow State University, division of economic cybernetics. Famous and influential economist, author of over 30 works and many articles on economic and political problems.

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ,
опубликованных в 2001 году в журнале "Адкрытае грамадства"

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

С января 1998 года Общественное объединение "Фонд "Адкрытае грамадства" издает общественно-аналитический журнал (до 2000 года – информационно-аналитический бюллетень), который по решению правления Фонда получил одноимённое название – "Адкрытае грамадства". В журнале публикуются как специально написанные для "Адкрытага грамадства" оригинальные статьи и исследования по обществоведческой проблематике Беларуси, так и наиболее интересные материалы из других аналитических и периодических изданий.

В настоящее время журнал "Адкрытае грамадства" бесплатно рассылается видным политикам, экономистам, социологам, политологам и публицистам как в Беларуси, так и за её пределами.

Кроме текущего номера редакция имеет возможность выслать по электронной почте материалы, содержащиеся в предыдущих номерах журнала, а также ксерокопии отдельных статей. Адрес журнала в Internet: www.data.minsk.by/opensociety.

Желающие опубликовать свои материалы в журнале "Адкрытае грамадства" должны предоставлять их на дискетах (3,5 дюйма) или пересылать по электронной почте в текстовом формате или в формате Word (6.0 и 7.0) объёмом, не превышающим 30 тысяч печатных знаков.

Рукописи, машинописные материалы, распечатки, сделанные на принтере, не рецензируются и обратно не высылаются.

Редакция "Адкрытае грамадства" надеется, что знакомство с материалами нашего издания будет для Вас полезным и окажет помощь в Вашей работе. Будем Вам очень признательны, если Вы направите в адрес редакции предложения, которые позволят сделать журнал более содержательным и интересным.

DEAR READERS!

The Public Association Open Society Foundation publishes its public analytical journal (until 2000 information and analytical bulletin) since January 1998. The journal was named Open Society according to the decision of the Board of the Foundation. The journal includes both original articles that were exclusively written for the Open Society and the most interesting publications from other analytical periodicals.

Nowadays, the Open Society journal is sent free of charge via e-mail to prominent political figures, economists, sociologists, political scientists, and publicists in Belarus and abroad.

We can send you the contents of previous journals via electronic mail or in photocopies. If you wish to publish in the Open Society journal, please present your material (30,000 characters maximum) on floppy disc (3.5") or send it via e-mail in text or Word format (6.0 or 7.0).

We do not review and do not send back manuscripts, typewrote materials, or printouts.

The editor of the Open Society journal hopes that your acquaintance with our edition will be fruitful and helpful in your work. Your comments and advise about the ways to improve the quality of the journal and to make its content more interesting are welcome.

Адкрытае грамадства, 2001, №2(11). Общественно-аналитический журнал.
Издается Общественным объединением "Фонд "Открытое общество"
с января 1998 г. один раз в два месяца. Тир. 299 экз.
При перепечатке ссылка на журнал "Адкрытае грамадства" обязательна.
Мнения авторов опубликованных материалов могут не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор ***Михаил ПЛИСКО***
Корректор ***Алёна КОЛЕСНИКОВА***
Дизайн ***Александр ВОЙСТРАХ***
Перевод на английский язык ***Виталий СИЛИЦКИЙ***
При оформлении обложки использовано фото: Голова ритуальной статуи. Кикладская культура (2400-2200 гг. до н.э.)

Адрес для почтовой корреспонденции: 220125 г. Минск, ул. Городецкая, 70-5
Телефон для связи: + 017-2837450. Факс: + 017-2110279
E-mail: mk_pliska@mail.ru
Адрес в Internet: www.data.minsk.by/opensociety